

А. Варславан

**ПОЛИТИКА
АНГЛИЙСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА
В ОТНОШЕНИИ
БУРЖУАЗНОЙ
ЛАТВИИ**

| 1920—1923 |

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ

А. ВАРСЛАВАН

ПОЛИТИКА
АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА
В ОТНОШЕНИИ
БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ
(1920—1923)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВАЙГЗНЕ»
Рига 1966

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни силы империализма выступают против любых устремлений народов к свободе и независимости, к демократии и прогрессу. Колониальные державы навязывают освободившимся странам неравноправные договоры, размещают на их земле военные базы, пытаются вовлечь их в военные блоки. Почти половина государств, возникших в итоге распада колониальной системы, опутана тяжелыми неравноправными договорами. Хотя в последние годы произошло значительное ослабление позиций Англии в соотношении сил внутри капиталистического мира, приобретенный ею после первой мировой войны опыт создания и подчинения молодых буржуазных «независимых» государств широко используется современными колонизаторами. Роль этого английского опыта в наши дни усиливает то обстоятельство, что колонизаторы в целях сохранения своего господства делают вид, будто уходят из колоний и создают там «независимые» государства. Однако под флагом «помощи» они пытаются удержаться в этих странах старые и захватить новые позиции, расширить свою социальную опору, перетянуть на свою сторону национальную буржуазию, насадить военно-деспотические режимы, поставить у власти послушных марионеток. В таких условиях разоблачение опыта английского империализма приобретает большую актуальность.

Буржуазная Латвия также была «независимым» государством, созданным в свое время при содействии империалистов Англии. Показ действительной роли английского империализма, проявившейся в первые годы латвийской буржуазной республики, в известной мере может способствовать раскрытию подлинных целей современных колонизаторов.

Историки и экономисты буржуазной Латвии всячески старались изобразить буржуазную Латвию независимой и самостоятельной. Одни идеализировали роль международной реакции в образовании этого государства, другие просто замалчивали ее. Они также старались обойти молчанием эко-

номическую зависимость Латвии, в которую она попала с первых дней своей «самостоятельности».

В наши дни по этому исторически ложному пути в интересах самых реакционных кругов международного империализма идут «ученые» из среды латышских буржуазно-националистских эмигрантов. Поэтому до настоящего времени является актуальным разоблачение порочной теории «самостоятельности» буржуазной Латвии. Это разоблачение в условиях Латвийской ССР имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение — оно помогает борьбе с буржуазной идеологией.

До сих пор в советской исторической литературе недостаточно показана сущность политики английского империализма по отношению к буржуазной Латвии в 1920—1923 гг. В августе 1920 года с заключением советско-латвийского мирного договора она впервые была признана де-юре другим государством. В 1923 году с заключением англо-латвийского торгового договора буржуазная Латвия была официально вовлечена в экономическую орбиту Великобритании. Тем самым была юридически, на уровне государственного договора оформлена экономическая база политико-дипломатической зависимости буржуазной Латвии от Англии. В связи с этим 1920—1923 годы в политике английского империализма по отношению к Латвии были годами укрепления и роста английского влияния в этой стране.

Целью исследования было показать на основе конкретного исторического материала цели, характер и методы политики английского империализма в отношении буржуазной Латвии и установить характер, тенденцию и степень политико-дипломатической зависимости буржуазной Латвии от Англии.

Монография написана, главным образом, на основе первоисточников, использованы фонды Архива внешней политики СССР и Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР.

Г Л А В А I

УКРЕПЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ НАКАНУНЕ СОВЕТСКО-ЛАТВИЙСКИХ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

Образование латвийского буржуазного государства было связано с общим кризисом капитализма и обусловливалось вооруженной борьбой мирового империализма против первого в мире Советского государства. В течение трех лет (1917 — 1920) между пролетариатом и буржуазией в Латвии шла напряженная борьба за власть. Дважды на протяжении этого периода трудящиеся Латвии устанавливали Советскую власть в борьбе против буржуазии и иностранных империалистов-оккупантов. Создание Советской Латвии явилось претворением в жизнь помыслов трудящихся масс, боровшихся за свое национальное и социальное раскрепощение, национальных чаяний латышского народа. Буржуазная Латвия возникла не в результате национально-освободительной борьбы латышского народа, а в результате победы контрреволюции.

Не случайным было вмешательство международного империализма в политику прибалтийских лимитрофов. Оно неразрывно связано с общей борьбой международного империализма за сохранение монополии на мировое господство. В то же время вмешательство это вскрывало многие противоречия, существовавшие в тот период между самими империалистами. Найти общий язык часто мешало «не только ослепление капиталистов их ненавистью к Советам, а также и их грызня между собой», которая побуждала «их ставить подножки друг другу»¹.

Основными претендентами на господство в Латвии выступали германские и английские империалисты. Поэтому англо-германские противоречия в Латвии играли большую роль в определении позиции местной националистической буржуазии.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 279.

В 1918 году господствующее влияние в Латвии имел германский империализм. Победа же держав Антанты в войне определила победу английского империализма и в Латвии. Результатом было сформирование еще в условиях немецкой оккупации проанглийского буржуазного правительства Ульманиса.

Большая часть латышской буржуазии поддерживала английских империалистов. Политика последних по обеспечению своего господства в Латвии оказалась более гибкой, чем политика германского империализма. Уже 30 декабря 1917 года в разговоре со шведским послом в Петрограде генералом Брандштремом деятели буржуазного «Национального совета» Гольдман и Сескис восхищались либерализмом режима в Англии и независимостью ее колоний². Учитывая вековую ненависть латышского народа к немецким баронам, английский империализм в роли покровителя латвийского буржуазного государства заигрывал с буржуазией и выдвигал лозунги борьбы за демократию и независимое латвийское государство. 28 февраля 1918 года поверенный в делах Англии в Петрограде Линдлей заявил представителю буржуазии Латвии Я. Сескису: «Боритесь за независимую Латвию, и я верю, что вы добьетесь ее независимости»³.

Английская политика в Прибалтике и в дальнейшем, содной стороны, поддерживала наступление мирового империализма против общего врага — первого пролетарского государства; с другой стороны, была нацелена на упорную экономическую и политическую борьбу со своими партнерами — другими империалистами Запада — за перевес в Прибалтике. Отсюда и специфика английской политики в Прибалтике, в частности в Латвии.

Относительно необходимости задушить Советскую власть и реставрировать капиталистические порядки в бывшей царской России между империалистическими государствами существовало полное единство взглядов. Империалистов объединяла ненависть к большевикам, но они отнюдь не были едины в определении целей своей политики по отношению к России. В отличие от своих партнеров, США и Франции, Англия желала видеть восстанавливаемую реакционную Россию раздробленной, чтобы самой за ее счет закрепиться в южных

² См.: Līgotņu Jēkabš. Latvijas valsts dibināšana. R., 1925., 253. lpp.

³ J. Sēkšis. Latvijas valsts izcelšanās kara notikumu norisē. R., 1938., 134. lpp.

и юго-восточных районах бывшей царской империи, а также в прибалтийских провинциях.

Между государствами Антанты, а также присоединившимися к ним США имелись определенные разногласия относительно способов осуществления интервенции в Советскую Россию. Это также определяло отличительные черты английской политики в Латвии. В начале иностранной военной интервенции британское правительство стремилось осуществить свои захватнические цели с помощью собственных войск. Несколько позже оно перешло от открытой к завуалированной вооруженной интервенции. «Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии давно уже, в течение многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе, стараться главным образом отрезать источники снабжения от страны, на которую они напали, и предпочитать метод удушения, под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, кругого, резкого военного насилия», — указывал В. И. Ленин 29 июля 1918 года⁴. Этот переход выразился в том, что английские империалисты на словах декларировали свое неучастие в интервенции, а на деле усиленно вооружали внутренние контрреволюционные силы в России. Правящие круги Англии принимали все необходимые меры к тому, чтобы вовлечь в антисоветскую интервенцию как можно больше государств, граничащих с Советской Россией. Таким образом, империалисты Англии перешли от «опасной» для них формы интервенции к более безопасной, за счет «малых» народов. 8 декабря 1918 года английский посланник в Париже лорд Берти писал: «Нет больше России! ...Если только нам удастся добиться независимости буржуазных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., сколько бы их ни удалось сфабриковать, то по мне остальное может убраться к черту и вариться в собственном соку»⁵.

Характер английской политики по отношению к буржуазной Латвии определялся также все более усиливающейся борьбой между двумя тенденциями в рядах английской буржуазии — между тенденцией к продолжению вооруженной борьбы против Советской России и тенденцией к соглашению с советским правительством в расчете восстановить в стране капиталистические порядки с помощью экономических рычагов.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 3.

⁵ The Diary of Lord Bertie, 1914.—1918., vol. II. London, 1924, p. 232.

На наличие таких тенденций указывал В. И. Ленин в «Письме к рабочим Европы и Америки» 21 января 1919 года⁶.

Сторонники первой тенденции считали, что самой подходящей формой борьбы против Советской России является метод военной интервенции. В эту группировку входили капиталисты, не заинтересованные непосредственно в торговле с Россией, в получении сырьевых материалов из этой страны, а также представители монополий, связанных с производством оружия и военного снаряжения, которые видели в военной интервенции источник получения прибылей.

Вторая группировка состояла из представителей либеральной буржуазии, торговых кругов и монополий, связанных с производством товаров на экспорт. Возглавлялась она премьером Англии Ллойд-Джорджем. Представители этой группы так же ненавидели Советскую страну, как и те, которые примыкали к первой группе. Однако они были заинтересованы в обширных советских рынках и советском сырье. Эти круги считали, что им легче добиться реставрации капитализма в Советской России путем постепенного внедрения иностранного капитала в советскую экономику, чем путем открытой военной интервенции. 16 января 1919 года Ллойд-Джордж на «Совете десяти» Парижской мирной конференции заявил, что мысль о подавлении большевизма с помощью военной силы — чистое безумие. Это он обосновывал наличием революционного настроения в английской, а также во французской и американской армиях⁷. Ллойд-Джордж также боялся революционного подъема в Германии. Его пугало возможное объединение германских и советских революционных сил, которое могло произойти в результате победы революции в Германии. «Эта опасность не пустой бред», — писал Ллойд-Джордж «Совету десяти»⁸.

20 января того же года английский представитель в Балтийском комитете Парижской мирной конференции Эсме Говард в своем дневнике писал, что Ллойд-Джордж и президент США Вильсон уже договорились о применении новой тактики против большевиков⁹. Возникла идея создания «са-

⁶ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 413.

⁷ V. Strauss. Padomju Latvija un starptautiskā kontrevolūcija. Maskavā, 1931., 48. lpp.

⁸ Там же, стр. 47.

⁹ Howard of Penrith. Theatre of Life, p. 196.

нитарного кордона» вокруг Советского государства. Это значило, что существование Латвии, а также других лимитрофов признавалось необходимым. Идея «санитарного кордона» фактически была одобрена обеими группировками английских политиков, а также другими государствами. Странники продолжения военного вторжения в Советскую Россию считали, что вновь созданные государства «санитарного кордона» можно использовать как плацдарм для подготовки новой интервенции в Советское государство, а созданные и укрепленные армии этих «подданных» — как живую силу для реализации общеимпериалистических намерений. Армии Антанты из-за проникших в них революционных и антивоенных настроений были не в состоянии выполнить задачи интервенции. В начале 1919 года об этом писал ярый защитник линии интервенции Черчилль. Он и начальник генерального штаба английской армии генерал Вильсон настаивали на том, чтобы честно и до конца были бы выполнены обещания о вооружении и обеспечении направленных против большевиков войск государств «санитарного кордона». Требовалось также помочь этим армиям опытными офицерами-инструкторами, чтобы создать боеспособные войска. По мнению Черчилля, в дальнейшем необходимо было стараться объединить эти государства в одной военно-дипломатической системе и заставить их делать в пользу разгрома большевизма столько, сколько они в состоянии сделать¹⁰.

Подобно империалистам Антанты, реакционные силы Германии также были заинтересованы в ликвидации завоеваний Октябрьской социалистической революции. Эту общность интересов в январе 1919 года высоко оценил триумвират Парижской конференции — Ллойд-Джордж, Клемансо и Вильсон — и решил, что Германия тоже должна быть привлечена к освобождению России и восстановлению Восточной Европы. В своей ослепленности ненавистью к большевикам воротилы политики Антанты старались забыть о существующих между их государствами и Германией противоречиях. Решение триумвирата свидетельствует и о том, что инициатор политики экономического подавления Советской России Ллойд-Джордж неоднократно шел на уступки сторонникам открытой интервенции. Германию, разумеется, брали в расчет прежде всего как военный фактор.

¹⁰ V. Strauss. Padomju Latvija un starptautiskā kontrevolūcija, 49. lpp.

Некоторая двойственность и неопределенность во взглядах Ллойд-Джорджа в отношении Прибалтики выразилась в его письме от 19 февраля 1919 года члену английской делегации в Париже. Премьер правительства Англии писал: «Что касается Польши, Финляндии и других государств, которые должны быть отрезаны от России и поставлены под покровительство Лиги наций, то здесь, я думаю, мы должны будем оказать не только моральное, но и материальное, и, если понадобится, полное военное содействие этим вновь созданным государствам, чтобы защитить их от большевистского вторжения из Советской России. Однако в настоящее время я не вижу никаких признаков, что советское правительство имеет какое-либо намерение или желание вторгнуться в эти территории. Мы еще не решили судьбы Эстонии, Литвы и Ливонии [Латвии]. Если эти страны попадают под ту же категорию, что и Польша, тогда мы должны оказать им поддержку на тех же условиях»¹¹.

В начале 1919 года Черчилль более твердо и определенно проводил свою линию организации военной интервенции в Советскую Россию. Выступая на заседании Верховного совета Антанты, он предложил создать специальный орган для подготовки интервенции, который обсудил бы «практические возможности» организовать против большевиков «объединенные военные операции», где наряду с союзными государствами и войсками русской белогвардейщины участвовали бы и войска соседних с Россией государств¹². Страны Антанты в начале 1919 года настойчиво выдвигали вопрос военного вмешательства в дела Прибалтики также потому, что именно в это время революционные латышские стрелки начали очищать территорию своей родины от германских войск и плохо организованных подразделений армии буржуазного правительства. Советская власть установилась на большинстве территории Латвии. Планируя подавление Советской власти в России, государства Антанты считали одним из важнейших и неотложных вопросов подавление Советов в Прибалтике. В этих целях сюда направлялся целый ряд военных, политических и экономических миссий.

Особую заинтересованность в делах Прибалтики проявляла Англия, так как этот район Европы по соглашению

¹¹ Д. Ллойд-Джордж. Правда о мирных договорах, т. I. М., 1957, стр. 325.

¹² W. Churchill. The World Crisis, vol. 5. London, 1929, p. 173—174.

между Францией и Англией от 23 декабря 1917 года входил в «сферу влияния» последней¹³.

В феврале 1919 г. в Лиепая прибыл английский полковник С. Таллентс¹⁴. В марте туда же приехал неофициальный политический представитель правительства Великобритании Герберт А. Грант-Уотсон¹⁵. Но вскоре англичанам пришлось встретиться в Латвии с соперничеством своих партнеров, в первую очередь Соединенных Штатов Америки. Новое в англо-американских отношениях полковник Хауз в письме президенту США характеризовал так: «...хотя Британская империя намного превосходит Соединенные Штаты по площади и населению и общая сумма богатств, вероятно, больше наших, все же мы находимся в гораздо более благоприятном положении. Вот почему отношения между этими двумя странами начинают приобретать такой же характер, как отношения между Англией и Германией перед войной»¹⁶. Государственный секретарь США Лансинг в своем письме президенту Вильсону от 10 февраля 1919 года предложил послать в Прибалтику специальную американскую миссию. Вильсон согласился с Лансингом. 12 марта американская делегация на Парижской мирной конференции сформировала для посылки в Латвию, в Эстонию и в Литву специальную миссию во главе с полковником У. Грином¹⁷. Миссия Грина в составе восьми офицеров, двух военных чиновников и одного капрала 23 марта выехала из Парижа и прибыла в Лиепая, где тогда располагалось буржуазное правительство Ульманиса¹⁸. За военной американской миссией последовали и другого рода миссии из США.

Выражая точку зрения своих хозяев — американских империалистов, Грин рассматривал Прибалтику как «наиболее важный ключ Запада ко всей русской проблеме»¹⁹. Он заявил, что Латвия, Литва и Эстония «являются барьером против большевизма, буферными государствами между Россией и Германией, военным и торговым ключом к русскому тылу.

¹³ V. Strauss. Padomju Latvija un starptautiskā kontrrevolūcija, 24. lpp.

¹⁴ S. Tallents. Man and Boy. London, 1943, p. 274.

¹⁵ Советская Латвия в 1919 году, т. II. Р., 1960, стр. 44, док. № 21.

¹⁶ Архив полковника Хауза, т. IV. М., 1944, стр. 383.

¹⁷ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference, 1919, vol. XII, p. 137.

¹⁸ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 46, док. № 24.

¹⁹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919, Russia. Washington, 1937, p. 682.

Поэтому Прибалтийские государства и Литва представляют собой стратегическую территорию, необходимую для того, чтобы остановить натиск большевизма на Запад и начать активный агрессивный поход для разгрома большевизма и восстановления России»²⁰.

Усиление американской экспансии в Прибалтике не могло понравиться английским империалистам. Вторжение американского влияния в Прибалтику срывало расчеты английских монополий, считавших ее сферой своих интересов. Английские монополии стремились использовать свою географическую близость к Прибалтике и превосходство в военном и торговом флоте, чтобы утвердиться в этом районе. Американский империализм, со своей стороны, не хотел усиления своего английского конкурента и стремился к усилению собственных позиций в Прибалтике и в России. Журнал «Жизнь национальностей» в августе 1919 года писал: «...в Латвии в настоящее время действует не один, а два соперничающих между собой великодержавных хищника — Англия и Америка»²¹. В официальных докладах американской миссии в Прибалтике часто наталкиваемся на выпады против английского правительства.

Доля американского капитала во внешнеторговом обороте России до первой мировой войны была незначительной. Война дала возможность США во много раз увеличить экспорт в Россию. В 1916 году Штаты уже занимали первое место по ввозу товаров в Россию²². Американский империализм не желал терять занятых позиций. Чтобы достичь своих корыстных целей, а именно, не только подавить Советскую власть, но и ограничить распространение влияния своих союзников, Англии и Франции, буржуазия Штатов решила поставить на службу себе германскую военщину. Надо отметить, что именно Латвия была тем местом, где после первой мировой войны американский империализм впервые начал в противовес Англии и Франции в Европе выдвигать Германию. Об этом свидетельствует письмо немецкого генерала фон Секта, занимавшего в весенние месяцы 1919 года пост начальника штаба в Восточной Пруссии и практически осуществлявшего руководство операциями немецких войск в Прибалтике. 22 марта 1919 года фон Сект писал: «Вчера полковник фон Ольдерс-

²⁰ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919, vol. XII, p. 207—208.

²¹ «Жизнь национальностей», 10 авг. 1919 г., № 30.

²² «Вопросы истории», 1955, № 7, стр. 93.

гаузен рассказывал очень интересные вещи, а именно относительно усиления контакта с Америкой. Так как министерство иностранных дел не воспользовалось предпринимаемыми отсюда попытками сближения, США обратились к нашему верховному командованию». Далее немецкий генерал сообщал, что начальник политического отдела американского главного штаба был в Кольберге, где в то время находились Гинденбург и германское верховное командование, и заявил там, что Америка отныне будет укреплять свое влияние в Европе; для этого она теперь хочет иметь опору, то есть друга, и таким другом может быть только Германия²³.

В марте—апреле 1919 года английская политика в прибалтийском вопросе приняла некоторые определенные формы, а именно: на основе военной победы Антанты над Германией использовать силы последней для ограничения распространения Советской власти. Под укрытием германских войск Англия старалась создать местные национальные войска, которые со временем могли бы заменить немцев и выполнять приказы Антанты (т. е. Англии — А. В.) в антисоветской борьбе. В. И. Ленин в «Докладе о внешнем и внутреннем положении Советской Республики» 3 апреля 1919 года характеризовал положение в Латвии так: «Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские бело-гвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров»²⁴.

Если в использовании германских войск для антисоветской борьбы английские и американские империалисты нашли общий язык, то этого нельзя сказать относительно иных планов. Так, английские политики не хотели видеть Прибалтику, в частности Латвию, под властью Германии, хотя бы и реакционной. Германская армия им нужна была только как временная антисоветская сила, под прикрытием которой выросли бы местные буржуазные государства, преданные Англии. Напротив, империалисты США, преклоняясь перед германской военщиной как главным душителем Советской власти в Прибалтике, были готовы оставить ей прежние привилегии в этом

²³ А. Норден. Между Берлином и Москвой. М., 1956, стр. 305—306.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 231—232.

районе Европы и вместе с тем уменьшить здесь растущее влияние Англии. Будучи составной частью противоречий, ослабляющих международный империализм, скрытые англо-американские противоречия начали выявляться в открытой форме, чему способствовали действия германских оккупантов. Намерения буржуазного временного правительства Латвии создать свою армию оказались неосуществимыми. Генерал Гольц, командующий германскими войсками в Западной Латвии, до поры до времени уступая нажиму представителей Англии, терпел у себя под боком это беспомощное самозванное «правительство». Но когда оно после возвращения Ульманиса из поездки в Копенгаген стало явно проявлять свои симпатии к англичанам, генерал Гольц 16 апреля 1919 года разогнал правительство Ульманиса, арестовав часть его министров. Ульманис спасся от ареста на корабле «Саратов», стоявшем в Лиепайском порту под защитой английских военных судов. По распоряжению генерала Гольца гражданская власть была передана директории из трех лиц. Это были местные немецкие бароны, опиравшиеся на «ландесвер»²⁵. В тот же день, когда ударная часть сместила в Лиепае правительство Ульманиса, туда, после шестидневной поездки на фронт, возвратилась американская миссия во главе с полковниками Грином и Даули²⁶. В своих действиях генерал Гольц встретил поддержку представителей США. Чтобы укрепить влияние своего государства в Прибалтике, полковник Грин после свержения правительства Ульманиса писал главе американской делегации на Парижской мирной конференции: «Важно, чтобы был прислан (в Лиепаю. — А. В.) американский эсминец или грузовое судно»²⁷.

Действия генерала Гольца и поддерживающих его представителей США шли вразрез с интересами Англии. 19 апреля в Париже на совещании министров иностранных дел Антанты был обсужден вопрос о действиях генерала Гольца и о произведенном германскими войсками в Латвии «государственном перевороте». На этом заседании министр иностранных дел Англии Бальфур, прикрывая интересы Англии в Латвии демократическими фразами, заявил, что немецкие войска в Латвии, наряду с борьбой против большевиков, «устанавливают

²⁵ Ландесвер — «защитники страны». Так назывались военные силы, созданные в конце 1919 года в Латвии из местных немецких помещиков и фабрикантов.

²⁶ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 65.

²⁷ Там же, стр. 67.

власть немецких помещиков и подавляют латышей»²⁸. Вслед за этим комиссия по перемирию в Спа 22 апреля официально оповестила германское правительство о необходимости восстановить свергнутое Гольцем латышское «правительство». В результате такого требования генерал Гольц в Лиепаве вместо образованной им директории создал латышское «правительство» из представителей местных немецких баронов и прогермански настроенной части латвийской буржуазии во главе с известным реакционером — пастором А. Ниедрой.

Опасения англичан относительно деятельности генерала Гольца росли. 4 мая представитель Германии в Комиссии по перемирию получил новую ноту за подписью министра иностранных дел Англии Бальфура, в которой требовалось отозвать Гольца из Курляндии. 9 мая правительство Германии отклонило это требование и, чтобы заставить англичан отказаться от претензий к генералу Гольцу, сообщило, что оно вообще в ближайшее время отзовет свои войска из Прибалтики. Чтобы не разрушать антисоветский фронт, Англия была вынуждена отказаться от своих требований. Необходимость сохранения единого фронта против советских республик частично нейтрализовала открытые противоречия. Однако на заседании Верховного совета союзников 9 мая 1919 года, на котором обсуждался вопрос скорейшего занятия Риги контрреволюционными войсками, ясно обозначилось различное отношение английских и американских политиков к роли германской армии в Латвии. Представитель США Гувер в целях успешной реализации планов антисоветской борьбы предлагал при наступлении на Ригу немецким войскам оперировать на суше, согласуя свои действия с английским флотом, который будет действовать со стороны моря. Государственный секретарь США Лансинг предупреждал, что в случае отказа британского флота от общих действий с германскими войсками Англия должна нести всю ответственность за последствия. Министр иностранных дел Англии Бальфур, в свою очередь, высказал сомнение, согласятся ли английские матросы сражаться плечом к плечу со своими прежними врагами, с которыми еще даже не заключен мирный договор²⁹. Из этого видно, с какой неохотой, вследствие нежелания потерять свое влияние в Латвии, Англия шла на союз с Германией. Однако в обще-

²⁸ История Латвийской ССР, т. III. Р., 1958, стр. 182—183.

²⁹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference, 1919, vol. IV, p. 691.

империалистических интересах она поддержала и одобрила захват Риги германскими войсками. Во время наступления генерала Гольца на Ригу английские военные суда вошли в Рижский залив для обеспечения успеха интервентов³⁰.

После захвата Риги соперничество Англии и Германии в Латвии обострилось. Опасаясь захвата Прибалтики Германией, Антанта отдала распоряжение генералу Гольцу не оставаться в Риге, а двинуть свои войска на преследование Красной Армии, отходившей в восточную часть Латвии — Латгалию. Но Гольц, осуществляя цели германских империалистов и продолжая прикрываться вывеской «латышского правительства» Ниедры, направил «Железную дивизию» и «ландесвер» на север, где революционных частей латышских стрелков уже не было. Тогда находившийся в Таллине английский генерал Гоф двинул против войск Гольца белозстонскую армию и Северолатвийскую бригаду, которые заняли весь север Латвии. Под прикрытием популярного в народе лозунга «борьбы с немецкими баронами» буржуазия Латвии сумела привлечь в «северную» армию и крестьян. Представитель США в Прибалтике полковник Грин и на этот раз поддержал Гольца. Это особенно рельефно выявилося на совещании в Цесисе, созванном 10 июня представителями западных империалистов для урегулирования создавшегося конфликта и восстановления единого антисоветского фронта. Здесь открыто столкнулись американская политика Грина, которая господствовала в южной части Латвии, и английская политика, полностью господствовавшая в Эстонии. О позиции Грина на этом совещании даже историки буржуазной Латвии писали: «...из переговоров видно, что полковник Грин и немцы очень хорошо понимают друг друга»³¹. По предложению представителя США эстонцы и части «северной» армии Латвии, которыми фактически командовали англичане, должны были отойти на север, а «ландесвер», который состоял только из немцев, — занять Северную Латвию. Английской политике в Латвии, проводимой через клику Ульманиса, угрожал провал. В лице США вырисовывался серьезный соперник Англии в этом районе ее «сферы влияния». По мнению английских политиков, германские войска свою задачу, т. е. подавление Советской власти в Прибалтике, уже выполнили. Потому правительство Англии считало, что пора убрать их из Латвии.

³⁰ История Латвийской ССР, т. III, стр. 186.

³¹ *Latvijas atbrīvošanas kara vēsture*, I d., R., 1938., 218. lpp.

Оно надеялось, что при активной поддержке Англии местная буржуазия уже будет в состоянии удержать власть и без германских войск.

Английская позиция взяла верх 13 июня на заседании Верховного совета союзников, где рассматривался вопрос о дальнейшей политике союзников в Прибалтике. Военные представители Антанты указывали, что пришла пора в Прибалтике главную ответственность в борьбе с большевизмом возложить на местные буржуазные правительства. Потому они предложили запретить германским войскам дальнейшее продвижение на север и потребовать от Германии эвакуации войск из Лиепаи и Вентспилса, а в ближайшее время и из всей Прибалтики. В предложениях дальше указывалось, что необходимо помочь в прибалтийских провинциях местным национальным войскам, обеспечивая их снаряжением, оружием, одеждой и другими материалами, а также отпуская необходимые суммы денег. Все эти мероприятия предлагалось реализовать без задержки. Предложения военных представителей Верховный совет союзников принял³².

Для реализации этих решений была создана миссия союзников в Прибалтике. Руководить миссией поручили английскому генералу Гофу, бывшему командующему 5-й английской армией во Франции. Членами миссии были английские генералы Марч (заместитель Гофа), Берт и другие. Это была большая победа английской дипломатии над планами США в Прибалтике. Положение англичан в Латвии улучшило и то, что 22 июня у Цесиса эстонские и «северные» белолатышские войска разгромили войска «ландесвера» и «Железной дивизии». Представитель США Грин был отозван из Латвии. Отъезд Грина в США, конечно, не означал, что США отказывались от проводимой ими политики. Был обновлен лишь состав осуществлявшей эту политику агентуры. 28 июня 1919 года Грин, соглашаясь с подчинением американской миссии английской в военном отношении, многозначительно добавлял: «Но не в политических и экономических делах»³³. 30 июня Грин в меморандуме генеральному секретарю мирной делегации США в Париже Гру выдвинул предложение о разграничении сфер деятельности американской и английской миссии в Прибалтике, причем американцы потребовали боль-

³² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference, 1919, vol. VI, p. 374—376.

³³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919, Russia, p. 683.

шую часть Прибалтики — Латвию и Литву, «уступая» англичанам Эстонию и Петроградский фронт³⁴.

Генерал Гоф 26 июня прибыл из Таллина в Лиепаяу. Вместе со своей миссией он делал все возможное, чтобы в Прибалтике, в том числе и в Латвии, укрепить английское влияние. Уже 23 июня часть предназначенного к вторжению в Латвию английского десанта была высажена в Лиепайском военном порту³⁵. 27 июня генерал Гоф объявил, «что при поддержке союзных держав прежнее правительство (Ульманиса. — А. В.) приступает к работе; реконструированный кабинет будет представлять всех жителей Латвии»³⁶. По указке английских хозяев, министр обороны только что восстановленного правительства Ульманиса 30 июня издал приказ, в котором сказано: «Между кабинетом министров Временного правительства Латвии и военными миссиями союзников состоялось соглашение о том, что полковник английской армии Гров назначается главным начальником обучения и снабжения всех войсковых частей и вновь формируемых подразделений Латвии»³⁷. Гражданским губернатором города Риги был назначен полковник Таллентс, а начальником гарнизона Лиепаяу — полковник-лейтенант английской армии Роузи Робинсон³⁸. Назначение Таллентса именно гражданским губернатором столицы Латвии не было случайностью. В создавшихся условиях военные силы, которые находились поблизости от Риги, враждовали между собой, и с их помощью трудно было сразу установить руководящую роль англичан в Риге. Скорее этого можно было добиться, взяв в свои руки гражданское управление. Кроме того, англичанам было неудобно осуществлять свое воздействие через занявшие Ригу немецкие войска, так как большинство местных жителей относилось к ним враждебно.

4 июля Таллентс собрал представителей рижских газет и «проинформировал» их о создавшемся положении³⁹. На следующий день он руководил первым заседанием рижской городской думы⁴⁰. В своих мемуарах Таллентс писал, что в то

³⁴ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference, 1919, vol. XII, p. 212.

³⁵ А. Лейт. Агрессия империалистических держав в Латвии (1917—1920). Р., 1952, стр. 62.

³⁶ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 177, док. № 139.

³⁷ Там же, стр. 180, док. 141.

³⁸ Там же, стр. 180, док. № 142; стр. 182, док. № 145.

³⁹ S. Tallents. Man and Boy, p. 336.

⁴⁰ Там же, стр. 337.

время он фактически в равной мере был занят как гражданскими, так и военными вопросами⁴¹.

8 июля в Ригу на военном корабле прибыл полномочный руководитель союзнической миссии в Прибалтике генерал Гоф, который был встречен латышской буржуазией с королевскими почестями⁴². В тот же день на пароходе «Саратов» под охраной английского флота прибыло «правительство» Латвии во главе с Ульманисом⁴³. Посаженное английскими империалистами на шею латышского народа, это «правительство» стало орудием буржуазной контрреволюции и иностранных интервентов в их борьбе против трудящихся Латвии. Возвращением своей власти оно было обязано только английскому империализму и потому без колебаний считало его своим «светским и духовным» отцом.

После укрепления английского влияния в Латвии, а также после разгрома войск Гольца под Цесисом создались все предпосылки для полной ликвидации германского военного влияния в Латвии. Германские войска отступали из Северной Латвии по направлению к Риге. Части эстонских и латышских буржуазных войск их преследовали и, несомненно, намеревались изгнать с территории Латвии. Но правительство Англии после ликвидации германского господства в Латвии и укрепления там своих позиций снова изменило политику по отношению к дальнейшему пребыванию германских войск на территории Латвии. Для позиций Англии эти военные силы уже не казались опасными и могли пригодиться для борьбы с Советской Россией. Такому повороту английской политики в Латвии в июле 1919 года способствовали требования других союзников не разрушать единый фронт против большевизма, а также различие мнений о методах борьбы с Советской Россией в кругах самой английской буржуазии. Было оказано также некоторое давление со стороны представителей США на буржуазные правительства Эстонии и Латвии для скорейшего соглашения между местными буржуазными войсками и войсками германского империализма. Представитель США на Парижской мирной конференции полковник Логан, а также упомянутый полковник Грин пугали министра иностранных дел Эстонии Поску тем, что в случае прекращения наступления на германские войска Америка больше не даст государствам Прибалтики никаких продуктов

⁴¹ S. Tallents. Map and Boy, p. 334.

⁴² История Латвийской ССР, т. III, стр. 187.

⁴³ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 519.

питания⁴⁴. По поводу такого давления руководитель делегации буржуазной Латвии на Парижской мирной конференции Секис с тревогой сообщил в Ригу, что американцы «вмешиваются в наши внутренние дела и усложняют положение»⁴⁵.

Английский полковник Таллентс в своих мемуарах также характеризовал Грина как «друга немцев»⁴⁶. Отношение США к германской военщине в этот период видно из высказывания полковника Грина за 5 июля 1919 года: «Вместо наступления на Петроград ведется наступление на Ригу, которая только что освобождена от большевиков. Наступление, в ходе которого лучшие антибольшевистские войска истребляют друг друга. Теперь ясно, что эстонцы, наступая на Ригу, являются агрессорами и что всякая американская продовольственная и другая помощь Эстонии должна быть прекращена, пока не будет положен конец этой междоусобной борьбе. Я лично был против предписанного недавно чересчур поспешного отвода немецких войск из Либавы и Латвии. Я не считаю необходимой эвакуацию немецких войск...»⁴⁷

Для консолидации антисоветских войск 3 июля на одной из окраин Риги, в Страздумуйже, под нажимом союзников между воюющими странами было заключено перемирие, по которому «Железная дивизия» и другие германские войска обязались не позднее 5 июля оставить Ригу и отойти в Курземе⁴⁸. Переговорами руководили полковник Таллентс и французский полковник-лейтенант Дипарке⁴⁹. По Страздумуйжскому договору о перемирии немцы должны были открыть свободное почтовое, телеграфное и железнодорожное сообщение через Курземе между Ригой и Лиенапой, которая была очищена от германских войск уже в конце июня⁵⁰. Чтобы сохранить вооруженные силы «ландесвера» для антисоветской борьбы, было решено, что начиная с 6 июля они будут считаться в составе армии правительства Ульманиса, а командовать ими будет английский полковник Александер⁵¹. Ясно видно, что

⁴⁴ V. Sīpols. Ārvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulises. R., 1957., 152. lpp.

⁴⁵ Там же, стр. 153.

⁴⁶ S. Tallents. Man and Boy, p. 311.

⁴⁷ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Paris Peace Conference, 1919, vol. XII, p. 213—214.

⁴⁸ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 519.

⁴⁹ Latvijas atbrīvošanas kara vēsture, I d., 277.—278. lpp.

⁵⁰ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 181, док. № 143.

⁵¹ Latvijas atbrīvošanas kara vēsture, II d., 13. lpp.

Страздумуйжский договор о перемирии был делом рук английской дипломатии.

Сохраняя свою определяющую роль в Латвии, английский империализм не менее своих западных партнеров был заинтересован в сохранении единого фронта против Советской России. Чтобы достичь этой цели с помощью вновь образованных государств, необходимо было добиться там по возможности единства хотя бы в «правлящих» кругах буржуазии. Планы подчинения «ландесвера» требовали создания такого правительства Латвии, состав которого удовлетворял бы и балтийских немцев — главную силу «ландесвера». Стремясь объединить под своим контролем все антисоветские силы Латвии, Англия настояла на том, чтобы кабинет Ульманиса сразу же после восстановления сложил свои полномочия с тем, чтобы после этого были проведены переговоры с баронским «Балтийским национальным конвентом» о включении в состав кабинета представителей немецких баронов, давних врагов латвийского трудового народа⁵². После двухнедельных переговоров, которыми руководили английский генерал Гоф, полковник Таллентс и дипломатический представитель Англии Грант-Уотсон, новое правительство Ульманиса было сформировано уже в Риге. В его состав вошли три представителя баронов⁵³. То, что вновь созданное «правительство» было детищем английских политиков, подтверждает меморандум Русского отдела министерства иностранных дел Англии от 11 июля 1919 года. В меморандуме было сказано, что в Латвии «по предложению представителей союзников составлено временное правительство, в которое входят шесть латышей, три балтийских немца и один еврей»⁵⁴. Для каких целей производилась эта консолидация сил, явствует из сообщения, сделанного представителем английской делегации на Парижской мирной конференции 2 июля 1919 года. В сообщении говорилось,

⁵² Балтийский национальный конвент — своего рода баронский «кабинет министров», существовавший в Лиепае с начала января 1919 г. во главе с фон Самсон-Гиммельстёрн и фон Фирксом и считавший себя выразителем мнений немецкого населения Латвии; ориентировался на Германию, мечтал о создании в Прибалтике такого государства, в котором бароны сохранили бы все свои средневековые привилегии и земельные латифундии, но предпочитал действовать исподволь, скрытно, не порывая полностью с «умеренными» представителями латышской буржуазии, к которым относили и самого Ульманиса, а особенно его министров Валтера и Блумберга.

⁵³ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 462.

⁵⁴ Documents of British Foreign Policy. First series, vol. III, London, 1947, p. 6.

что «поскольку балтийские порты необходимы для любого мероприятия, которое Запад мог бы предпринять против Москвы, необходимо, чтобы в этих государствах были бы стабильные правительства»⁵⁵.

Реорганизация буржуазного правительства Латвии, проведенная английскими империалистами, не изменила антинародного характера этого правительства. Наоборот, открытый союз латышской буржуазии с немецкими баронами только увеличил враждебное отношение большинства латышского народа к правительству Ульманиса и усилил его неустойчивость. Правительственным кругам латвийской буржуазии реорганизация продемонстрировала полную их зависимость от Англии. Этого было достаточно, чтобы члены марионеточного правительства Латвии питали и симпатии и боязнь к английским ведьможам.

После заключения Страздумуйжского перемирия латвийское буржуазное правительство боялось присутствия в Латвии германских войск и возможности враждебных действий с их стороны в будущем против правительства Ульманиса. Эту боязнь правительственных кругов буржуазной Латвии увеличивали медлительность генерала Гольца в выполнении требования государств Антанты о выводе войск из Латвии, а также недостаточное давление на германского генерала со стороны союзников.

Правительство Англии не высказалось определенно по поводу эвакуации германских войск. Это объясняется тактическими противоречиями в английских правительственных кругах и медлительностью английской внешней политики. Представителям Англии в Латвии давно было ясно, что немцы не намерены эвакуироваться и можно ожидать их новых попыток овладеть Латвией. Полковник Таллентс 2 июля 1919 года писал в своем донесении министру иностранных дел Англии: «... у меня сложилось впечатление, подкрепленное соответствующей информацией, что немцы не прилагают серьезных усилий ради эвакуации из Латвии и затягивают ее в надежде, что могут появиться обстоятельства, которые оправдали бы дальнейшую их интервенцию в стране. Я полагаю, что союзники предпримут решительные шаги и ускорят уход немцев»⁵⁶. О необходимости эвакуировать из Латвии германские войска

⁵⁵ M. Graham. The Recognition of the Border States. London, 1939, vol. 2, p. 277.

⁵⁶ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 186, док. № 147.

до 20 августа 1919 года сообщал в телеграмме министру иностранных дел Бальфуру и генерал Гоф⁵⁷. Но принять какие-либо решительные меры по эвакуации германской армии англичане так же, как и их партнеры, воздерживались в надежде использовать войска Германии в антисоветской войне. Мнения буржуазного правительства Латвии по вопросу эвакуации немецких войск никто не спрашивал. Когда 20 июля 1919 года представителями союзников и немецкого командования обсуждался этот вопрос, представителей латвийского буржуазного правительства даже не допустили к переговорам. Им вместе с эстонскими представителями было приказано ожидать поблизости, на тот случай, если бы потребовалось, чтобы они подписали мирный договор во исполнение Страсдунуйжского перемирия от 3 июля⁵⁸. Такое положение не могло льстить буржуазному правительству Латвии и вызывало некоторое недоверие к союзникам. В требовании вывода германских войск буржуазное правительство Латвии чувствовало поддержку народных масс, а потому позднее решилось на более активные действия.

Во избежание столкновений между войсками буржуазной Латвии и армией Гольца английский генерал Берт 25 июля определил нейтральную полосу, в которую не разрешалось вступать ни войскам Гольца, ни армии буржуазного правительства Латвии⁵⁹.

В конце июля и в августе 1919 года отчетливой обозначились новые планы германского империализма по захвату Прибалтики. Новая восточная политика германского империализма выходила далеко за пределы Латвии. В ее планы входило радикально изменить соотношения политических сил Европы, даже мира, и в противовес Антанте создать унию Германии и России. Таким путем германский империализм думал избежать полного разгрома и даже больше — разгромив Антанту, взять реванш. Генерал Гольц, один из авторов этой новой восточной политики германского империализма, надеялся обрести в лице Колчака и Деникина верных друзей Германии, которые обеспечили бы в будущем германо-русский союз против Британской империи.

22 июля в Берлине русскими монархистами и прибалтийскими немцами-баронами с целью борьбы против Советской России и восстановления российской монархии был создан

⁵⁷ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 186, док. № 147.

⁵⁸ Там же, стр. 183, док. № 147.

⁵⁹ Там же, стр. 190—191, док. № 150.

специальный орган под эгидой Германии — Русское военно-политическое совещание. Этот находившийся на содержании у Германии орган считал себя единственным «правовым защитником интересов России» и не признавал буржуазных правительств Литвы, Латвии и Эстонии. Вскоре «совещание» объявило себя «Западнорусским правительством», во главе которого был поставлен генерал В. Бискупский. Своими войсками это «правительство» считало армию Бермондта, которого оно признало командующим русскими войсками в Латвии⁶⁰. Когда под угрозой срыва подписания Версальского договора Германия вынуждена была выполнить требование союзников — отозвать генерала Гольца, основной контингент его войск остался в Латвии и формально был зачислен в белогвардейскую «русскую западную армию» авантюриста Бермондта-Авалова. Эта армия находилась на содержании у немецких капиталистов. Оснащение и боеприпасы Бермондт получал от Германии. В «русскую западную армию» были зачислены кроме «Железной дивизии» особый немецкий легион добровольцев из Германии (12 тысяч человек), а также русские белогвардейцы, завербованные в Германии из бывших военнопленных. Общее количество войск Бермондта к началу октября 1919 года достигло почти 50 тысяч человек⁶¹. Нет никакого сомнения, что эти войска были настроены против самостоятельности буржуазной Латвии. Неофициально они были предназначены для подчинения прибалтийских лимитрофов Германии, а официально — отражали курс восстановления «неделимой, единой» России. Надо отметить, что со стороны государств Антанты все еще не был решен вопрос признания буржуазного государства Латвии де-юре.

Все эти факты, вместе взятые, настораживали правительство буржуазной Латвии. Появились некоторые трещины в единодушии союзников и созданного ими марионеточного правительства Латвии. Даже наблюдалось со стороны правительственных кругов Латвии робкое проявление критики политики государств Антанты. Так, представитель буржуазного правительства Латвии в Париже Я. Сескис в своем сообщении премьеру Ульманису и министру иностранных дел Мейеровицу констатировал: «Вся наша дипломатия и политика имеет один недостаток: мы вынуждены со своими требованиями обращаться только к одному фактору, к Антанте; у нас

⁶⁰ А. Норден. Между Берлином и Москвой, стр. 271.

⁶¹ История Латвийской ССР, т. III, стр. 188.

нет выбора, мы не можем обращаться к какой-либо другой власти и с ней торговаться. Таким образом, наша политика превращается в просьбы и попытки уговорить. Это Антанта очень хорошо знает... и потому она относится к малым народам с чрезвычайным равнодушием и неуважением. Из этого положения мы выберемся только в том случае, если сумеем организовать государство с определенной военной и экономической силой, что зависит только от наших собственных сил, так как помощи ожидается очень мало»⁶². Здесь уже намечаются некоторые ростки старания вести самостоятельную политику. Дальше в своем письме дипломат буржуазной Латвии старался найти еще «фактор», на который можно было бы опереться во внешних отношениях буржуазной Латвии. Он писал: «Вторым фактором были бы наши соседи, с которыми мы могли бы вступить в дело»⁶³.

Из государств-союзников самые большие симпатии к правящим кругам буржуазной Латвии питали империалисты Англии. От них буржуазия Латвии ожидала помощи в реализации некоторых своих «собственных» желаний. Инструктируя представителя буржуазной Латвии в Париже Гросвальда, Мейеровиц 7 августа 1919 года писал: «...если некоторые из Союзников не хотят понять серьезность состояния дел, тогда концентрируйте все свое внимание на Великобритании как в Париже, так и в Лондоне»⁶⁴.

Такую эволюцию политики буржуазного правительства Латвии обуславливало, во-первых, все предшествовавшее развитие событий, во-вторых, специфика политики Англии по отношению к Латвии именно в августе и в сентябре 1919 года. Доказательством этому может служить сравнение отношений Франции, США и Англии к политическим проблемам, особенно интересовавшим буржуазное правительство Латвии в то время, а именно: признание самостоятельности буржуазной Латвии, сохранение армии Бермондта на ее территории, «помощь» буржуазному правительству Латвии.

Вопрос о признании полной независимости буржуазной Латвии была готова решить только Англия, так как это не противоречило интересам ни группы Ллойд-Джорджа, ни группы Черчилля. Только тенденция к выжиданию и старание

⁶² ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. I, д. 20, л. 40.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Z. Meierovics. Latvijas pirmā ārlietu ministra darbības vēsture rakstu krājums. Sakop. Ed. Virza. R., 1935., 459. lpp. (Далее: Z. Meierovics ...)

соблюдать единогласие с союзниками воздерживали Англию от официального объявления признания Латвии де-юре. Франция и США от этого отказались в пользу сохранения «единой» России⁶⁵. Разумеется, что симпатии буржуазной Латвии были на английской стороне.

По вопросу о выводе немецко-русскобелогвардейских войск из Латвии английские представители в Латвии тоже занимали позицию более благоприятную для правительства буржуазной Латвии, нежели позиция США и Франции. США и Франция рассматривали войска Германии как основную силу в восстановлении антисоветского фронта в Прибалтике. Англия, наоборот, старалась этот фронт создать на основе армий прибалтийских лимитрофов. Представитель США на Парижской мирной конференции Полк всеми способами добивался сохранения германских войск в Прибалтике. 18 сентября он заявил, что союзники идут на риск, требуя от германского правительства вывода войск из Латвии⁶⁶. Кроме создания единого фронта против Советской России, монополисты США рассчитывали с помощью империалистической Германии захватить вначале важнейшие позиции в экономике Прибалтийских стран, а затем полностью их закабалить, превратив в свою вотчину. Следствием этого были американо-английские разногласия и открытое покровительство представителей США в Латвии войскам генерала Гольца и их преступлениям. Это подтверждал сам Бермондт-Авалов. Он писал: «... во время нашей гражданской войны американские представители всегда действовали в духе, благоприятном для нас, русских... Американцы на межсоюзной комиссии... целиком были на моей стороне. Они одобряли мероприятия, которые я осуществлял для выполнения тяжелой задачи — спасения России»⁶⁷.

В начале августа для организации антисоветского наступления со стороны Прибалтики в помощь английскому генералу Гофу был направлен французский генерал Этьеван. По мнению Я. Сескиса, высказанному в письме от 9 августа З. Мейеровицу, «французский генерал посылается с определенным планом». Он сообщал, что «французское правительство думает, что следует лишь все прибалтийские и [русскую белогвардейскую] Северную армию объединить и отдать в

⁶⁵ См. стр. 93 данного издания.

⁶⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference, 1919, vol. VIII, p. 231—234.

⁶⁷ Awaloff. Im Kampfe gegen den Bolschewismus. Hamburg, 1925, S. 216.

распоряжение Юденича — и тогда в скором времени можно будет взять Петроград, возможно, также Москву и вскоре можно будет разбить большевиков... Впечатление, однако, такое, что до нас, самих Прибалтийских стран, им горя мало, — они хотят разбить большевиков нашими силами с помощью своих военных материалов и оружия...»⁶⁸. Уже после отъезда Гольца из Латвии Я. Сескис писал президенту буржуазной Латвии Ульманису о позиции французского правительства в отношении маскировки германских войск под личиной русской белогвардейщины: «... само французское правительство в русском вопросе не имеет никакой определенной политики. Французское правительство, наверное, чувствует, что великую Россию может восстановить только Германия, но вместе с тем она попадает под германское влияние»⁶⁹. В письме З. Мейеровицу от 27 августа 1919 года тот же дипломат буржуазной Латвии указывал, что «большевизмом напуганы и французы», и они считают, «что большевизм является опасностью большей, чем германизм». В этом же письме Я. Сескис пришел к выводу, что все приказы о выводе немецких войск содержат и указания, что «не будет большой беды, если германские войска и останутся» в Латвии. По его мнению, немцев удалить из Латвии без применения силы не удастся⁷⁰.

Англия так же, как и ее партнеры, была заинтересована в восстановлении единого контрреволюционного фронта в Прибалтике. Представитель миссии генерала Гофа в Латвии — английский генерал Берт — открыто высказал представителям печати, что задачей военной миссии в Прибалтике является сколачивание всех контрреволюционных сил для подавления большевизма как в окраинных государствах бывшей России, так и в самой России. Берт сообщил, что в Прибалтике «скоро будет возможность создать общий объединенный фронт против большевиков»⁷¹. Англия только не хотела для этой цели использовать самого опасного соперника в этом районе — Германию. Это прекрасно понимали и политики буржуазной Латвии. В своих воспоминаниях Я. Сескис писал: «Англию беспокоила судьба балтийского побережья, потому что с укреплением армии Бермондта на развалинах Латвии и Эстонии Германия приобрела бы новые обширные колонии, которые многократно компенсировали бы потерянные

⁶⁸ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 195—196, док. № 155.

⁶⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. I, д. 20, л. 52—53.

⁷⁰ Там же, л. 57—58.

⁷¹ «Jaunākās Ziņas», 1919. g. 24. jūlijā.

Эльзас и Лотарингию. Укрепясь в Прибалтике, Германия овладела бы воротами, для того чтобы мало-помалу завоевать экономически и политически всю Россию»⁷². Латвийская буржуазия, чтобы сохранить свою политическую власть, предпочитала подчиниться Великобритании. Она предполагала, что Англии «не нужна колонизация Латвии англичанами. Молодые государства Латвия, Литва, Эстония и Финляндия нужны ей только как ограничительный вал против неестественного и слишком большого роста и распространения власти Германии и России»⁷³.

Свою роль в Прибалтике все больше начали терять в глазах английских политиков и русские белогвардейцы. «Тот маленький факт, что Россия не смогла объединить Эстонию и Латвию в одну демократическую единицу, затем двинуться сообща на красную Россию, не предвещает ничего хорошего в будущем для этого класса белых русских, которые в данную минуту обращают во врагов своих друзей и приводят в уныние всех желающих добра России», — писал 4 августа 1919 г. генерал Гоф⁷⁴.

Тактические споры между отдельными группами английских политических руководителей, а также влияние союзников все-таки удержало английское правительство от резких высказываний против пребывания войск Германии в Прибалтике. В начале августа 1919 года руководитель миссии союзников в Прибалтике английский генерал Гоф был вызван с отчетом в Лондон. На Совещании пяти 15 сентября 1919 г. английский премьер Ллойд-Джордж заявил, что Гоф больше не вернется в Прибалтику⁷⁵. Возможно, его отзыв объясняется тем, что он слишком настойчиво, хотя и безрезультатно, требовал вывода германских войск из Латвии. Такое мероприятие, очевидно, не соответствовало желанию большинства союзников. При таком положении английское правительство в отношении немецких войск в Латвии заняло выжидательную позицию. Характеризуя политику союзников в Прибалтике, английский министр иностранных дел лорд Керзон 16 августа 1919 г. указал, что положение настолько запутанно

⁷² J. Seskis. *Latvijas valsts izcelšanās un viņas izredzes*. R., 1921., 42. lpp.

⁷³ P. Zālīte. *Vācu varas pastari Latvijā*. R., 1925., 71. lpp.

⁷⁴ А. П. Родзянко. Воспоминания о северо-западной армии. Берлин, 1921, стр. 164.

⁷⁵ Documents of British Foreign Policy. 1919—1939. First series, vol. I, London, 1947, p. 697.

и трудности принятия удовлетворяющего всех решения так велики, что совсем не будет преувеличением сказать, что в некоторых случаях нет никакой политики⁷⁶. Критикуя эту «бесцельную» политику, он в том же заявлении Верховному совету союзников далее отметил, что не предпринимается никаких дальнейших шагов, чтобы обеспечить сотрудничество окраинных государств в определенных Антантой границах; представителям этих государств, несмотря на неоднократные их просьбы, ничего не сообщается о дальнейших намерениях союзников. Поэтому, по мнению Керзона, Латвия, Литва и Эстония горько разочарованы. Содействие антибольшевистской направленности этих государств он видел в материальной поддержке, а также в сочувственном «отношении правительств союзных государств к их национальным стремлениям». Существующее положение министр иностранных дел Англии считал «в политическом отношении в высочайшей степени неудовлетворительным»⁷⁷.

После отбытия из Прибалтики генерала Гофа руководителем миссии союзников стал другой английский генерал — Марч. Он старался активизировать организацию общего военного похода всех антисоветских элементов Прибалтики и рассчитывал включить его во второй поход Антанты против Советской России. Марч был намерен урегулировать серьезные разногласия между отдельными компонентами антисоветских сил Прибалтики. При этом он старался соблюдать и поддерживать интересы местных буржуазных государств, так как их существование вполне обеспечивало английское влияние в этом районе. Достаточно ярким примером таких действий было стремление уладить отношения между Эстонией и русскими белогвардейцами Юденича. 10 августа 1919 г. Марч у себя в кабинете сформировал из нескольких белоэмигрантов «правительство русской Северо-западной области». Тут же, не выходя из кабинета, «северо-западные министры» по команде Марча подписали заготовленный им текст договора с Эстонией, в котором признавалась ее абсолютная независимость. В ответ на это Эстония должна была принять участие в походе на Петроград. «Северо-западное правительство» было сущей фикцией. Никакой реальной властью оно не располагало, Юденич с ним не считался и не собирался принимать всерьез акт о признании Эстонии. Но все-таки форма

⁷⁶ J. Seskis. Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara norisē, 265.—266. lpp.

⁷⁷ Там же, стр. 266—267.

была соблюдена, и повода для претензий у эстонских правителей не оставалось. Английская буржуазная печать расценила политический трюк Марча как крупную дипломатическую победу. Газета «Таймс» писала, что соглашение эстонцев с белыми даст союзникам возможность начать совместные военные действия против Советской России⁷⁸.

За «решением» эстонского вопроса последовали другие попытки объединить силы контрреволюции в Прибалтике. 26 августа генерал Марч созвал в Риге военное совещание представителей командования вооруженными силами Прибалтийских стран, а также армий Юденича и Бермондта. Участники этого совещания под диктовку Марча приняли единый план действия на всем Западном фронте⁷⁹. Но этот план остался только на бумаге, так как империалисты оказались бессильными добиться полного единства сил. Глава буржуазного правительства Латвии Ульманис сообщил генералу Марчу, что войска Бермондта, проходя через Ригу, по пути в Даугавпилс обязательно свергнут его правительство и потому Ульманис отказывается пустить эти войска в Ригу. Отрегулировать этот вопрос взялся руководитель английской миссии в Прибалтике полковник Таллентс. Он договорился с Бермондтом, что тот опубликует заявление, в котором правительству Ульманиса будут даны определенные гарантии. Таллентс приготовил проект такого заявления. В нем указывалось, что Бермондт признает правительство Ульманиса, что по отношению к Латвии у него только миролюбивые цели и что на территории Латвии он не останется дольше необходимого времени⁸⁰. Все же эта попытка урегулирования отношений между латвийским буржуазным правительством и Бермондтом не увенчалась успехом: последний отказался признать независимость Латвии.

Чувствуя заинтересованность государств Антанты в ликвидации противоречий между отдельными компонентами антисоветских войск в Прибалтике, а также используя англо-германские противоречия, буржуазное правительство Латвии осмелилось 1 сентября 1919 года послать в Лондон, в Париж и президенту США Вильсону телеграммы, в которых просило, для того «чтобы освободить страну от чужих войск и можно было успешно продолжать борьбу против большевиков», осуществить следующие мероприятия против германских войск:

⁷⁸ «Times», Aug. 16, 1919.

⁷⁹ Советская Латвия в 1919 году, стр. 200.

⁸⁰ Documents of British Foreign Policy. First series, vol. III, p. 87.

- а) приказать незамедлительно вывести из Латвии в Германию германские войска;
- б) прислать необходимые военные и морские силы для выполнения приказа об эвакуации.

Далее в телеграммах была высказана просьба и в отношении войск Бермондта. А именно:

- а) немедленное выделение всех ранее принадлежавших к германской армии солдат, которые вступили в русские войска;
- б) вывод русских войск Бермондта из Латвии;
- в) освобождение упомянутых войск [Бермондта] от германской зависимости в деле обеспечения, вознаграждения и вооружения;
- г) запрещение вербовки русских военнопленных в Германии и их переправки из Германии в Латвию.

В отношении армии самой буржуазной Латвии в телеграмме латвийского буржуазного правительства повторно содержалась просьба предоставить возможность закупить в странах Антанты оружие, амуницию, обувь и одежду для трех дивизий⁸¹.

Таким образом, буржуазное правительство Латвии думало с помощью союзников освободиться от «германской опасности» и вместе с силами Бермондта, взятыми под командование союзников, влиться в общий фронт антисоветской борьбы. Буржуазия Латвии боялась остаться одна против революционных войск Советской Латвии и Советской России. Чтобы этого не случилось, 10 сентября 1919 года начальник Валкского уезда Я. Озолинь без стеснения предлагал министру иностранных дел временного буржуазного правительства Латвии передать армейские части буржуазной Латвии вместе с эстонскими и литовскими под общее командование «одного из лучших генералов союзников»⁸². Латвийская буржуазия в то время боялась даже своей собственной армии. Тот же Озолинь писал, что в армии надо ввести строжайшую дисциплину, так как «политическая эпидемия (Советская власть. — А. В.), которую перенесла наша родина, очень заразительна»⁸³.

15 сентября 1919 года Совет глав делегаций Парижской мирной конференции обсуждал вопрос о возможном замещении германских войск в Латвии польскими войсками. Но никакого конкретного решения вопроса главы делегаций не

⁸¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. 1, д. 20, л. 61—62.

⁸² Там же, ф. 3601, оп. 1, ед. хр. 263, л. 42.

⁸³ Там же.

добились⁸⁴. Вопрос о пребывании немецких войск в Латвии в сентябре и октябре на разных заседаниях и в кулуарах Парижской мирной конференции обсуждался часто, но безрезультатно — войска Бермондта оставались в Курземе⁸⁵.

Для борьбы с революционными народными массами, а также для выполнения своих обязанностей перед мировым империализмом в борьбе против первого в мире Советского государства буржуазному правительству Латвии было необходимо создать свою армию. В то время это было невысказано без помощи извне. 12 августа 1919 года латвийское буржуазное временное правительство отправило в Лондон, в Париж и в Вашингтон телеграммы, в которых указывало, что «Временное правительство Латвии бессильно реализовать свои задачи без немедленной помощи со стороны государств Антанты» и просило предоставить ему в кредит оружие, пищевые продукты, одежду для нужд армии⁸⁶.

Англия, в свою очередь, считала своим долгом вооружать буржуазную Латвию. Это для нее было удобно вдвойне: во-первых, с помощью этого мероприятия английский империализм мог еще больше укрепиться в Латвии политически и экономически; во-вторых, вооруженная англичанами армия буржуазной Латвии могла стать реальной силой в борьбе против Советской России, которую часть английской буржуазии предполагала вести вооруженным путем с помощью чужих сил. Поэтому в отношении военной «помощи» буржуазной Латвии Англия была особенно «щедрой». Об этом свидетельствует отрегулированная в 1925 году задолженность буржуазной Латвии Англии за «помощь» в период 1919—1920 гг.⁸⁷ Эта английская «помощь» приблизительно в два раза превосходила подобную «помощь» США и более чем в 16 раз — Франции.

Такая «щедрость», разумеется, вызвала особые симпатии буржуазной Латвии к Англии. Премьер Ульманис с восторгом мог сообщить о «заслугах английской миссии»: «Помощь была столь большая, сколько у нас было возможностей ее ис-

⁸⁴ См.: Ф. Зуев. Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию. 1919—1920. М., 1954, стр. 51—53.

⁸⁵ См.: Documents of British Foreign Policy. First series, vol. I.

⁸⁶ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. I, д. 20, л. 46.

⁸⁷ См.: А. Варславян. К вопросу о влиянии английского капитала на экономику буржуазной Латвии (1920—1923 гг.). Латв. гос. университет им. П. Стучки. Ученые записки, т. 50. Р., 1963, стр. 87—88.

пользовать... Сколько нам надо было, сколько мы могли использовать, столько нам помогли и дали»⁸⁸.

Франция в августе—сентябре 1919 года в обеспечении армии буржуазной Латвии оружием была значительно сдержаннее Англии. Во-первых, она сразу потребовала оплатить полученное вооружение сырьем (льном, лесоматериалами). Об этом сообщал в своих письмах Мейеровицу Сескис, который вел переговоры с французским правительством о «помощи» Латвии⁸⁹; во-вторых, сдержанность министерства иностранных дел Франции в вопросе «помощи» Латвии оружием обоснована и мнением, что французы не имеют права дать буржуазной Латвии военные материалы по той причине, что последняя может использовать их не только против большевиков, но и против любого русского правительства⁹⁰.

Организовать во второй половине 1919 года общий военный поход всех прибалтийских антисоветских сил западным империалистам не удалось. «Все эти надежды рухнули безвозвратно. План концентрического нападения на Советскую Россию кончился полной неудачей», — указывалось в сообщении НКВД РСФСР о предложении правительствам Прибалтийских государств и Финляндии начать мирные переговоры⁹¹. Это должны были признать и русские белогвардейцы. Бывший царский генерал Родзянко писал: «Межсоюзная Военная миссия определенно обещала, что к 15 сентября эстонцы и латыши перейдут в наступление с нашей армией; на самом деле ни те, ни другие, по-видимому, и не собирались двинуться»⁹².

В такой обстановке Советская Россия, проводя в жизнь ленинскую мирную внешнюю политику, предложила прибалтийским буржуазным государствам начать переговоры о заключении мирных договоров.

⁸⁸ Mācītāja Andr. Niedras, Dr. T. Vankina un zv. adv. Ansberga prāva. Stenografisks atferējums, II d. R., 1924., 267. lpp.

⁸⁹ Советская Латвия в 1919 году, стр. 197, док. № 156.

⁹⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. I, д. 20, л. 55.

⁹¹ Документы внешней политики СССР, т. II. М., 1958, стр. 246.

⁹² А. П. Родзянко. Воспоминания о северо-западной армии, стр. 92.

ГЛАВА II

АНГЛИЯ И СОВЕТСКО-ЛАТВИЙСКИЕ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Переговоры о заключении мирных договоров между Советской Россией и Прибалтийскими государствами — окраинами бывшей царской России, начатые по инициативе Советского государства в конце 1919 года, и в особенности само подписание мирных договоров между этими государствами, имели большое международное значение. Заключение этих договоров, пробивших брешь в международной изоляции Советской России, представляло собой практическое подтверждение правильности ленинского принципа возможности и необходимости мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Заключение мирных договоров между РСФСР и соседними странами было частью серьезной победы Советского государства над объединенными силами международного империализма, победы, которая являлась завоеванием не только Советской страны, «но всех стран, всего человечества»¹.

11 сентября 1919 года народный комиссар иностранных дел РСФСР Чичерин передал по радио ноту о предложении мирных переговоров с Латвией и Литвой. В ноте говорилось, что Российское Советское правительство предлагает этим государствам «вступить в переговоры по вопросу о прекращении военных действий и о выработке условий мирных отношений между обеими странами»². Подобное предложение 31 августа было передано буржуазному правительству Эстонии³.

Через несколько дней в Таллине (Ревеле) собралась конференция глав правительств и министров иностранных дел Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии. Во время конференции в Таллине был английский представитель Таллентс. В своих

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 361.

² Документы внешней политики СССР, т. II. М., 1958, стр. 244.

³ Там же, стр. 242—243.

мемуарах он указывает, что, не участвуя в заседаниях конференции, он свободно консультировал делегации, особенно эстонскую⁴. Всех участников конференции волновало отношение Антанты к возможности мирных переговоров малых стран с Советской Россией. Ревельская конференция не вынесла никакого определенного решения, но здесь были предприняты попытки найти общее решение этого вопроса. 18 сентября эстонское правительство прервало уже начатые в Пскове мирные переговоры с Советской Россией по той причине, что оно якобы не может прекратить военных действий «без ущерба для соседей» и хочет получить их ответ⁵. Латвийское и литовское правительства медлили с ответом. Однако уже самый факт заинтересованности Прибалтийских стран в советских мирных предложениях вызвал серьезную тревогу в лагере Антанты.

Французское правительство прибегло к прямым угрозам по отношению к Эстонии. Касясь советско-эстонских переговоров, оно заявило, что «подобное радикальное изменение эстонской ориентации, без всякого сомнения, будет сопровождаться соответствующим изменением франко-эстонских отношений»⁶. Представитель Франции на мирной конференции в Париже Бертело открыто заявил, что «Верховный союзный совет примет меры против Эстонии, если Эстония заключит мир с Советской Россией»⁷. Эта угроза, разумеется, была адресована не одной только Эстонии, но и другим Прибалтийским странам.

Находившийся в то время в Париже дипломат буржуазной Латвии Я. Сескис 29 сентября записал в своем дневнике разговор с одним из представителей США на Парижской конференции Пирсом (*Pearse*). Пирс заявил, что, если Латвия заключит мир с большевиками, то американцы прервут связи с ней, и напомнил, что представителя США в Латвии уже нет, так как прежний американский посредник в Прибалтике — полковник Грин не собирается туда возвращаться⁸.

Позиция Англии в отношении мирных переговоров между Прибалтийскими государствами и Советской Россией отличалась от взглядов ее партнеров на этот вопрос. «Неудача

⁴ S. Tallents. *Man and Boy*, p. 364—365.

⁵ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 744.

⁶ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States*. 1919, Russia, p. 710—711.

⁷ Вопросы внешней политики. Доклады и ноты Г. Чичерина. М., 1920, стр. 29.

⁸ J. Seskis. *Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara norisē*, 360. lpp.

интервенции и жажда конкурирующих на мировой арене капиталистических групп увеличить свои прибыли путем использования природных богатств России» были главными причинами, которые толкнули Англию во внешней политике принять линию Ллойд-Джорджа и «переходить к установлению договорных отношений с Советской Республикой»⁹. В течение августа 1919 г. со стороны английского правительства проводилось нечто вроде предварительного прощупывания почвы, через посредство приехавшего в Советскую Россию корреспондента английской газеты «Манчестер гардиан» профессора Уильяма Гуда (*William Goode*)¹⁰. Этот посланник Ллойд-Джорджа во время пребывания в Москве указывал, что «те круги английского правительства, которые настроены компромиссно по отношению к Советской республике, как и буржуазные круги Эстонии, особенно дорожат установлением нейтральной зоны между Эстонией и Россией»¹¹. Это подтверждает, что отношение Англии к мирным переговорам между Советской Россией и прибалтийскими лимитрофами не было идентичным позиции Франции и США в этом вопросе.

Уполномоченный Англии в Прибалтике полковник Таллентс 22 сентября 1919 года сообщил министру иностранных дел временного правительства буржуазной Латвии, что он получил указание своего правительства «навести справки относительно мирных предложений, направленных Латвии советским правительством России»¹². В этом письме представитель Англии предупредил буржуазное правительство Латвии от всяких сепаратных действий в области внешней политики по отношению к Советскому государству. Он требовал не предпринимать никаких мер, «которые были бы направлены на заключение мира», и высказал уверенность, что «латвийское правительство теперь, как и в прошлом, будет продолжать свою внешнюю политику как часть плана, согласованного с союзниками». Таллентс, однако, не отрицал возможности изменения этих указаний в будущем. Очевидно, что главным «союзником» Латвии он считал Англию и предупреждал политиков Латвии в сношениях с Советской Россией не идти оторванно от своего «покровителя». «Мое правительство, — писал английский уполномоченный, — однако, будет счастливо получить любое предложение, которое латвийское прави-

⁹ Документы внешней политики СССР, т. III. М., 1959, стр. 593.

¹⁰ Arthur Ruhl. *New Master of the Baltic*. New York, 1921, p. 88.

¹¹ Вопросы внешней политики. Доклады и ноты Г. Чичерина, стр. 24.

¹² Советская Латвия в 1919 году, стр. 407, док. № 318.

тельство будет готово сделать относительно нынешнего положения, и, со своей стороны, с радостью снабдит латвийское правительство таким советом, какой оно будет в состоянии дать»¹³. Неясность и противоречивость этого письма зависели и от того обстоятельства, что и в самой Англии в это время еще не было единой политической тактики по русскому и прибалтийскому вопросам, а существовало несколько различных мнений. «Английские политики, — писал Г. В. Чичерин в 1920 году, — не желали себя связывать в одном направлении. Прислушивающиеся к их голосу последователи вроде эстонского правительства с трудом могли разобраться, серьезно ли разрешает Англия, или не разрешает примирение с Россией»¹⁴. Эту характеристику полностью можно отнести не только к правительству Эстонии, но и к буржуазному правительству Латвии.

О росте влияния линии Ллойд-Джорджа во внешней политике Англии свидетельствуют факты. Например, 15 сентября 1919 года министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон дал согласие на предоставление комиссии Советской России возможности отправиться в нейтральную страну Данию для ведения переговоров с английскими представителями¹⁵. 25 сентября того же года британское правительство уведомило Прибалтийские государства, что оно не возражает против их юридического признания, но что оно в данном вопросе не может не выступать согласованно со своими союзниками¹⁶. Из подобных фактов, разумеется, буржуазное правительство Латвии могло сделать некоторые выводы по поводу переговоров с Советской Россией. Было видно, что сама Англия не отказывается от некоторой предварительной работы по подготовке возможных переговоров с первым Советским государством. Можно увидеть, хотя и в замаскированной форме, намек Англии своему вассалу Латвии на разрешение действовать самостоятельно. Но зависимость последней была столь велика, а политика Англии столь неопределенна, что сделать решительные выводы было трудно. 25 сентября министр иностранных дел Латвии потребовал от своего представителя в Париже Сескиса уведомления об отношении французского правительства к переговорам Латвии с Советской Россией. Сескис сообщил, что Франция к этому вопросу

¹³ Советская Латвия в 1919 году, стр. 407—408, док. № 318.

¹⁴ Вопросы внешней политики. Доклады и ноты Г. Чичерина, стр. 30.

¹⁵ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 249—250.

¹⁶ Э. Лагард. Признание Советского правительства. М., 1925, стр. 59.

относится «полностью отрицательно и угрожает»¹⁷. Латвийское буржуазное правительство настораживало сообщение ответственных работников министерства иностранных дел Франции, в котором указывалось, что «Латвия заключает мир с большевиками на свою ответственность и представители союзников в этом участвовать не будут». В сообщении далее говорилось: «Если восстановленная Россия нападет на Латвию, что она, наверное, сделает из-за Риги и Лиепай, то союзники не выступят в защиту Латвии. Теперь еще зреют надежды, что в России будет-таки правительство, так как Деникин идет вперед...»¹⁸ Такая позиция Франции не вызвала симпатии у правительственных кругов Латвии.

Представители возглавляемого У. Черчиллем направления английской политики, стремившиеся сохранить единый открыто наступательный антисоветский фронт, одобрили отделение Латвии от России, но не желали, чтобы она заключила мирный договор с Советским государством. Это ясно видно из секретной телеграммы У. Черчилля от 27 сентября 1919 года в Омск. Он сообщал омскому белогвардейскому правительству: «...есть опасение, что в случае, если омское правительство не сделает соответствующих заявлений (о признании Прибалтийских государств. — А. В.), балтийские государства прекратят военные действия»¹⁹. Далее Черчилль писал: «Балтийские государства и Финляндия согласились действовать солидарно, но это соглашение не исключает возможности принятия условий мира каждым государством в отдельности». В телеграмме ясно чувствуется политика Черчилля: добиться признания независимости Латвии со стороны русской белогвардейщины и, таким образом, оторвать ее от переговоров с Советской Россией, которая, «предлагая соответствующую границу, согласна признать независимость балтийских государств»²⁰.

Буржуазная Латвия оказалась в двойственном положении. Классовые интересы и зависимость от Антанты толкали ее вместе с Деникиным и другими русскими белогвардейцами против Советской страны. Но в тылу усиливалось революционное движение. В самих буржуазных кругах Латвии тоже росло сознание, что, помогая Деникину, они отказываются от борьбы за национальную независимость и теряют господст-

¹⁷ J. Seskis. Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara norisē, 358. lpp.

¹⁸ Там же, стр. 359.

¹⁹ «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 75.

²⁰ Там же.

вующее положение в собственной стране. Еще больше усложняли обстановку отношения с Бермондтом. Под давлением масс, а также утомленные колебаниями союзников, буржуазное правительство Латвии вместе с правительствами Эстонии и Литвы 4 октября 1919 г. сообщили НКВД Советской России, «что они склонны начать предварительные переговоры самое позднее 25 октября»²¹. Советская сторона предлагала начать переговоры 12 октября²².

Начиная с октября 1919 года противоречия между войсками Бермондта и буржуазным правительством Латвии достигли такой ступени, что переросли в открытые военные действия. Это обстоятельство, бесспорно, играло известную роль в англо-латвийских отношениях, а также в вопросе мирных переговоров между Латвией и Советской Россией.

Представители Антанты потребовали от Бермондта выступить со своими, якобы «русскими», войсками на латгальском фронте против Красной Армии²³. Вместо этого 7 октября германское посольство тайно покинуло Ригу²⁴, а 8 октября туда направились войска Бермондта. В тот же день правительство Ульманиса в своей телеграмме «настоятельно умоляло» союзные державы предоставить безотлагательную помощь на двух фронтах — против большевиков и против Германии²⁵. Буржуазное временное правительство Латвии, не имея сил для войны на два фронта, решило заключить перемирие с Советской Россией, так как она заявила о намерении признать самостоятельность буржуазного государства Латвии в случае заключения мира. В тот день, когда Бермондт начал наступление на Ригу, из Риги в Москву выехала делегация Красного Креста Латвии якобы для переговоров об обмене заложниками, а на деле для того, чтобы зондировать возможность заключения перемирия²⁶.

Правительственным кругам Латвии было ясно, что силы Бермондта в Курземе могли укрепиться только при явном содействии союзников. Дальнейшие планы союзников по отношению к наступлению бермондтских войск на Ригу правительству Латвии не были известны. В борьбе с контрреволюционными силами Бермондта буржуазия Латвии рассчитывала на

²¹ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 255.

²² Там же.

²³ История Латвийской ССР, т. III, стр. 188.

²⁴ Советская Латвия в 1919 году, стр. 203, док. № 160.

²⁵ Там же, стр. 204, док. № 162.

²⁶ Там же, стр. 466.

поддержку народных масс, и поэтому осмелилась на решительные действия. Неясность политики союзников в отношении признания самостоятельности Латвии вызвала острое недовольство даже у дипломатов буржуазной Латвии. Глубоко огорченный «торгашеской» политикой союзников, уже известный нам Я. Сескис 8 октября 1919 года писал из Парижа Мейеровицу: «...могу сделать только один вывод: мы должны в дипломатии перенять их (западных союзников. — А. В.) приемы: по возможности говорить и обещать союзникам то, что им нравится, но делать только то, что соответствует нашим политическим целям и интересам Латвии. Они ведут с нами гнусную игру — пора ее кончать»²⁷. Из этого письма видно, что роль бесправной марионетки и бесперспективность вынуждали правительство Латвии искать, любым способом добиваться хотя бы минимальных прав формальной самостоятельности.

В беседе с представителем Франции Бертело (13 октября во время посещения его представителями Эстонии, Латвии и Литвы) эстонский представитель Пуста заявил, что перемирие с большевиками потому и пришлось заключить, что Прибалтийские государства не знают, какая роль им предназначена в политике Антанты²⁸. В той же беседе представители прибалтийских лимитрофов заявили: «...мы заключим мир не из-за политических симпатий, а вынужденные необходимостью»²⁹.

10 октября представители буржуазного правительства Латвии на Парижской мирной конференции обратились к представителю Англии Керру (*Carr*) за помощью против наступления Бермондта, но тот, по словам Сескиса, «как всегда, был очень сдержан»³⁰. Позицию Керра более подробно освещал другой дипломат буржуазной Латвии, Гросвальд. 12 октября он писал из Парижа Мейеровицу: «Кажется, что вообще политика Англии теперь делается только в Лондоне... мистер Керр сказал, что Англия сделает все возможное, чтобы принудить правительство Германии. Но сможет ли последнее в свою очередь повлиять на находящиеся в Курземе войска, он сам сомневается. На мое требование о немедленном обеспечении оружием он ответил, что, может быть, это и будет сделано, хотя запасы Англии якобы в большой мере исчер-

²⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. I, д. 20, л. 65—66.

²⁸ Советская Латвия в 1919 году, стр. 211, док. № 170.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 210, док. № 170.

паны. Беседа оставила у меня такое впечатление, что со стороны Англии действительно будут сделаны шаги»³¹. В том же письме, сравнивая позиции Англии и Франции, Гросвальд писал: «Со стороны теперешней официальной Франции абсолютно ничего хорошего для нас не ожидается. В Англии немножко по-иному, от нее теперь многое зависит»³².

10 октября в беседе с маршалом Фошем Я. Сескис указал, что буржуазное правительство Латвии было вынуждено «не отклонить предложение большевиков о перемирии вследствие немецкого наступления»³³.

Сложившееся после наступления войск Бермондта на Ригу положение вскрыло противоречия между империалистами Запада и их марионеткой — буржуазной Латвией. 20 октября 1919 года без какого-либо приукрашивания Сескис писал Мейеровицу о своих уже ранее возникших сильных подозрениях, что прежние ноты Антанты Гольцу об эвакуации германских войск посылались только для обмана и успокоения Прибалтийских государств и что это случайно выяснилось из разговора с американцем Пирсом, помощником представителя США на Парижской конференции Тэйлора. Пирс 14 октября в беседе с Сескисом заявил, что Антанта сама пожелала, чтобы Гольц остался в Елгаве в качестве защитника от большевиков³⁴. Разумеется, Пирс в первую очередь имел в виду желание США.

Поход Бермондта-Авалова на Ригу нарушил все союзнические планы использования его войск против Советской России. Упорное же сопротивление, оказанное бермондтовцам солдатами армии буржуазной Латвии, которые в боях с немецко-русскими белогвардейцами сражались не за правительство Ульманиса, а за осуществление своей давнишней мечты о земле, о ликвидации власти ненавистных немецких баронов и царских сатрапов, — показало, что ставка на армию Бермондта как на основную антисоветскую силу в Прибалтике неправильна, и породило у руководителей Антанты надежду на то, что армия буржуазной Латвии, значительно увеличившая свою численность в дни боев с бермондтовцами, может быть использована для борьбы с Советской Россией с большим успехом, чем сильно деморализованные войска Бермондта. В интересах Антанты было заставить Бермондта

³¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. I, д. 20, л. 70.

³² Там же.

³³ Советская Латвия в 1919 году, стр. 210, док. № 170.

³⁴ Там же, стр. 211, док. № 170.

помириться с белолатышами, чтобы вся армия Ульманиса могла направиться на советско-латвийский фронт. Поскольку же Бермондт по указке своих немецких хозяев продолжал упорствовать, находившиеся в Прибалтике представители Антанты решили для его «вразумления» применить силу. 15 октября три английские и один французский военные корабли подвергли бермондтовцев в устье Даугавы интенсивному артиллерийскому обстрелу, и вслед за тем войска правительства буржуазной Латвии форсировали Даугаву³⁵.

Самое веское слово в этой военной и материальной помощи буржуазному правительству Латвии против войск Бермондта принадлежало Англии. В своих воспоминаниях белолатышский генерал Балодис в 1921 году писал, что английскому генералу Берту, который находился в Риге, было поручено заведовать всеми английскими складами вооружения в Прибалтике. Это дало ему возможность действовать более самостоятельно, не дожидаясь инструкций из центра. 17 октября Берт приказал послать в Ригу пушки, пулеметы и винтовки из находившихся в Гельсингфорсе и Выборге английских складов³⁶.

Под руководством английского генерала Берта 20 и 21 октября проходили совещания по вопросу организации контрнаступления на войска Бермондта³⁷. Действия генерала Берта имели целью в первую очередь борьбу против соперника Англии в Латвии, а потом только обеспечение «независимости» этой страны.

Германские империалисты также понимали, что английский империализм в данный момент является их главным соперником в Прибалтике. Не зря фон дер Гольц в своих мемуарах писал, что «Бермондт воевал против бестий, вассалов и союзников Англии»³⁸. По словам Гольца — «борьба против вассалов Англии полностью то же самое, что и борьба против большевизма»³⁹.

Правительственные круги Франции, поставленные перед фактами, тоже были вынуждены менять свои взгляды в отношении главной антисоветской силы в Латвии. Оттеснив вой-

³⁵ S. Tallents. Man and Boy, p. 368.

³⁶ «Brīvā Zeme», 1921. g. 11. nov.

³⁷ Там же.

³⁸ R. von der Goltz. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920, S. 278.

³⁹ Там же, стр. 276.

ска Бермондта, первое место в антисоветских планах начали занимать войска буржуазного правительства Латвии. Активность Франции в обеспечении армии Латвии росла. 24 октября военный министр Франции сообщил буржуазному правительству Латвии, что «военные материалы, которые Франция решила предоставить Прибалтийским странам, в настоящее время грузятся в Булони». В том же сообщении далее говорилось, что французский военный флот «получил из Парижа приказ во взаимодействии с английским флотом принять самое активное участие в боях против войск полковника Бермондта»⁴⁰.

Вместе с ростом активности Франции в Прибалтике росли и противоречия между Англией и Францией в этом районе. Особенно неприятными для Англии были старания французского флота проникнуть в воды Балтийского моря. В английской политике по отношению к Советской России брала верх линия Ллойд-Джорджа, а правительственные круги Франции усердно старались сохранить политику интервенции. Французские реакционные газеты начали довольно открытые нападки на политику Англии в Прибалтийских государствах⁴¹.

Во время наступления войск Бермондта на Ригу в системе межимпериалистической борьбы снова более отчетливо обрисовались англо-американские противоречия в Латвии. Характеризуя в этот период политику США в Латвии, английский представитель на Парижской мирной конференции как-то сказал эстонскому представителю Пусте, что политика Англии в этом районе является весьма сложной, а американскую политику вообще нельзя понять⁴². 20 октября 1919 года по поводу политики США в отношении правительства Ульманиса дипломат буржуазной Латвии Сескис писал из Парижа министру иностранных дел Латвии: «...здесь, в Париже, и, наверное, также в Прибалтике, американцы в политическом отношении ведут себя совсем недоброжелательно. Мне кажется, что и теперь Латвии со стороны американских политиков грозит опасность»⁴³. В самые горячие дни наступления бермондтовских войск на Ригу американский представитель Пирс советовал буржуазному правительству Латвии непременно принять предложение Бермондта о мире. Сескис писал своему шефу: «...ясно видно, что американцы в Прибалтике

⁴⁰ Советская Латвия в 1919 году, стр. 215, док. № 172.

⁴¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. I, д. 20, л. 73.

⁴² Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 212, док. № 170.

⁴³ Там же.

придерживаются германофильской политики»⁴⁴. Относительно опасности, которая грозит антисоветскому фронту, если советские войска отразят Юденича от Петрограда, 25 октября американская газета «Чикаго трибюн» писала: «Верховный совет скоро будет доволен тем, что в Прибалтике имеются войска Бермондта, чтобы воспрепятствовать большевикам продвинуться во фланг полякам»⁴⁵. Американские представители Красного Креста в Риге во время наступления Бермондта поддержали его войска продуктами питания. Под американским флагом с правого берега Даугавы на левый, который был занят бермондтовцами, было отправлено несколько грузов продуктов. В их получении расписался уполномоченный Бермондта — адвокат Ансберг, министр кабинета Ниедры⁴⁶. Чтобы руководить влиянием влияния США в Прибалтику, 7 октября из Америки в Европу выехал комиссар правительства США в Латвии и Эстонии — Гейд. Уже 24 октября он из Западной Европы выехал в Ригу⁴⁷.

Интересы контрреволюционной буржуазии разных стран в сентябре—октябре 1919 года в Прибалтике в значительной мере противостояли друг другу. В их «общем хоре недостает стройности; фальшивые ноты дают себя знать», — писала «Жизнь национальностей»⁴⁸.

25 октября 1919 года министр иностранных дел Эстонии Пийп сообщил народному комиссару по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину, что правительство Латвии «сильно поглощено борьбой против восставших германо-русских военных отрядов. Ввиду этих фактов первое совместное собрание для ведения переговоров о мире, назначенное в Тарту—Юрьеве до 25 октября, стало невозможным»⁴⁹. В то же время литовское правительство согласилось проводить лишь переговоры по перемирию. Таким образом, буржуазные правительства Прибалтики сочли пока возможным затормозить открытие переговоров. Причины таких действий частично вскрывает обращение НКВД РСФСР к рабочим и крестьянам Англии, Франции и Эстонии от 30 октября 1919 года. Между прочим, там сказано: «Как раз в тот момент, когда балтийские рес-

⁴⁴ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 212, док. № 170.

⁴⁵ Там же, стр. 214—215, док. № 171.

⁴⁶ K. L i e r a. Baltā Latvija. R., 1920., 17. lpp.

⁴⁷ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 212, 215, док. № 170 и 171.

⁴⁸ «Жизнь национальностей», 19 октября 1919 г.

⁴⁹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях, ч. II, вып. 2. М., 1929, стр. 392.

публики были готовы вести переговоры с Советской Россией, царский генерал Юденич, представитель самой крайней и дикой реакции, был двинут на Петроград, будучи с головы до ног вооружен державами Антанты и снабжен всем необходимым для кровавого налета на революционную столицу»⁵⁰. Кроме того, на позицию правительства буржуазной Латвии по вопросу открытия мирных переговоров с Советской Россией повлияло активное вмешательство Англии, а также и Франции в организацию контрнаступления против войск Бермондта. При таком положении перед правительством Ульманиса открывались если не перспективы победы над войсками германо-русского белогвардейского генерала, то во всяком случае оно могло твердо определить позицию англичан по отношению к этим войскам. Видя объединенную англо-французскую поддержку, правительство Ульманиса стало чувствовать себя смелее, так как опасность его падения миновала.

3 ноября 1919 года верховный главнокомандующий войск Антанты маршал Фош обещал правительству буржуазной Латвии активную поддержку со стороны правительств союзных держав против Германии, снабжение латвийской буржуазной армии оружием и военными материалами⁵¹.

Во второй половине октября Красная Армия под Орлом и Воронежем разбила Деникина. Юденичу занять Петроград не удалось. Борьба с войсками Бермондта продолжалась, и представители Прибалтийских государств решили 9 ноября вновь собраться в Тарту для «окончательного выяснения вопросов о мире с Россией и установления срока даты предварительных мирных переговоров»⁵². Туда прибыл и английский полковник Таллентс⁵³.

На конференции выяснилось, что эстонское буржуазное правительство в связи с большими внутренними трудностями хотело мирные переговоры начать немедленно. Готовность начать переговоры выразила и Литва⁵⁴. Положение буржуазной Латвии было более сложным: с одной стороны, мир был ей необходим, — с другой стороны, она боялась, что открытые переговоры могут повлиять на мнение союзников и те начнут воздерживаться от предоставления помощи в борьбе против

⁵⁰ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 270.

⁵¹ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 216, док. № 173.

⁵² Международная политика новейшего времени в договорах, нотках, декларациях, ч. II, стр. 393; Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 257.

⁵³ S. Tallents. Man and Boy, p. 365.

⁵⁴ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 304—305.

Бермондта. Потому буржуазное правительство Латвии продолжало выжидательную тактику. Неофициальные переговоры между Советской Россией и правительством Латвии все-таки проходили. 17 ноября в Тарту по дороге в Копенгаген прибыл делегированный для переговоров с Англией об обмене военнопленными Литвинов⁵⁵. Соглашение между Эстонией, Латвией, Литвой и Советской Россией об обмене пленными было заключено 19 ноября 1919 года⁵⁶. Литвинов снова подтвердил представителям латвийского буржуазного правительства, что советское правительство готово признать независимость Латвии и что после заключения мира Латгалия будет объединена с Латвией⁵⁷.

Эти дипломатические выверты буржуазной Латвии очень похожи на политические Ллойд-Джорджа в вопросе переговоров с Советской Россией. Уже отмечалось, что 15 сентября 1919 года министр иностранных дел Великобритании Керзон дал согласие на предоставление комиссии Советской России возможности отправиться в нейтральную страну Данию для ведения переговоров с английским правительством. Месяц спустя, 15 октября, лорд Керзон согласился на предлагаемые правительством Советской России изменения в условиях пребывания советской комиссии. 16 октября советское правительство ответило согласием. Очевидно, в связи с наступлением Юденича переговоры были вновь отсрочены, и только 7 ноября советское правительство получило от лорда Керзона окончательное приглашение на отправку Литвинова в Данию через Эстонию⁵⁸. Характеризуя английские дипломатические маневры, Г. В. Чичерин писал: «Англия идет на компромисс со всякой силой, которая есть сила: Деникин, Колчак нас бьют, — Англия перестает говорить о соглашении с нами. Мы усиливаемся — Англия идет опять на компромисс с нами»⁵⁹. Как видно, правительства Прибалтийских государств были усердными учениками дипломатов Англии.

3 ноября 1919 года армия буржуазной Латвии начала под Ригой контрнаступление против сил Бермондта⁶⁰. Солдатам буржуазной Латвии, а это были, в основном, латышские кре-

⁵⁵ Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов. М., 1921, стр. 11.

⁵⁶ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 744—745.

⁵⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 65, д. 27, л. 74.

⁵⁸ Внешняя политика СССР 1917—1944 гг. Сборник документов, т. I М., 1944, стр. 324; Отчет НК по ИД VII съезду Советов. М., 1919, стр. 12.

⁵⁹ Вопросы внешней политики. Доклады и ноты Г. Чичерина, стр. 29.

⁶⁰ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 222.

стьяне, одетые в солдатские шинели, ненавистны были немецкие бароны и оголтелые монархисты. Потому латышские солдаты, которым помогали и трудящиеся Риги, ожесточенно боролись против банд Бермондта, преградили им путь к Риге и после длительных боев заставили их отступить в Курземе. Трудящиеся Латвии боролись за свою землю, за спасение Латвии от баронов и царских генералов, а не за «правительство» Ульманиса. Не латышская буржуазия, а трудовой народ Латвии преградил Бермондту путь к Риге.

Круги Антанты и США, рассчитывавшие на продолжение открытой интервенции в Советской России, не отбросили мысли об объединении антисоветских войск в Прибалтике для реализации этой цели. Было решено послать в Латвию авторитетную миссию союзных держав, «которая обеспечит и будет следить за ходом эвакуации» германских войск⁶¹. Главным инициатором этой миссии было французское правительство. Цели, которых оно добивалось, открылись политикам буржуазной Латвии уже в самом начале создания этого органа, поэтому они отнеслись к этой миссии с определенным недоверием. Уже 25 октября 1919 года представитель правительства Латвии в Париже Я. Сескис сообщил, что Клемансо не согласился послать председателем миссии генерала Манжена, который «известен как большой ненавистник немцев и очень энергичный человек»⁶². Оказалось, что человек, всерьез считавший своей задачей добиться вывода из Прибалтики всех немецких войск, на которые руководство Антанты все еще рассчитывало в своих антисоветских планах, французскому правительству не был выгоден. Во главе созданной Балтийской комиссии был поставлен другой французский генерал — Ниссель. Представителем Англии в этой комиссии был генерал Тернер⁶³.

Такие факты должны были насторожить правительство буржуазной Латвии. Об этом свидетельствуют мемуары Я. Сескиса. Он писал: «Ниссель своим поведением не произвел на меня хорошего впечатления. Раз он уже в Париже начал нам проповедовать оказание доверия немецким баронам, что тогда он будет делать в Латвии, где его окружают и бароны, и немецкие генералы? Снова начнутся бесконечные совещания, которые окончатся компромиссом за счет латышского».

⁶¹ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 216, док. № 173.

⁶² Там же, стр. 214, док. № 171.

⁶³ Там же, стр. 407.

народа и государства Латвии»⁶⁴. Здесь, очевидно, много наигранного, так как мемуары изданы в 1938 году, и автор во многом старался показать свою дальновидность.

Имеются и другие факты, которые показывают, что, используя поддержку масс в борьбе против ненавистных немецких баронов, буржуазное правительство Латвии осмелилось, хотя и скрыто, не подчиняться предложениям комиссии Нисселя. Ко времени прибытия комиссии Нисселя в Латвию положение там в значительной степени изменилось: в первой декаде ноября 1919 года бермондтовцы под Ригой были разбиты, и белолатышские войска развернули решительное наступление, грозящее полностью ликвидировать армию Бермондта. Перспектива ликвидации этой антисоветской силы противоречила замыслам Антанты, и комиссия Нисселя начала свою деятельность с того, что 30 ноября обратилась к буржуазному временному правительству Латвии с распоряжением «немедленно прекратить действия наступательного характера против русских и немецких войск»⁶⁵. Однако правительство буржуазной Латвии, добившись перелома на фронте и видя возможность очистить территорию Латвии от войск своего опаснейшего врага, дало на это требование уклончивый ответ и военных действий не прекратило. Один из высших чиновников министерства иностранных дел временного правительства Латвии отметил в связи с этим в своем отчете: «...в начале комиссия Нисселя хотела остановить наше наступление у Елгавы. Мы, конечно, открыто в оппозицию не встали, но наступление продолжили с двойной энергией и в короткое время очистили Курземе»⁶⁶. Еще раз можно было констатировать, что попытка осуществить открытую интервенцию в Советскую Россию, мобилизовав объединенные антисоветские государства Прибалтики, «потерпела крушение из-за противоречия интересов международного империализма и интересов этих стран»⁶⁷. Выявлению такого рода противоречий осенью 1919 года способствовал и тот факт, что французское правительство и правительство США упорно отказывались решить вопрос о признании «де-юре» прибалтийских лимитрофов без участия России.

В конце 1919 года в разворачивании мирных переговоров между Латвией и Советской Россией заметные следы оставило

⁶⁴ J. Seskis. Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara norisē, 321. lpp.

⁶⁵ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 226, док. № 179.

⁶⁶ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 7, л. 37.

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 154.

огромное влияние английской дипломатии в Латвии. Буржуазная Латвия тогда, безусловно, была из тех стран, где «английский посол... значит больше, чем любой тамошний царь или парламент»⁶⁸. Прямое влияние на действия буржуазного временного правительства Латвии оставило и отношение Англии к советско-эстонским мирным переговорам, которые начались 5 декабря 1919 года в Тарту.

Осень 1919 года с разгромом всех трех фаворитов Черчилля — Колчака, Юденича и в особенности Деникина — обеспечила в английской внешней политике в Прибалтике несомненный перевес линии Ллойд-Джорджа. «... Теперь политика Англии, — писал 4 ноября 1919 года посол буржуазной Латвии в Лондоне Бисениек своему шефу Мейеровицу, — кажется, продвинулась от Колчака—Деникина в сторону малых государств»⁶⁹. Этих изменений не скрывал даже ультрареакционный ежегодник «*Annual Register*». Он отметил, что правительства союзных стран, будучи не в состоянии сокрушить большевизм, к концу 1919 года, казалось, склонились к мысли о «соглашении с Лениным»⁷⁰. Характеризуя политику Ллойд-Джорджа, Г. В. Чичерин писал: «Политика Ллойд-Джорджа была однако, как всегда, зигзагообразной, и, высказав новую мысль, он потом с нею ступшеывался, пока сила обстоятельств не приведет к ее осуществлению. Эта политика Ллойд-Джорджа была, однако, лишь другой формой, более тонкой и искусной, основной политики интервенции и ликвидации большевизма»⁷¹. Одним из испытанных методов внешней политики английского империализма был: никогда не брать на себя политические обязательства там, где условия могут измениться. «*Wait and see*» было излюбленным высказыванием и принципом английских политиков. Этих принципов придерживался и Ллойд-Джордж.

Осенью 1919 года в Англии появлялось все больше открытых выступлений, направленных против политики открытой интервенции. Так, Ллойд-Джордж, выступая 8 ноября в Лондонской гильдии, сказал: «Ясно, что эту интервенцию, что стоит так дорого, мы предложить не можем... Россия такая страна, где интервенция — опасное дело»⁷². 24 ноября Я. Сескис пи-

⁶⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 154.

⁶⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г. оп. I, д. 17, л. 4.

⁷⁰ *Annual Register*, 1919, part I, p. 20.

⁷¹ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 324.

⁷² W. P. and Z. K. Coates. *A History of Anglo-Soviet Relations*. London, 1945, p. 2.

сал премьеру буржуазной Латвии Ульманису, что, «судя по английской печати, английская политика развивается в направлении воздерживания от интервенции в России»⁷³. Ллойд-Джордж надеялся, что с прекращением интервенции в России возникнет хотя бы временная возможность укрепить и легализовать отделение тех окраин бывшей царской России, в которых Советская власть подавлена. В беседе с Полком в конце 1919 года он заявил, что объединение России явится угрозой для Европы. «Он [Ллойд-Джордж] считает, — писал Полк государственному секретарю США Лансину, — что Грузия, Азербайджан, Бессарабия, Украина, Балтийские провинции, Финляндия и, возможно, даже Сибирь должны быть независимыми»⁷⁴. Правительство Советской России уже в августе и в сентябре 1919 года в своих мирных предложениях Прибалтийским государствам высказало готовность, заключая мир, признать независимость, т. е. отделение этих государств от России. Пока английские империалисты надеялись подавить Советскую власть в России вооруженными средствами, это сообщение советского правительства они игнорировали. Но в конце 1919 года планы интервенции потерпели полный крах и английский империализм решил использовать готовность правительства Советской России признать независимость Прибалтийских государств, чтобы узаконить их отрыв от России. Для этого Англия даже допустила возможность заключения мира между Советской Россией и Прибалтийскими государствами. Посланник США в Лондоне Дэвис 3 декабря телеграфировал своему шефу Лансину о заявлении Ллойд-Джорджа, что у него «нет никаких возражений против переговоров с правительством большевиков»⁷⁵. В вопросе отрыва окраинных территорий от России совпали мнения обеих тактических линий английской политики — линии Ллойд-Джорджа и линии Черчилля—Керзона. На заседании глав правительств Антанты 12 декабря 1919 года английский министр иностранных дел Бальфур заявил, что было бы чрезвычайно печально увидеть мирный договор, который дает России выход на Балтику⁷⁶.

Характеризуя обстановку во время советско-латвийских

⁷³ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. I, д. 20, л. 99.

⁷⁴ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia, p. 126.

⁷⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920, vol. III, p. 484.

⁷⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference, 1919, vol. IX, p. 847—852.

мирных переговоров, Г. В. Чичерин писал: «После победы Ллойда-Джорджа над Черчиллем в Англии противоположность двух систем (в отношениях к Советскому государству. — А. В.) осталась в виде противоречия между политикой Англии и политикой Франции; за весь период мирных переговоров и договоров между Россией и лимитрофами последние представляли из себя арену англо-французской борьбы»⁷⁷.

Буржуазное временное правительство Латвии было информировано об укреплении в Англии взглядов ллойд-джорджевского направления. Английское правительство и его представители в Латвии и в Прибалтике начали уже высказываться довольно определенно в пользу заключения мирных договоров. Бывший руководитель миссии союзников в Прибалтике генерал Гоф 10 декабря в письме представителю Эстонии в Париже Пусте писал, что, несмотря на угрозы русских белогвардейцев и некоторых союзнических государств, государства Прибалтики не надо отказываться от заключения мира с Советской Россией⁷⁸.

На действия буржуазного временного правительства Латвии по вопросу заключения мирного договора с Советской Россией прямое влияние имело отношение Англии к советско-эстонским мирным переговорам, начатым, как уже указывалось, 5 декабря. «Каждое слово, произносившееся в Юрьеве, имело свой резонанс на берегах Темзы», — писал Г. В. Чичерин⁷⁹. Английская дипломатия даже использовала переговоры в Тарту, чтобы впервые со своей стороны выдвинуть Советской России предложение «вступить в прямые и непосредственные переговоры»⁸⁰. Но эти переговоры Англия ввиду отрицательного отношения к ним Франции и США не хотела делать официальными⁸¹. Это мероприятие Англии было уже довольно ясной указкой к дальнейшим действиям для правительств государств Прибалтики, в том числе и Латвии.

В то время, когда французское правительство высказывало усиленное недовольство в отношении советско-эстонских переговоров, представители Англии в Прибалтике не отпугивали от них эстонское правительство. Когда в конце 1919 года ввиду замерзания порта английский флот был вынужден вре-

⁷⁷ Г. В. Чичерин. Статьи и очерки по вопросам международной политики, стр. 230.

⁷⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г. оп. I, д. 15, л. 61.

⁷⁹ Вопросы внешней политики. Доклады и ноты Г. Чичерина, стр. 30—31.

⁸⁰ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 314.

⁸¹ Там же, т. II, стр. 315.

менно оставить Таллин, капитан находившегося в Таллинском порту английского крейсера заявил представителям эстонских властей, что «этот отъезд не происходит по каким бы то ни было политическим соображениям»⁸². Представитель английского флота дал понять эстонскому правительству, что Англия не прекратит помощи Эстонии в будущем и в случае самостоятельных политических действий последней. За несколько дней до заключения перемирия между Эстонией и Советской Россией официоз эстонского правительства «Ваба маа» писал, что в Англии уже раздаются твердые голоса, одобряющие политику Эстонии⁸³. 31 декабря 1919 года было подписано перемирие между Эстонией и Советской Россией. «Буржуазные правительства маленьких стран, хотя не любят большевиков, но убедились, что большевики хотят добрососедских с ними отношений, в то время... как те, с которыми генерал Деникин или другой какой генерал, все бумажки о независимости мелких народностей назавтра же после победы уничтожили бы», — сказал В. И. Ленин в феврале 1920 года⁸⁴.

2 января 1920 года линию советско-латвийского фронта перешла направляющаяся в Москву для ведения переговоров делегация Красного Креста Латвии. 6 января делегация прибыла в Москву⁸⁵. Официально ее задачей было «упорядочить обмен заложниками и дела возвращения беженцев», но в действительности, как свидетельствует информационное письмо от 18 февраля 1920 года директора политико-дипломатического департамента министерства иностранных дел буржуазной Латвии Сеи представителям Латвии за границей, главной задачей делегации было подписание соглашения о прекращении военных действий и выяснение условий, на которых советское правительство предлагает заключение мира⁸⁶. Член этой делегации К. Озол в своих мемуарах также писал, что фактически это была первая делегация мира в Москве⁸⁷.

Этот свой шаг буржуазное временное правительство Латвии предпочло держать в тайне от западных государств, так как боялось неприятной для него реакции, особенно со стороны Франции. Орган правительственной партии «Брива земе»

⁸² «Известия», 1 января 1920 года.

⁸³ Там же, 6 января 1920 года.

⁸⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 325.

⁸⁵ «Известия», 10 января 1920 года.

⁸⁶ V. Sīpols. Arvalstu intervence Latvijā un tās aizkulises. R., 1959., 232.—233. lpp.

⁸⁷ K. Ozols. Latvījai topot. R., 1935., 162. lpp.

3 января 1920 года писал, что еще трудно предвидеть, какие последствия могут иметь сепаратные действия Эстонии в отношениях с Советской Россией. Газета даже допускала возможность, что «союзники объявят блокаду Эстонии и, таким образом, в порты Эстонии, подобно портам Советской России, не войдет из-за границы ни одно судно»⁸⁸. Здесь газета, очевидно, учла медлительный характер английской политики и допустила возможность, что открыто воинственная политика Франции может взять верх в Верховном совете союзников.

В первых числах января 1920 г. английское правительство указало адмиралу Коуэну не давать никакого повода для утверждений, что Великобритания покровительствует той или другой партии в балтийских провинциях. Адмиралу было предложено полностью воздержаться от вмешательства во внутренние дела этих провинций⁸⁹. 6 января заместитель английского министра иностранных дел лорд Гардинг, принимая эстонского посланника при вручении им верительных грамот, заявил, что Англия предоставляет Эстонии полную свободу для заключения мира с Россией⁹⁰. Эти действия английского правительства до некоторой степени облегчили начало советско-латвийских переговоров. Такое же влияние на действия правительства буржуазной Латвии оказали настроения в английских парламентских кругах. Член парламента от либеральной партии Конверти (*Konwarthy*), на совещании английских парламентариев-либералов и представителей лимитрофов в Лондоне 3 января 1920 года, заявил, что малые народы смело могут заключить мир с большевиками и им нечего бояться. Либералы Англии, по его словам, стоят за поддержку лимитрофов; по этому вопросу объединялись Ллойд-Джордж и лидер либералов Асквит. Подобную политику, по высказыванию Конверти, в английском парламенте поддерживают также лейбористы⁹¹. Аналогичные настроения высказал парламентарий-либерал Хогг (*Whip Hogg*). В письме к представителю буржуазной Латвии в Лондоне он подтвердил готовность защищать идею заключения мира с Советской Россией как в парламенте, так и в любом ином месте страны⁹². Облегчили начало переговоров также одобряющие заключение перемирия между Эстонией и Советской Россией статьи,

⁸⁸ «Brīvā Zeme», 1920. g. 3. janv.

⁸⁹ «Известия», 4 января 1920 года.

⁹⁰ Там же, 7 февраля 1920 года.

⁹¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. I, д. 17, л. 33—34.

⁹² Там же, л. 50.

которые появились в некоторых английских газетах. Особое место среди этих газет занимала «Дейли кроникл» — орган группировки английского премьера Ллойд-Джорджа. 6 января она писала, что нет оснований упрекать Эстонию за заключение перемирия с Советской Россией. «У нас нет никакой причины, — указывала газета, — требовать от Эстонии войны с большевиками, ибо авантюра Юденича ликвидирована, а союзники не желают больше посылать своих войск в Россию. Само собой понятно, что Эстония не может бороться за русских, которые не признают ее самостоятельности, в то время как большевики готовы это сделать. Если будет заключен мир между Эстонией и Россией, то безусловно последуют переговоры между Советской Россией и Латвией, Польшей и Финляндией, и все это значительно изменит положение в Европе, и дальнейшая изоляция России станет невозможной»⁹³. В отношении задач союзников та же английская газета 13 января писала: «Перед союзниками остается лишь одна задача — защищать небольшевистские пограничные области от большевистского наступления. Долг союзников — обеспечить безопасность Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии. Но меньше всего союзники должны пытаться побудить какое-либо из этих государств к наступлению против большевиков. Политика союзников в этом отношении должна ограничиваться созданием для окраинных государств возможности заключить честный и выгодный мир»⁹⁴. Подобные сообщения живо комментировались в прессе буржуазной Латвии и «крепили веру» ее правительственных кругов в политику Англии⁹⁵. Свидетельство положительного отношения правительства Ллойд-Джорджа—Керзона—Черчилля к мирному договору с Эстонией содержится в телеграмме от 25 января 1920 года представителя США в Прибалтике Гейда на имя государственного секретаря США: «Я информирован из источников, заслуживающих доверия, что британское правительство сообщило эстонскому правительству о своем удовлетворении заключением перемирия с большевиками. Это известие, будучи доведенным до сведения латвийского правительства, окажет большое влияние на происходящие в Москве переговоры»⁹⁶.

⁹³ См.: «Известия», 14 января 1920 года.

⁹⁴ См.: там же, 17 января 1920 года.

⁹⁵ «Brīvā Zeme», 1920. g. 4. janv.

⁹⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920, vol. III, p. 614.

Несмотря на то что буржуазное правительство Латвии послало делегацию в Москву, в вопросе мирных переговоров оно вело двурушническую политику. С одной стороны, власти буржуазной Латвии были не в силах вести сколько-нибудь продолжительную борьбу против Советской России, так как это вызывало недовольство в армии и в народных массах. Надо было концентрировать реакционные силы для борьбы с революционными настроениями народа. Это заставило буржуазное правительство Латвии думать о мире. Такому исходу благоприятствовала и победа линии Ллойд-Джорджа во внешней политике Англии. Но, с другой стороны, империалисты США и Франции неустанно требовали, чтобы Латвия продолжала борьбу против Советской России. Этому способствовало и желание буржуазного правительства Латвии укрепиться в восточной части Латвии — в Латгалии.

Начать наступление в Латгалии только силами белолатышской армии было рискованно, и нельзя было ждать больших успехов. Это признавали позднее даже историки буржуазной Латвии⁹⁷. В связи с тем буржуазное временное правительство подписало соглашение с Польшей об использовании польских войск в наступлении на Красную Армию в Латгалии⁹⁸. На основе этого договора объединенные силы буржуазной Латвии и Польши 3 января 1920 года начали наступление в Латгалии. Обманывая латышский народ, буржуазное правительство демагогически утверждало, что это наступление необходимо для того, чтобы до начала мирных переговоров занять всю территорию Латвии, так как в противном случае после заключения мира Латвия останется разделенной. В январе 1920 г. на пресс-конференции в Таллине министр иностранных дел буржуазного временного правительства Латвии З. Мейеровиц сказал, что в настоящий момент не может быть и речи о заключении мира. «Латвия не имеет никаких агрессивных замыслов», — продолжал министр. «Большевики не отдали Латгалию Латвии мирным путем, — демагогически утверждал он, — и потому Латвия была вынуждена начать военные действия для достижения этой цели. Дальше границ своего государства Латвия не намерена продолжать войну. Слухи о том, что латыши якобы вели с большевиками отдельные мирные переговоры, не соответствуют действительности».

⁹⁷ M. Peniķis. Latvijas atbrīvošanas kara vēsture, II d. R., 1938., 258. lpp.

⁹⁸ См.: Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 334—335, д. № 253.

сти»⁹⁹. Таким образом, буржуазное правительство Латвии утайло от народа факт, что советское правительство уже в октябре и в ноябре 1919 г. неоднократно высказывалось за объединение Латгалии с остальной Латвией в случае заключения мира. Это снова было подтверждено на переговорах о перемирии между РСФСР и Латвией в Москве 13 января 1920 года¹⁰⁰. «Именно признанием независимости государств польского, латышского, литовского, эстляндского, финского мы медленно, но неуклонно завоевываем доверие самых отсталых, всего более обманутых и забитых капиталистами, трудящихся масс соседних маленьких государств. Именно таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния «их» национальных капиталистов, всего вернее ведем их к полному доверию, к будущей единой международной Советской республике», — писал В. И. Ленин¹⁰¹.

Нет никаких сомнений, что наступление 3 января 1920 года было начато по прямому приказу иностранных империалистов. Даже для Латвии как буржуазного государства оно было только лишним испытанием. Это еще раз доказывает зависимость буржуазной Латвии от Запада. В воззвании к народу в январе 1920 г. ЦК КП Латвии писал: «... наши великограждане проявляют превосходную готовность воевать дальше. Хвастливо надувшись, они «ставят условия» и требуют от Советской России гарантий. В действительности здесь насквозь чувствуется работа «союзных» агентов»¹⁰².

Особенно активно вдохновляла и поддерживала наступление Франция. В конце 1919 и в начале 1920 гг. она заметно усилила свою дипломатическую деятельность в Латвии. Генерал Фош в своем докладе Верховному союзному совету о деятельности генерала Нисселя просил предоставить этому французскому генералу право от имени союзников следить за политическим положением Прибалтийских государств и принимать соответствующие меры. Представители США и Англии воздержались от прямого ответа на этот вопрос¹⁰³. Это не вызывает особого удивления. Англо-французские противоречия по вопросам Прибалтики в тот период уже были достаточно ясны. Наличие противоречий не скрывала даже английская пресса. Расширяя свое влияние в армии буржуазной Латвии,

⁹⁹ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 20. janv.

¹⁰⁰ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 322—323.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 270.

¹⁰² Revolucionārās lapiņas, l. d. R., 1959., 12. lpp., dok. Nr. 1.

¹⁰³ «Известия», 10 января 1920 г.

а также стараясь увелечить свое воздействие с помощью Польши, Франция надеялась завоевать руководящие позиции в Латвии. Об этом свидетельствует обращение главы французской военно-политической миссии в Прибалтике подполковника Дипарке к солдатам и офицерам Земгальской дивизии. Не без определенной цели он в этом выступлении заявил: «... в будущем нам надо будет работать вместе, вашим офицерам и вам с нашими офицерами и со мной»¹⁰⁴. Там же Дипарке отметил, что «Франция всегда была дружественна к Польше», что Франция «восстановила Польшу, создала ее сильную армию, которую обеспечивает Франция и обучают французские офицеры». По его словам, Франция то же хочет сделать с Латвией.

Рост французского влияния в военных кругах буржуазной Латвии, а также старание Франции распространить свое влияние в Латвии не могли не заметить английские представители в Прибалтике. Чтобы нейтрализовать влияние Франции, начальник английской военной миссии в Латвии генерал Берт тоже всячески сотрудничал с польскими милитаристами. 6 января 1920 года он выехал из Риги в только что занятый белыми войсками Даугавпилс, чтобы установить связь с польскими войсками, действовавшими в Латгалии¹⁰⁵. Возвратившись 9 января в Ригу, генерал Берт положительно отзывался о хороших латвийско-польских отношениях и удачных совместных действиях¹⁰⁶. 24 января генерал Берт вместе с главнокомандующим и начальником штаба латвийской буржуазной армии снова прибыл в Даугавпилс, чтобы встретиться с президентом Польши Пилсудским, который в то время прибыл в Даугавпилс в связи с ростом заинтересованности польских империалистических кругов в присоединении к Польше некоторых восточных уездов Латвии¹⁰⁷. Английский представитель хотел ликвидировать трения между буржуазной Латвией и Польшей в этом вопросе и обеспечить своей стране руководящую роль в намечаемом латвийско-польском антисоветском союзе.

1 марта 1920 года В. И. Ленин в докладе на I Всероссийском съезде трудовых казаков отметил, что между империалистами «не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц борьбы с нами для них означал распад внутри их

¹⁰⁴ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 8. janv.

¹⁰⁵ «Brīvā Zeme», 1920. g. 18. janv.

¹⁰⁶ Там же, 13 января.

¹⁰⁷ Там же, 25 января.

лагеря»¹⁰⁸. Яркой иллюстрацией этого положения служили мероприятия, предпринятые в империалистическом лагере. Если французское правительство в начале 1920 г. еще официально поддерживало развитую русскую белогвардейщину и ее планы восстановления «единой» России, то английские политики от этого отказались и свои антисоветские планы строили на экономическом перерождении России и создании союзных окраинных государств. «Дейли кроникл» писала: «Распад русских белых армий освободил нас от почетных обязанностей по поддержанию русских. Самое лучшее — заключить мир с Россией и обеспечить самостоятельность окраинных государств, от чего зависит устройство новой Европы»¹⁰⁹. В начале января 1920 г. в Копенгагене в переговорах с представителем Советской России Литвиновым представитель Англии О'Греди утверждал, что английское правительство окончательно решило снять блокаду с Советской России и добиваться соответствующего решения Верховного совета союзников. Снятия блокады требовали не только рабочие Англии, но и промышленники, на этом настаивали Ллойд-Джордж и весь русский отдел Форин оффис, как на начале мирных отношений¹¹⁰. 11 января переговоры между английскими представителями и советским уполномоченным в Копенгагене увенчались подписанием соглашения об обмене военнопленными¹¹¹. 16 января Верховный совет Антанты разрешил обмен товарами на основе взаимности между Россией и союзными и нейтральными странами. Правда, Верховный совет оговорил, что эта резолюция не означает перемены в политике союзных правительств по отношению к Советской России, но на деле, однако, это означало фактическое снятие блокады.

Несмотря на эти конкретные мероприятия, в политике Англии по отношению к Советской России, а в связи с тем и по отношению к Латвии, было очень много противоречивого. Многое не было ясным даже для самих английских политиков. Английская газета «Нью стейтсмен» писала: «Наши отношения к балтийским государствам до сих пор очень сложны. Эти государства вели борьбу против большевиков, и мы их поддерживали. Теперь, когда армии Колчака, Деникина и Юденича бои против большевиков проиграли, наступает новый этап: вопрос мира с большевиками. В этом вопросе наша политика

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 357.

¹⁰⁹ «Valdibas Vēstnesis», 1920. g. 20. janv.

¹¹⁰ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 320.

¹¹¹ История дипломатии, т. III. М., 1945, стр. 74.

неясна, и желательно, чтобы правительство открыто высказалось бы по вопросу советско-эстонского мира, а парламент в вопросе мира занял бы определенную позицию»¹¹².

В таком противоречивом положении буржуазное временное правительство Латвии не осмелилось открыто заявить о своих переговорах о перемирии с Советской Россией. Делегация латвийского правительства в Москве отстаивала строгую секретность этих переговоров. Советское правительство, «руководимое неуклонным желанием установить мирные отношения с Латвией», согласилось на это¹¹³. О том, что делегация Латвии уже осознала необходимость мира и его выгоды для Латвии, свидетельствуют ее старания даже заключить в условиях секретности предварительное соглашение о будущих торговых правах. Латвийские делегаты старались убедить представителей РСФСР, что гавани Латвии находятся в более выгодном положении, чем Таллин, что после заключения мира с Латвией Советская Россия будет особенно нуждаться в транзите через Латвию¹¹⁴. В то же время открыто заявить о своем намерении прекратить войну против Советской России правительство буржуазной Латвии не осмелилось. Оно боялось нарушить «гармонию» с союзниками по вопросам внешней политики. Такая «гармония», как заявил Мейеровиц на съезде Крестьянского союза, между союзниками и правительством Латвии существовала всегда и полностью¹¹⁵. Но в этот период такой «гармонии» по вопросу мира с Россией не было даже между самими «великими союзниками». Дипломаты буржуазной Латвии решили втихомолку использовать средний путь: открыто не заключать мира с Советской Россией, а подписать секретное перемирие. Важно было и то, что такие действия латвийского правительства нашли поддержку у Англии.

В январе 1920 г. марионетка Запада — буржуазное временное правительство — была вынуждена вертеться «в заколдованном кругу» противоречивой политики. На проходившем в первой половине января съезде Крестьянского союза министр иностранных дел Мейеровиц заявил, что правительство не заключит мир с Россией до тех пор, пока там не установится «демократическое правительство»¹¹⁶. В то же время в

¹¹² См.: «Brīvā Zeme», 1920. g. 28. janv.

¹¹³ Документы внешней политики СССР, т. II., стр. 322—323.

¹¹⁴ Там же, стр. 324.

¹¹⁵ «Brīvā Zeme», 1920. g. 13. janv.

¹¹⁶ Там же, 13 января 1920 года.

Москве велись переговоры о заключении перемирия. На съезде кулацкой партии Мейеровиц заявил, что буржуазной Латвии не нужно признание де-юре от большевиков, а в апреле того же года на советско-латвийских мирных переговорах это было первым требованием латвийской делегации¹¹⁷. Сущность желанной для буржуазного правительства Латвии политики Мейеровиц определил так: «Отношения с Россией я хотел бы формулировать так: ни война, ни мир»¹¹⁸.

В таком положении правительство буржуазной Латвии оказалось в результате, с одной стороны, боязни противоречить Франции и США и промедления Англии с официальной поддержкой советско-латвийских мирных переговоров, с другой стороны — осознания жизненной необходимости мирного сосуществования между Латвией и Советской Россией. Латышские крестьяне, которые вступили в буржуазную армию в период борьбы с Бермондтом, не были заинтересованы в продолжении войны против Советской России. В приказе от 23 января 1920 года главнокомандующий армии буржуазной Латвии был вынужден констатировать: «Наблюдается, что большевистские идеи открыто пропагандируются даже некоторыми солдатами, причем критикуются распоряжения начальства. К сожалению, ни солдаты, ни офицеры, едущие с ними в одном вагоне, пропагандистов не арестовывают, а спокойно выслушивают разговоры распространителей большевистских идей»¹¹⁹.

Переговоры о перемирии между Советской Россией и Латвией в Москве продвигались довольно успешно, и вскоре делегации пришли к согласию по всем важнейшим вопросам. Но подписание соглашения все-таки задержалось. Латвийское правительство медлило утвердить проект договора, разработанный в Москве. Требования делегации Латвии ускорить утверждение проекта остались безрезультатными. Дело дошло до того, что 25 января 1920 года латвийская делегация сообщила своему правительству: если утверждение проекта соглашения еще задержится, она откажется от своих полномочий и вернется в Ригу¹²⁰.

В двадцатых числах января вопрос мира с Советской Россией по инициативе оппозиционной правительству партии — социал-демократов — обсуждался в Народном совете буржу-

¹¹⁷ «Известия», 14 апреля 1920 года.

¹¹⁸ «Brīvā Zeme», 1920. g. 13. janv.

¹¹⁹ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 391—392, д. № 307.

¹²⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 65, д. I, л. 60.

азной Латвии. Здесь в полной мере раскрылась растерянность буржуазного временного правительства Латвии. Оно решило пока продолжать двойственную линию в отношении заключения секретного перемирия с РСФСР. 28 января министр иностранных дел Мейеровиц на заседании Народного совета заявил, что он в настоящее время, к сожалению, не может сообщить «окончательный срок, когда можно будет начать официальные мирные переговоры» с Советской Россией¹²¹. Для этого, по словам министра, необходимо, во-первых, взаимопонимание и согласованность с соседними странами, во-вторых, одобрение со стороны Антанты. Министр внутренних дел буржуазного правительства Латвии А. Берг 26 января там же, на заседании Народного совета, сказал, что по стратегическим и дипломатическим причинам нет возможности обсуждать вопрос о мире во всей полноте¹²². Некоторых депутатов просто пугало, что открытые разговоры о мире отрицательно подействуют на армию и начатое в Латгалии наступление против советских войск остановится. Такими настроениями особенно отличались выступления представителей Латгалии в Народном совете. Они отражали мысли реакционного католического духовенства Латгалии, а также реакционной латгальской католической интеллигенции. Особенно ярко это звучало в речи депутатки Сейле. Она воскликнула: «... вести агитацию о мире тогда, когда армия идет вперед, мы не можем!»¹²³ Даже социал-демократ Циелен, который в своем выступлении утверждал, что социал-демократы за мир с Россией, далее заявил, что они, выступая за мир, не хотят ослаблять фронт и военные действия против большевиков¹²⁴.

Внутреннее положение латвийского буржуазного государства в начале 1920 г. все время оставалось очень напряженным несмотря на то, что буржуазия Латвии с помощью петли и пули старалась утопить в крови революционное движение латышского пролетариата, укрепить свой тыл и армию. Никаких определенных результатов по созданию единого антисоветского фронта окраинных государств на Гельсингфорсской конференции, проходившей с 15 по 22 января, не удалось добиться. Рельефнее начали выделяться территориальные про-

¹²¹ Latvija. Tautas Padomes pārskati, protokoli un stenogramas. R., 1920., 753. lpp.

¹²² Там же, стр. 735.

¹²³ Там же, стр. 742.

¹²⁴ Там же, стр. 741—742.

тиворечия между вновь созданными государствами. Продолжать войну с Советской Россией становилось все труднее. Труднее стало и оправдывать продолжение этой войны, так как этнографические границы Латвии в общем были достигнуты.

В такой обстановке правительство Латвии получило новое подтверждение тому, что правительство Англии не возражает против заключения мира между Прибалтикой и Советской Россией. Представитель буржуазного правительства Латвии в Лондоне Бисениек 25 января 1920 года сообщил в Ригу, что у него по этому вопросу был разговор с бывшим руководителем миссии союзников в Прибалтике генералом Гофом. Во время этого разговора генерал Гоф высказался, что он не понимает, почему Латвия не заключает мир с большевиками. Он указал, что общественная мысль в Англии, в том числе торговые круги, настроены в пользу мира, Ллойд-Джордж эти настроения поддерживает, хотя часть членов английского правительства во главе с Черчиллем требует продолжения войны. Гоф также признал, что некоторые государства, которые стараются свергнуть большевиков, сами не хотят или не могут это осуществить и пытаются загребать жар чужими руками, заставляя воевать государства Прибалтики. По словам Гофа, этого особенно желает Франция. Английский генерал советовал не считаться с этим и заключить мир¹²⁵. Нет сомнения, что буржуазное правительство Латвии знало по телеграмме английского правительства эстонскому правительству о том, что Англия одобряет заключение перемирия между Эстонией и Советской Россией. Министр иностранных дел буржуазной Латвии Мейеровиц 2 февраля 1920 года получил из Лондона письмо Бисениека от 4 января о том, что представители Англии советовали послу Эстонии в Париже немедленно заключить мир с Советской Россией¹²⁶.

Парижская мирная конференция формально закончилась в январе 1920 г., за две недели до подписания первого из мирных договоров между Прибалтийскими государствами и РСФСР — мирного договора между Советской Россией и Эстонией, — не приняв какого-либо единого решения по вопросу о Прибалтике и, в частности, по вопросу мирных договоров стран Прибалтики и Советской России. Великобритания, США и Франция не пришли к общему решению, несмотря на то, что проходившая в январе в Гельсингфорсе конферен-

¹²⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. I, д. 17, л. 39—40.

¹²⁶ Там же, л. 34—35.

ция Прибалтийских стран постановила, что Прибалтийские государства должны будут согласовывать все свои решения в отношении Советской России с позицией государств Антанты¹²⁷.

Чтобы застраховать себя в таком положении от сторонников продолжения военных мер против РСФСР, правительство буржуазной Латвии старалось получить разрешение заключить мир с Советской Россией не только от Англии, но и от США. Об этом свидетельствует донесение Гейда Лансингу от 29 января 1920 года о разговоре с министром иностранных дел Латвии. Последний просил Гейда официально запросить правительство США, не повредит ли хотя бы в малейшей степени американской симпатии к Латвии, если правительство Латвии «даст инструкцию латвийским делегатам в Москве попытаться добиться перемирия с большевиками»¹²⁸. Этот запрос, очевидно, не дал желанных для буржуазного правительства Латвии результатов. 4 февраля 1920 года, уже после подписания советско-латвийского договора о перемирии, Лансинг сообщил Гейду: «Вы можете неофициально обратить внимание латвийского министра иностранных дел на то, что Соединенные Штаты не могут дать обещания экономической и военной помощи даже в том случае, если латвийские власти откажутся от перемирия с большевистской Россией»¹²⁹. Таким образом, нетрудно видеть, что сохраняя полностью свое отрицательное и враждебное отношение к мирным договорам стран Прибалтики с Советской Россией, шантажируя эти страны возможным отказом в «экономической помощи» в будущем, не давая формальных обещаний, но и не отказывая, США по существу заняли в этом вопросе ту же позицию, что и Франция.

30 января 1920 года было подписано соглашение о перемирии между РСФСР и Латвией. В отношении Прибалтийских стран В. И. Ленин 21 февраля того же года в беседе с корреспондентом «Уорлд» отметил: «Несмотря на крупные приманки и злобеще угрозы со стороны Антанты против этих маленьких государств, они предпочли установить мирные отношения с нами»¹³⁰. По требованию делегации Латвии переговоры и соглашение о перемирии «носят совершенно секрет-

¹²⁷ V. Sīpols. Ārvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulisēs, 236. lpp.

¹²⁸ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920, vol. III, p. 645.

¹²⁹ Там же, стр. 646.

¹³⁰ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 382.

ный характер и ни в коем случае не должны быть оглашены одной стороной без согласия другой»¹³¹. В дополнительном договоре о перемирии между Латвией и Россией от 1 февраля 1920 года указывалось, что «секретный договор о перемирии делается открытым по первому заявлению Латвии»¹³². Буржуазное временное правительство Латвии старалось заключение перемирия держать в строжайшем секрете. Об этом не оповестили даже командиров дивизий армии¹³³. Автор «Истории освободительной войны Латвии» М. Пеникис указывал, что факт заключения перемирия не сделали известным высшим военачальникам и солдатам для поддержания боеспособности армии, а также потому, что буржуазное правительство Латвии было связано вышеуказанным договором с Польшей. Но тут же буржуазный историк должен признать, что «еще более важной причиной, почему войска не оповестили о заключении перемирия», была боязнь роста революционного настроения в армии. «Еще в памяти была мировая война, когда после революции началось «братание» с немцами... Поэтому было основание бояться подобных последствий, и чтобы не допустить агитации красных в нашей армии, о заключении перемирия ничего не сообщили, и войну надо было продолжать до заключения мира», — писал М. Пеникис¹³⁴. В то же время он обходит молчанием зависимость действий буржуазного правительства Латвии от указаний западных держав и боязнь навлечь на себя недовольство империалистического мира, что наряду с причинами внутреннего порядка играло решающую роль в дипломатии буржуазной Латвии. О наличии таких опасений в правительственных кругах буржуазной Латвии в отношении даже Англии, не говоря уже о Франции, свидетельствует факт, что 2 января 1920 года — в день, когда в Москву под видом делегации Красного Креста отправилась латвийская делегация по переговорам о перемирии, — министр иностранных дел Мейеровиц уверял английского генерала Берта, что «Латвия никогда не имела мысли заключить тайный мир с большевиками»¹³⁵.

2 февраля 1920 года в 2 часа ночи был подписан мирный договор между Эстонией и Советской Россией¹³⁶. Говоря о Лат-

¹³¹ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 333.

¹³² Там же, стр. 339.

¹³³ M. Peniķis. Latvijas atbrīvošanas kara vēsture, II d., 333.—334. lpp.

¹³⁴ Там же, стр. 334.

¹³⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. I, д. 4, л. 60.

¹³⁶ «Известия», 3 февраля 1920 года.

ви, В. И. Ленин 2 февраля 1920 года отметил, что «...мир с Эстонией должен будет непременно сказаться, потому что основания те же — Латвию и Польшу так же стараются втравить в войну с Россией, как и Эстонию»¹³⁷. Советско-эстонский договор, по словам наркома ИД РСФСР Чичерина, превратился «в генеральную репетицию соглашения» между Советской Россией и Антантой, «превратился в первый опыт прорыва блокады и в первый эксперимент мирного сожительства с буржуазными государствами»¹³⁸. Реакция, вызванная этим договором в западных государствах, должна была определить дальнейшую линию поведения дипломатов буржуазной Латвии по отношению к Советской России. «Именно на вопросе об Эстонии больше, чем где бы ни было, разошлись две линии — линия Франции и Англии, — указывал Чичерин. — И вот, между этими двумя мировыми контрастами находилась буржуазия маленькой Эстонии. Она выбрала очень простой путь: везде во всем — с Англией»¹³⁹. Буржуазия Латвии тоже симпатизировала политике Англии, но влияние Франции в Латвии было более ощутимым, чем в Эстонии. Пришедший к власти во Франции в начале 1920 года правый социалист Мильеран продолжал антисоветскую политику своего предшественника Клемансо. Кроме того, деятели буржуазного правительства Латвии не всегда были уверены, верно ли они разгадывают желания Англии. В течение последнего года они слышали от английского правительства заявления диаметрально противоположного характера. По-видимому, политика Ллойд-Джорджа по отношению к Советскому государству еще наталкивалась на сопротивление. Так, У. Черчилль 5 января 1920 года в газете «Таймс» открыто высказался: «Есть одна категория людей, с которыми нам, на мой взгляд, бесполезно искать соглашения. Я говорю о большевиках...»¹⁴⁰. Но в арсенале французской дипломатии к 1920 году не оказалось никакого другого оружия, кроме «возмущения», которое могло бы удержать страны Прибалтики от подписания мирных договоров с Советской Россией. Отзвуки в Англии на советско-эстонский мирный договор стали определяющими в дальнейших действиях латвийского буржуазного правительства.

4 февраля 1920 года представители союзников в Прибалтике провели в Таллине конференцию. Буржуазные газеты

¹³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 299.

¹³⁸ «Вестник НКВД», 1920 г., № 3.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ «Times», January 5, 1920.

Латвии надеялись, что там будет вынесено решение о том, какую позицию займут союзники в связи с происшедшими в последнее время изменениями в отношениях между Советской Россией и ее соседями¹⁴¹. Эти надежды не оправдались. Участники совещания уже 9 февраля возвратились в Ригу¹⁴². О том, что никаких официальных новостей не ожидалось, можно судить по настроению западной прессы. Французская газета «Тан» писала, что союзные правительства не намерены отказаться от недавно принятых ими решений по русскому вопросу. Союзники не собираются отправлять экспедиционные армии в Россию, как этого желал бы Черчилль, союзники равным образом не собираются вступать в регулярные сношения с Советским государством, как это было предложено Ллойд-Джорджем. «Тан» обещала, что союзники и впредь будут готовы оказать материальную помощь окраинным независимым государствам против большевистских нападений¹⁴³.

Только 24 февраля 1920 года Верховный совет союзников принял специальную резолюцию по вопросу о странах Прибалтики. Эта резолюция отражала наличие разногласий в среде западных империалистов, которые не сумели столкнуться по вопросу о мирных договорах Прибалтийских стран. Резолюция содержала рекомендацию странам Прибалтики «не вести войну против Советской России» и ограничивалась обещанием защитить страны Прибалтики «в случае нападения на них Советской России». О мирных договорах в резолюции от 24 февраля прямо не было сказано, но все же констатировалось, что дипломатические отношения с Россией не возобновляются¹⁴⁴. Эта резолюция была компромиссом между английской и американо-французской точкой зрения. В. И. Ленин 21 февраля 1920 года заявил, что «в Англии все еще сильны позиции Черчилля, а Ллойд-Джордж, который, вероятно, хочет иметь деловые отношения с нами, не отваживается открыто порвать с политическими и финансовыми кругами, поддерживающими политику Черчилля»¹⁴⁵. 6 февраля 1920 года народный комиссар ИД РСФСР предложил министру иностранных дел Латвии начать официальные мирные пере-

¹⁴¹ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 4. febr.

¹⁴² Там же, 11 февраля 1920 года.

¹⁴³ «Известия», 7 февраля 1920 года.

¹⁴⁴ Разгром Врангеля. Сборник статей. М., 1930, стр. 7.

¹⁴⁵ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 380.

говору¹⁴⁶. В тот же день Мейеровиц направил в Лондон Бисениеку телеграмму, в которой указывал, что отсутствие в Латвии полковника Таллентса очень чувствительно в связи с важными политическими мероприятиями, и просил побеспокоиться о его скорейшем возвращении в Латвию¹⁴⁷. Очевидно, правительство буржуазной Латвии без английского совета боялось дать советскому правительству определенный ответ.

9 февраля НКВД РСФСР был направлен ответ, что «...подтверждая желание положить конец войне, правительство Латвии, однако, в данный момент затрудняется сообщить свои предложения о месте и времени переговоров, оставляя за собой возможность в будущем вернуться к этому вопросу по существу»¹⁴⁸. Это значило, что правительство Латвии стремились пока и впредь продолжать двурущническую политику «ни войны, ни мира». Оно не отклонило советское мирное предложение, но и не выказало готовности начать мирные переговоры. Характеризуя такого рода политику, В. И. Ленин 1 марта 1920 года указывал: «Они [малые государства] не смели прямо отказать: они — в зависимости от Антанты. Они не пошли на прямую помощь нам, они выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными...»¹⁴⁹. Позицию латвийского буржуазного правительства по вопросу мира с РСФСР изложил Мейеровиц в телеграмме от 11 февраля представителям Латвии в Варшаве, в Гельсингфорсе и в Каунасе. В телеграмме было указано, что правительство Латвии в принципе согласилось на мирные переговоры с Советской Россией, но хочет эти переговоры вести сообща с Финляндией, Польшей и Литвой¹⁵⁰. Пресса буржуазной Латвии также начала признавать, что возможность мира становится все реальнее. Официоз буржуазного временного правительства Латвии «Валдибас вестнесис» был вынужден признать, что Советская Россия уже давно предлагала Латвии мир. Значит, были другие причины, удерживавшие правительство Латвии от мирных переговоров. Газета была вынуждена говорить об основной причине, мешавшей началу мирных переговоров, — об отношении западных государств к идее мира. Далее, официоз бур-

¹⁴⁶ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 362.

¹⁴⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 4, л. 79.

¹⁴⁸ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 362.

¹⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 363.

¹⁵⁰ V. Sīpols. Ārvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulisēs, 242. lpp.

жуазного правительства пришел к выводу, что в начале февраля 1920 года создалась обстановка, позволяющая реально думать о заключении мира с Советской Россией. «Британия по поводу мирных переговоров никаких указаний нам не дает, считая это нашим внутренним делом, и сохраняет за нами свободу действий. Не предвидится также, что Америка из-за мирных переговоров откажется протянуть нам руку помощи. Со стороны Италии тоже не предвидится сопротивления. Может быть, только мнения Франции в известной степени отличаются, — ей вряд ли это понравится», — писала газета «Валдibas vēstnesis» 11 февраля 1920 года¹⁵¹.

Основу для таких рассуждений дали действия английского правительства. 5 февраля 1920 года министерство иностранных дел Великобритании сообщило представителю буржуазной Латвии в Лондоне Бисениеку, что в вопросе заключения мира между Латвией и Советским государством Англия признает свободу действий за Латвией, и этот вопрос должен быть решен «полностью в интересах Латвии»¹⁵². 10 февраля, выступая в парламенте, английский премьер Ллойд-Джордж открыто заявил: «Нам не удалось восстановить Россию с помощью силы. Я верю, что мы сможем сделать это и спасти ее при помощи торговли»¹⁵³. 12 февраля было заключено соглашение между правительством Великобритании и правительством РСФСР об обмене пленными¹⁵⁴. Данное соглашение имело определенное политическое значение и для Латвии, так как оно показало, что сама Англия не отказывается от установления официальных контактов с Советской Россией. В феврале в ответ на вопрос в палате общин Бонар-Лоу заявил: «английское правительство довело до сведения балтийских государств, Польши и Финляндии, что вопрос о мире или войне с Россией эти государства должны решать самостоятельно, английское правительство не намерено производить никакого давления на эти государства и отнюдь не берет на себя никакой ответственности за возникновение какой бы то ни было войны»¹⁵⁵. «В Англии все требуют мира с Советской Россией», — писал 10 февраля в рапорте начальнику оперативного отдела штаба главнокомандующего армии буржуаз-

¹⁵¹ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 11. febr.

¹⁵² ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 52.

¹⁵³ История международных отношений и внешней политики СССР, т. I. М., 1961, стр. 218.

¹⁵⁴ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 364.

¹⁵⁵ «Известия», 27 февраля 1920 года.

ной Латвии военный атташе латвийского буржуазного временного правительства в Англии капитан Кисел¹⁵⁶. В этом же рапорте капитан Кисел сообщил, что 8 февраля полковник Таллентс, который на днях явится в Ригу, сказал ему, что он имел получасовой разговор с Ллойд-Джорджем и получил совет выступить в Латвии и в Литве за мир, неофициально, конечно. «Они [англичане] не могут посоветовать нам заключить мир с большевиками, ибо французы еще с удовольствием желали бы видеть объединенную Россию и воевать с большевиками не прямо, а заставляя новые государства делать это», — писал атташе буржуазного временного правительства Латвии. Далее в своем рапорте он сообщил, что за последний месяц он имел немало встреч с представителями крупнейших торговых фирм Англии, которые спрашивали, когда Латвия последует примеру Эстонии и заключит мир, чтобы можно было начать торговлю с Россией, к чему они, англичане, давно уже готовятся. «Так что Англия определенно стоит за мир с Советской Россией, и чем быстрее он будет заключен, тем быстрее будет реализован широкий план финансирования Латвии, который Вам, вероятно, уже известен и который поднимет стоимость нашего рубля, вероятно, более чем наполовину», — писал капитан Кисел¹⁵⁷.

Приведенные факты подтверждают, что в отношениях Запада к Советской России позиции Англии начали занимать все более значительное место. Это придало смелости правительству буржуазной Латвии. Оно начало открыто говорить о необходимости заключения мира с Советским государством, что было вызвано также напряженным внутренним положением буржуазной Латвии. 13 февраля в печати появилось следующее заявление министра иностранных дел Латвии: «В задачи находящейся в Москве латвийской делегации входило не только вести переговоры о главнейших и важнейших вопросах, но и подготовить почву для мира. Латвийская делегация во время своей поездки убедилась в искренности мирных стремлений большевиков. Ввиду того что освобождение Латгалии ныне осуществлено, идея мира в Латвии становится все популярнее. Антанта со своей стороны считает, что скорейшее заключение мира необходимо для латышей».

¹⁵⁶ Советская Латвия в 1919 году, стр. 420, док. № 327.

¹⁵⁷ Там же. Разговор Ллойд-Джорджа с Таллентсом, переданный капитаном Киселом, приводит также Бисениек в письме Мейеровицу от 2 февраля 1920 г. Существенной разницы нет. См.: ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 50.

Далее выяснилось, что в Польше мирное предложение Советской России встретило самое серьезное внимание, «из чего можно заключить, что вопрос о мире с Советской Россией будет разрешен в непродолжительном будущем»¹⁵⁸. 16 февраля 1920 года кабинет министров Латвии на своем заседании в принципе решил начать мирные переговоры с правительством Советской России, чтобы добиться формального мира¹⁵⁹. Министру иностранных дел совместно с заинтересованными ведомствами было поручено утвердить состав мирной делегации¹⁶⁰. Прежде чем вступить в официальные переговоры с Советской Россией, министерство иностранных дел Латвии решило в ближайшее время пригласить соседние государства (Финляндию, Литву и Польшу) на предварительное совещание¹⁶¹.

Чтобы не потерять руководящей роли среди Прибалтийских государств в вопросе заключения мира с Советской Россией, Польша решила взять инициативу созыва совещания в свои руки. Она пригласила представителей Финляндии и Латвии на конференцию в Варшаве. Приглашение Польши взяло верх над приглашением Латвии. Правительство Финляндии выразило согласие направить представителей в Варшаву¹⁶². Правительству Латвии не оставалось ничего другого как послать в Польшу и своих представителей. Это было решено 1 марта на заседании кабинета министров¹⁶³.

27 февраля 1920 года Лондонская конференция Верховного совета союзников решила не возобновлять дипломатических сношений с Советской Россией, пока в ней не установится положение, соответствующее «требованиям цивилизации». «Независимым» же окраинным государствам был преподан совет воздержаться от наступления на Россию и обещана поддержка союзников в случае, если Россия нападет на них¹⁶⁴. Это был очередной компромисс между Англией и Францией. По мнению «Таймс», Совет в своем решении не упомянул об установлении прямых связей с Россией только из-за Мильерана¹⁶⁵. Официоз буржуазного временного правительства Латвии «Валдибас вестнесис» писал: «...эта резолюция

¹⁵⁸ «Известия», 21 февраля 1920 года.

¹⁵⁹ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 18. febr.

¹⁶⁰ «Известия», 27 февраля 1920 года.

¹⁶¹ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 18. febr.

¹⁶² «Известия», 26 февраля 1920 года.

¹⁶³ «Economists», 1920. g. 3. num., 95. lpp.

¹⁶⁴ «Известия», 27 февраля 1920 года.

¹⁶⁵ «Brīvā Zeme», 1920. g. 28. febr.

показывает, что союзники вообще не хотят начала войны ни с чьей стороны, то есть стоят за прекращение войны вообще»¹⁶⁶. В интервью представителям прессы 1 марта министр иностранных дел Латвии Мейеровиц заявил, что «решение Верховного совета является крупным поворотом в политике последнего. Верховный совет впервые, хотя косвенно, начал говорить о признании большевиков»¹⁶⁷. При таком положении дел латвийская буржуазия осмелилась уже открыто говорить о мире с Советской Россией. На заседании Народного совета Латвии 10 марта за мир высказался даже представитель Крестьянского союза Кливе. Он заявил: «Мир с Россией — это решенный вопрос, и нечего об этом много говорить...»¹⁶⁸ Возможно, что скрытое от союзников перемирие между Латвией и Советской Россией в начале марта 1920 года уже было известно некоторым представителям Англии в Латвии. Об этом свидетельствует тот факт, что полковник Таллентс в первой половине марта организовал проезд делегации Центросоюза Советской России в Англию уже через Латвию, а не через Эстонию, с которой РСФСР была в мирных отношениях¹⁶⁹. Это было сделано по инструкции министерства иностранных дел Англии¹⁷⁰.

Переговоры в Варшаве о согласованных основах мирного договора с Советской Россией между Польшей, Латвией и другими странами не дали определенных результатов. Позиция польского правительства на варшавских переговорах показывала, что дружба и союз с Польшей ничего хорошего Латвии не обещают. Представители Финляндии и Латвии заявили, что они склонны начать переговоры с Советской Россией. Польское правительство прибегло к угрозам, заявив, что если латвийское правительство заключит мир с Советской Россией, польские войска не уйдут из Латгалии, где они находились в соответствии с договором. «В границы Польши 1772 года, — заявил польский посланник в Риге, — входит также Латгалия, которую мы, так сказать, в кредит помогли Латвии освободить, не востребовав за эту помощь никакого вознаграждения. Если Латвия желает урегулировать вопрос о Латгалии, то это возможно лишь с Польшей, а не с Россией... В случае, если Латвия заключит мир с большевиками,

¹⁶⁶ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 28. febr.

¹⁶⁷ «Известия», 9 марта 1920 года.

¹⁶⁸ Там же, 18 марта 1920 года.

¹⁶⁹ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 408.

¹⁷⁰ S. Tallents. Man and Boy, p. 344.

а Польша будет продолжать борьбу, то понятно, что мы не уйдем из Латгалии»¹⁷¹. Выслушав предложения польского правительства, латвийская делегация выехала в Ригу, якобы для консультаций с правительством и получения полномочий¹⁷². В Варшаву делегация Латвии не возвратилась. 20 марта Мейеровиц заявил, что мирные переговоры с Россией совместно с Польшей «во всяком случае вестись не будут»¹⁷³. Вопрос о мирных переговорах с Россией, на обсуждение которых прибыла в Варшаву латвийская делегация, был отодвинут на задний план. Этот вопрос не интересовал польское правительство, так как заключить мир с Советской Россией Польша еще не намеревалась. Русский белогвардеец Б. Б. Савинков 1 марта 1920 года по этому поводу писал из Парижа Н. В. Чайковскому: «Пилсудский, несмотря на совет Ллойда-Джорджа заключить мир с большевиками, полагает, что мир этот заключен не будет, и готовится к войне»¹⁷⁴. Такое настроение польского правительства подтвердил член латвийской делегации на Варшавском совещании. Он писал, что высокопоставленные государственные деятели на конференции сообщили представителям Латвии, что «большевикам сперва надо дать изрядного тумака»¹⁷⁵.

Сразу после Варшавского совещания, 16 марта, министр иностранных дел Латвии З. Мейеровиц предлагал Англии созвать конференцию Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии для заключения мирного договора. Этот шаг латвийской дипломатии рельефно показывает ее добровольное подчинение намерениям Англии. 24 апреля английское правительство отклонило это предложение по той причине, что союзные государства еще не признали Советскую Россию, и Англия не хотела взять на себя руководство конференцией¹⁷⁶.

20 марта министр иностранных дел Латвии в беседе с представителями печати сообщил, что «сейчас идет усиленная работа по подготовке мирных переговоров с Советской Россией»¹⁷⁷. 24 марта буржуазное правительство Латвии в конце концов решило в самом ближайшем времени начать эти пе-

¹⁷¹ «Известия», 20 апреля 1920 года.

¹⁷² V. Sīpols. Arvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulisēs, 246.—247. lpp.

¹⁷³ «Известия», 26 марта 1920 года.

¹⁷⁴ «Исторический архив», 1957 г., № 2, стр. 82.

¹⁷⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. I, д. 7, л. 189.

¹⁷⁶ V. Sīpols. Arvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulisēs, 250. lpp.

¹⁷⁷ «Известия», 26 марта 1920 года.

реговоры. В решении правительства было подчеркнуто, что «мирные переговоры с Советской Россией надо вести отдельно»¹⁷⁸. 26 марта правительство Латвии направило в Москву телеграмму, в которой оно объявило о готовности начать переговоры в начале апреля и предлагало местом переговоров Москву¹⁷⁹. В ответной ноте от 27 марта правительство РСФСР предложило начать мирные переговоры 5 апреля 1920 года¹⁸⁰. Министр иностранных дел Латвии 31 марта сообщал наркому иностранных дел РСФСР Чичерину, что «латвийская делегация выедет 10 апреля с расчетом прибыть в Москву 12 апреля»¹⁸¹. 16 апреля состоялось первое заседание советско-латвийской мирной конференции¹⁸². Министр иностранных дел Латвии Мейеровиц заявил корреспонденту газеты «Брива земе», что, по его мнению, пройдет приблизительно месяц, пока будет заключен мир¹⁸³.

Заключение мира между Латвией и Советской Россией соответствовало интересам и дипломатическому курсу Англии. В результате отрыва от Советской России бывших окраинных районов царской России Англия надеялась ослабить Советское государство. Заключение советско-латвийского мира и признание буржуазной Латвии РСФСР были только частью английского плана ослабления Советского государства. В то же время английская дипломатия старалась применить подобный метод и в других районах. Это явствует из телеграммы министра иностранных дел Англии Керзона советскому правительству от 11 апреля 1920 года. Он писал: «Выяснилось уже несколько времени тому назад, что военная борьба в южной России не может продолжаться бесконечно, ...что ее продолжение явится источником лишь дальнейшей потери жизней и серьезным препятствием для восстановления и благосостояния России»¹⁸⁴. Далее Керзон писал, что он использует все свое влияние на генерала Деникина для того, чтобы побудить его отказаться от этой борьбы, обещав ему при этом приложить все свои усилия, чтобы добиться заключения мира между белогвардейскими и советскими войсками и обеспечить безопасность всех сторонников Деникина и населения

¹⁷⁸ V. Sīpols. Arvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulisēs, 247. lpp.

¹⁷⁹ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 242.

¹⁸⁰ Там же, стр. 243.

¹⁸¹ «Известия», 3 апреля 1920 года.

¹⁸² Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов (1919—1920). М., 1921, стр. 21—22.

¹⁸³ «Brīvā Zeme», 1920, g. 9. arg.

¹⁸⁴ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 454—455.

Крыма. 18 апреля по тому же вопросу Керзон писал Чичерину: «...не могу допустить разгрома так же, как и поражение южнорусской армии»¹⁸⁵. Эти документы лишний раз доказывают, что заключение мира между буржуазной Латвией и Советской Россией не только не противоречило планам Англии, но было составной частью этих планов. То, что английское правительство одобряло установление мирных отношений между Латвией и Советской Россией, подтверждает и тот факт, что в апреле Англия ликвидировала свою военную миссию в Прибалтийских государствах¹⁸⁶.

Уже в первом варианте требований латвийской делегации к Советской России на мирных переговорах чувствовалось влияние английской политики. Англия была заинтересована, чтобы при нормализации отношений с РСФСР были признаны внешние долги царской России. Так, «Таймс» писала, что окраинные государства могут прекратить войну с Россией и вступить в торговые отношения только при условии, если «большевики откажутся от внешней пропаганды и признают внешние займы России»¹⁸⁷. Выполняя волю своего покровителя, делегация буржуазного правительства Латвии на мирных переговорах заявила, что в случае согласия России на требования Латвии последняя «принимает на себя пропорциональную часть русского государственного долга, числившегося до перехода власти к большевикам». Эта часть составляла приблизительно миллиард рублей золотом¹⁸⁸. Так, в интересах английских, а также иных капиталистов буржуазное правительство Латвии было готово взвалить на плечи своего народа тяжелое бремя царских долгов. Только благодаря политике Советского государства латышский народ был избавлен от этого ограбления.

Возобновление военных действий на польско-советском фронте 6 апреля 1920 года и дальнейшее развитие третьего похода Антанты против Советской России повлияло и на советско-латвийские мирные переговоры. В беседе с сотрудником газеты «Републикас саргс» польский посол в Латвии Боуфал заявил, что если Латвия заключит мир с Россией, а Польша будет продолжать войну, Польша своих войск из Латгалии не выведет. Даугавпилс будет нужен Польше как

¹⁸⁵ Внешняя политика СССР. 1917—1944, т. I, стр. 425.

¹⁸⁶ «Известия», 20 апреля 1920 года.

¹⁸⁷ «Brīvā Zeme», 1920. g. 27. febr.

¹⁸⁸ «Известия», 14 апреля 1920 года.

опорный пункт для левого крыла ее армии¹⁸⁹. Возобновление открытого похода против Советского государства повлияло и на рост воинственных настроений в английских правящих кругах. Высших британских офицеров, находившихся в Севастополе, вызвали спешно в Лондон для участия в качестве экспертов в важном государственном совещании, касающемся России¹⁹⁰. Характеризуя положение в Англии, 13 мая 1920 года Литвинов писал из Копенгагена: «Лорд Гардинг и Форин оффис в союзе с Черчиллем — за интервенцию. Возможно, что Ллойд-Джордж стоит за более мирные способы удушения, но он бессилён в руках консерваторов»¹⁹¹. Английские политические деятели в это время часто отступали от едва прояснившихся позиций, ограничиваясь неопределёнными заявлениями. Бонар-Лоу вновь подтвердил, что английское правительство не может давать никаких советов русским окраинным государствам относительно того, как они должны относиться к советскому правительству, и, следовательно, английское правительство также не может взять на себя ответственность за их мероприятия¹⁹².

Организаторам третьего похода Антанты против Советского государства не удалось привлечь Латвию к поддержке Польши. Не удалось им и прервать советско-латвийские мирные переговоры. «Мы видим теперь обломки империалистского плана», — говорил В. И. Ленин в мае 1920 года относительно неудачной попытки самых реакционных кругов Запада еще раз создать единый военный фронт против Советского государства¹⁹³. Однако наступление польских войск тормозило благоприятное развитие советско-латвийских мирных переговоров. На это В. И. Ленин указывал в июне 1920 года: «...мы из дипломатических переговоров видим с полной ясностью, что когда Польша начала наступать, то те державы, которые вели с нами мирные переговоры, изменили тон и выступили уже с заявлениями, иногда неслыханно наглыми. Они рассуждают по-купечески, — от купца ничего иного и ждать нельзя. Ему показалось, что сейчас есть шанс с Советской Россией разделаться, и он начинает задирать нос... Мы это видели на других государствах, более значительных, и никакого внимания не обращали, потому что мы убедились, что

¹⁸⁹ «Известия», 4 мая 1920 года.

¹⁹⁰ Там же, 7 мая 1920 года.

¹⁹¹ Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 514.

¹⁹² «Правда», 13 мая 1920 года.

¹⁹³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 109.

все угрозы Финляндии, Румынии, Латвии и всех других буржуазных государств, целиком зависящих от Антанты, эти угрозы рассыпаются прахом»¹⁹⁴. Латвийское буржуазное правительство требовало от РСФСР включить в территорию Латвии часть Дрисского уезда (на стыке границ Советской России, Польши и Латвии), несмотря на то что большинство жителей этого района были белорусы. Это требование члены латвийской делегации не сумели сколько-нибудь обоснованно аргументировать и в конце концов были вынуждены признать, что Латвия претендовала на этот район по настоянию Польши, для того, чтобы фланг польской армии прикрывался войсками Латвии¹⁹⁵. Несомненно, это требование Латвии было вызвано тем, что на первых порах польское наступление было успешным. В начале июня, когда наступление белополяков было остановлено и Красная Армия перешла в энергичное контрнаступление, правительство Латвии было вынуждено прекратить свое вызывающее поведение не только при обсуждении вопроса о границе, но и других вопросов. Уже 12 июня 1920 года было подписано соглашение о репатриации беженцев.

Старания латвийского буржуазного правительства затягивать мирные переговоры вызвали широкое недовольство в народных массах и в армии Латвии. Премьер-министр Латвии К. Ульманис, выступая с правительственной декларацией на заседании Учредительного собрания 16 июня, был вынужден заявить, что «мирные переговоры правительство энергично продолжит, чтобы добиться скорого и прочного мира»¹⁹⁶. «Критикуя» действия буржуазного правительства, «левый» социал-демократ Мендер признал: «...можно определенно сказать, что промедление по поводу мира с Россией до сих пор исходило со стороны правительства Латвии. Наша делегация выехала только в апреле, хотя могла это сделать самое позднее уже в январе»¹⁹⁷. Мендер не преминул напомнить, откуда надо брать пример: «Берите же пример с умнейшей буржуазной дипломатии, с Англии. Как бы ни смотрел Ллойд-Джордж на теперешнее правительство России, он все-таки знает, что надо столкнуться и считаться с Россией, потому что она в ближайшем или более отдаленном будущем и даже теперь определяет и будет определять судьбы мира»¹⁹⁸.

¹⁹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 149.

¹⁹⁵ «Вестник НКВД», 1920, № 4—5, стр. 14.

¹⁹⁶ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas. R., 1920.—1922., 137. lpp.

¹⁹⁷ Там же, стр. 151—152.

¹⁹⁸ Там же, стр. 153—154.

В начале июля, когда советские войска приблизились к Варшаве, положение Польши стало критическим. Государства Антанты решили открыто вмешаться в конфликт. Англия была заинтересована добиться перемирия на советско-польском фронте. В Варшаву прибыл чиновник особых поручений английского министра иностранных дел Куппер¹⁹⁹. Английское правительство решило созвать в Лондоне конференцию для решения вопросов польско-советских отношений, а также вопросов, связанных с Прибалтикой. 8 июля Ллойд-Джордж сообщил корреспондентам агентства Рейтер, что в Лондонской конференции будут участвовать союзники, Россия, Польша и государства Прибалтики. По мнению английского премьера, если большевики будут согласны, конференция может собраться в течение месяца²⁰⁰. С помощью этой конференции английские правящие круги надеялись не только основательно укрепиться в Прибалтике, но и уменьшить роль Польши, поддержанной Францией, в этом районе. Дело переговоров об окончательном мире между Россией и ее соседями Англия хотела взять в свои руки.

12 июля 1920 года министр иностранных дел Англии Керзон сообщил правительству РСФСР, что «в кратчайший по возможности срок в Лондоне будет созвана конференция под покровительством Мирной конференции [Парижской] из представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии»²⁰¹. 17 июля народный комиссар по иностранным делам Советской России ответил, что «советское правительство никоим образом не может согласиться на то, чтобы какая-нибудь группа держав принимала на себя роль какой-то верховной инспекции над всеми государствами земного шара, и, стоя на страже полной неприкосновенности суверенных прав российского трудящегося народа, советское правительство, безусловно, отвергает притязания каких бы то ни было иностранных группировок держав, принимающих на себя роль верховных вершителей судеб других народов»²⁰². Советское правительство отвергло вмешательство Англии и других государств «в дело примирения» между Россией и ее соседями. Оно указывало, что «уже достигнуто без всякого постороннего участия полное примирение с тремя соседними государствами, причем Эстония заключила с нами мир, несмотря на

¹⁹⁹ «Известия», 4 июля 1920 года.

²⁰⁰ «Вгивā Zeme», 1920. g. 30. jūl.

²⁰¹ Документы внешней политики СССР, т. III. М., 1959, стр. 54.

²⁰² Там же, стр. 50—51.

предостережение Верховного совета»²⁰³. В отношении советско-латвийских переговоров в ноте указывалось, что эти переговоры «ведутся самостоятельно, без постороннего вмешательства, и дальнейшее их ведение на тех же основаниях является наилучшей гарантией успешного достижения их цели»²⁰⁴.

На запрос в палате общин английского парламента 20 июля относительно Финляндии, Литвы и Латвии секретарь по внешним делам Гармсворт ответил, что правительства Финляндии, Литвы и Латвии отказались принять участие в мирной конференции в Лондоне²⁰⁵. Относительно Латвии это видно также из письма директора политико-дипломатического департамента министерства иностранных дел буржуазной Латвии Сеи представителю Латвии в Лондоне Бисениеку от 27 июля 1920 года. Сея писал: «Министерство иностранных дел придерживается мнения, что совместные переговоры в Лондоне не в наших интересах; когда заключим мир, тогда улаживание некоторых общих вопросов в Лондоне нам будет весьма выгодно. В Лондон в таком случае поехал бы министр и немедленно попытался бы двинуть вперед дело (признания Латвии. — А. В.) де-юре»²⁰⁶. Нет сомнения, что такая позиция латвийского буржуазного правительства вызвана тем фактом, что западные державы все еще воздерживались от официального признания де-юре буржуазной Латвии как государства. Для буржуазной Латвии очень важно было получить признание самостоятельности со стороны России. Заключение мирного договора с Советской Россией полностью обеспечивало такое признание. Даже английский генерал Гоф в январе 1920 г. был вынужден признать, что для новых окраинных государств признание Советской России, в случае, если бы они заключили мир с нею, намного ценнее признания всех союзников²⁰⁷. Правительство буржуазной Латвии считало более выгодным до получения признания де-юре от Советской России в Лондонской конференции не участвовать, так как не было уверено в том, что конференция обеспечит Латвии это право. На конференции можно было ожидать упреков по поводу требуемой самостоятельности Латвии со стороны Франции, США, а также русской эмигрантской белогвардейщины.

²⁰³ Документы внешней политики СССР, т. III, стр. 50.

²⁰⁴ Там же, стр. 53.

²⁰⁵ «Правда», 4 августа 1920 года.

²⁰⁶ ЦГИА ЛатвССР, ф. 32-г, оп. I, д. 17, л. 86.

²⁰⁷ Там же, л. 40.

По вопросу советско-латвийского мирного договора посол Латвии в Англии Бисениек, как явствует из его письма Мейеровицу от 15 июля 1920 года, советовал закончить мирные переговоры по возможности до начала «большой конференции в Лондоне». Дипломат буржуазной Латвии считал, что заключить мирный договор изолированно от Польши и Финляндии выгоднее²⁰⁸.

27 июля 1920 года Сея писал послу Бисениеку в Лондон: «Мы со своей стороны сделаем все, чтобы мир был бы вскоре заключен»²⁰⁹. Некоторые круги латвийской буржуазии считали, что заключение мира с Советской Россией искусственно затянуто. Так, эксперт латвийской мирной делегации профессор Балод в газете «Социал-демократс» заявил, что Латвия запоздала с заключением мира на полгода. Он считал, что международное положение Советской России значительно улучшилось и Латвии не удастся заключить мир на столь удачных экономических условиях, как Эстонии²¹⁰. Некоторые политические деятели буржуазной Латвии все-таки ожидали многого от проектируемой Лондонской конференции. Например, посол Латвии в Польше А. Кенинь рассматривал эту конференцию как продолжение Парижской мирной конференции и ждал от нее признания Западом буржуазной Латвии де-юре²¹¹.

В связи с тем, что советское правительство не отступило от своей политики, защищавшей полное самоопределение окраин бывшей царской России, английский план вмешательства в вопросы Польши и Прибалтики потерпел крах: по словам Керзона, «проект созыва конференции теряет всякое значение»²¹². 3 августа министр иностранных дел Англии перешел к прямым ультимативным угрозам по адресу Советской России, в частности угрожая вооруженным вмешательством Англии на стороне Польши²¹³. Известие об ультиматуме английского правительства РСФСР подняло на ноги английский рабочий класс. Рабочие заявили протест против политики Ллойд-Джорджа—Черчилля. Размах массового движения английского рабочего класса против попыток развернуть войну между Англией и Советской Россией заставил правительст-

²⁰⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 32-г, оп. I, д. 17, л. 85.

²⁰⁹ Там же, л. 86.

²¹⁰ «Известия», 31 июля 1920 года.

²¹¹ «Brīvā Zeme», 1920. g. 3. aug.

²¹² Документы внешней политики СССР, т. III, стр. 86.

²¹³ В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 53.

венные круги заколебаться. В своем выступлении в парламенте 10 августа 1920 г. Ллойд-Джордж уже говорил о том, что английское правительство якобы отрицательно относится к польскому наступлению²¹⁴. Характеризуя положение в Англии, В. И. Ленин сказал: «Однако, когда Англия в июле 1920 года погрозила России войной, английские рабочие эту войну сорвали. Английские меньшевики пошли за английскими большевиками»²¹⁵. Черчилль позднее с горечью констатировал: «Общественное мнение в Англии и во Франции находилось в полной прострации. Всякая военная интервенция была невозможна. Ничего не оставалось, кроме слов и бес- сильных жестов...»²¹⁶. Под натиском трудящихся правительство Ллойд-Джорджа было вынуждено отступить. 16 августа Ллойд-Джордж заявил, что правительство не думает начинать войну против Советской России²¹⁷.

В таких условиях 11 августа 1920 года был подписан мирный договор между Латвией и Советской Россией. Внутреннее положение в Англии в те дни не позволяло уделить этому факту сколько-нибудь заметное внимание. Такая обширная газета, как «Таймс», например, в номерах от 11 и 12 августа ограничилась только констатацией самого факта. Никаких комментариев не последовало²¹⁸. Министр иностранных дел буржуазной Латвии 13 августа получил сообщение лондонской делегации, что подписание мира между Латвией и Советской Россией «оставило в здешнем министерстве иностранных дел очень хорошее впечатление»²¹⁹.

Возможности претворения в жизнь идей проектируемой Лондонской конференции перестали быть реальными. С заключением советско-латвийского договора все государства Прибалтики официально установили мирные отношения с Советской Россией. Таким образом, Англия лишилась возможности повлиять на первое Советское государство посредством вмешательства в мирные переговоры между Советской Россией и ее прибалтийскими соседями.

²¹⁴ В. Г. Трухановский. Указ. раб., стр. 54.

²¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 303.

²¹⁶ У. Черчилль. Мировой кризис. М.—Л., 1932, стр. 180—181.

²¹⁷ В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии, стр. 55.

²¹⁸ См.: «Times», Aug. 11, 12, 1920.

²¹⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 32-г, оп. I, д. 17, л. 89.

Г Л А В А И I I I

ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ РОЛЬ АНГЛИИ В РЕШЕНИИ ПОГРАНИЧНЫХ СПОРОВ МЕЖДУ ЛАТВИЕЙ И СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Создание малых окраинных государств на территории бывшей царской России было основой для многих споров не только между великими державами, но и между самими малыми государствами. Благодаря длительной хозяйственной и государственной общности между малыми балтийскими народами, особенно на стыках занимаемых ими территорий, создались очень тесные экономические взаимоотношения, в которые были вовлечены широкие массы, относящиеся к соседним нациям. Проведение новых государственных границ часто разделяло эти очень тесно связанные между собой в хозяйственном отношении территории. Буржуазия Латвии, Эстонии, Литвы и Польши на основе экономической общности старалась оторвать от своих соседей целые районы. В листовке ЦК КП Латвии в январе 1920 г. указывалось, что по мере усиления буржуазии Латвии возрастает опасность «кровавых пограничных войн» между буржуазными марионеточными государствами Прибалтики¹.

В начале 1920 года особенно обострились пограничные споры между буржуазной Латвией и Эстонией. В беседе с журналистами помощник министра иностранных дел Латвии в январе 1920 года заявил, что главным вопросом во внешней политике Латвии в данный момент является инцидент с Эстонией².

24 декабря 1919 года латвийское буржуазное правительство получило от эстонского главнокомандующего требование эвакуировать из города Валки и полосы на северной стороне таможенной границы всех латышских комендатур и учреждений. 25 декабря латвийское правительство ответило эстонцам, что 2 января 1920 года из Риги в Валку выедет особая комиссия, которая рассмотрит на месте выдвинутый вопрос.

¹ Revolucionārās lapīnas, I d., 16. lpp., dok. Nr. 3.

² «Известия», 18 января 1920 года.

Представители Англии в Прибалтике были заинтересованы в том, чтобы антисоветские силы в этом районе не ослабли из-за междоусобной грызни. Поэтому на совещание главнокомандующих вооруженных сил Латвии и Эстонии, проходившее в Валке в первые дни января 1920 г., прибыли английский генерал Тернер (*Turner*) и другие представители местных английских миссий³. По требованию Тернера было достигнуто соглашение о том, что временно на эстонско-латвийской границе сохранится существующее положение. При этом английский генерал указал на крайнюю нежелательность обострения отношений между Эстонией и Латвией. По его мнению, эти близкие соседи в целях укрепления своих сил против «общего врага» (Советской России. — *А. В.*) должны добиться соглашения⁴. Смехотворным и необоснованным было утверждение начальника английской миссии в Прибалтике, что эстонско-латвийские осложнения являются делом большевистской и немецкой пропаганды⁵. Таким образом, английские политики старались, во-первых, скрыть от народных масс грабительскую сущность маленьких, но хищных буржуазных государств, во-вторых, использовать этот конфликт для раздувания антисоветской пропаганды.

Однако на этот раз английским представителям не удалось хотя бы формально ликвидировать трения между Эстонией и Латвией. После совещания начальник штаба эстонской армии генерал-майор Соотс в своих выступлениях в печати не упускал случая напомнить, что латвийским учреждениям разрешено лишь временное пребывание в Валке⁶. 13 января представители обоих государств снова собрались для решения спорного вопроса мирным путем, на этот раз в Таллине. Еще до этого совещания латвийская правительственная газета «*Valdības vēstnesis*» писала, что в обстановке, которая сложилась после встречи главнокомандующих, открываются самые лучшие перспективы для решения пограничного вопроса. Газета полностью согласилась с точкой зрения английских представителей, что нежелательно вызвать межсоседские конфликты в то время, когда идут военные операции на латвийско-советском фронте⁷. На Таллинском совещании было достигнуто компромиссное решение по вопросу Валки.

³ «*Valdības Vēstnesis*», 1920. g. 8. janv.

⁴ «*Brīvā Zeme*», 1920. g. 13. janv.

⁵ Там же.

⁶ «*Известия*», 25 января 1920 года.

⁷ «*Valdības Vēstnesis*», 1920. g. 8. janv.

Город решили разделить между Эстонией и Латвией. Разумеется, что главным стимулом такой скорой «миролюбивой» политики буржуазных правительств было требование англичан к своим подчиненным в общеимпериалистических интересах прекратить взаимные распри.

Чтобы обеспечить выполнение таллинских решений, правительства Латвии и Эстонии в первой половине февраля 1920 года обратились к английскому полковнику Таллентсу, который после шестинедельного пребывания в Англии возвратился в Ригу, с просьбой быть посредником в решении пограничного спора. В вопросе эстонско-латвийской границы полковник Таллентс полностью встал на позицию генерала Тернера. Он предложил представителям спорящих сторон встретиться на самом высоком уровне где-либо между столицами обоих государств. В то же время английский полковник обратился «к обоим народам» с указанием, что более важны их общие интересы, чем временные пограничные споры. Он предлагал воздержаться от враждебных слов и действий⁸. Это «обращение», главным образом, касалось буржуазных правительств Латвии и Эстонии, а также заинтересованной в споре части буржуазии и кулачества обоих государств, так как пограничный спор в народных массах был крайне непопулярен. По утверждению Таллентса, английский премьер Ллойд-Джордж «проявил большой интерес к делам балтийских государств и хорошо информирован о здешних происшествиях»; он особенно интересовался связями между молодыми государствами и хочет видеть их согласованное сотрудничество⁹. Нет сомнения, что действия полковника Таллентса по ликвидации эстонско-латвийского конфликта полностью соответствовали интересам английского правительства.

26 февраля в Валке начались заседания эстонско-латвийской пограничной комиссии¹⁰. Эта комиссия не добилась соглашения. На заседании кабинета министров Латвии 10 марта по инициативе министра иностранных дел было принято решение потребовать через представителей военных миссий союзников передачи Валки «как стратегической базы против большевиков» в распоряжение главнокомандующего латвийской армии. В решении указывалось, что до принятия данного требования должны быть приняты меры «для подготовки за-

⁸ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 17. febr.

⁹ «Brīvā Zeme», 1920. g. 24. febr.

¹⁰ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 25. febr.

щиты территории и жителей Северной Латвии»¹¹. 13 марта вопрос о латвийско-эстонской границе рассматривался в Учредительном собрании Эстонии. Собрание одобрило действия правительства, выразив надежду, что оно и в будущем сумеет защитить права своего государства. Эстонские правительственные круги полагали, что в сотрудничестве с союзниками можно будет избежать военного столкновения с Латвией, которое сильно повредило бы как латвийским, так и эстонским интересам. Агрессивные стремления Латвии они объясняли пропагандой Франции, которая всячески пытается нарушить мирные отношения обеих стран, чтобы добиться повода для интервенции в Прибалтику и вместе с тем скомпрометировать политику Ллойд-Джорджа¹².

Во избежание военного конфликта между Латвией и Эстонией британские представители приняли на себя роль посредников. 21 марта Таллентс выехал из Риги в Валку, чтобы руководить там встречей главнокомандующих и министров иностранных дел Латвии и Эстонии¹³. В этом пограничном городе 22 марта 1920 года между представителями латвийских и эстонских правительств при участии английских представителей Таллентса и Берри (*Berry*) была заключена конвенция, в которой оба правительства согласились доверить окончательное определение границ между их территориями и упорядочение всех вопросов, связанных с этим определением, объединенной комиссии, состоящей из четырех членов, назначенных по два от каждого правительства, и председателя, место которого должно было быть предоставлено уполномоченному Англии или, если у него нет возможности участвовать, гражданину Англии, с участием которого согласны обе стороны¹⁴. Проект этой конвенции был разработан полковником Таллентсом¹⁵. Было достигнуто соглашение на случай, если Таллентс не сможет участвовать в работе объединенной комиссии; тогда председателем этого органа могут быть приглашены профессор Симпсон из Лондона или Грант-Уотсон¹⁶.

Через месяц, т. е. 25 апреля, полковник Таллентс снова отправился в Валку, чтобы возглавить работу комиссии по решению пограничных споров, созданной на основе заключен-

¹¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. I, д. 26, л. 153.

¹² «Известия», 16 марта 1920 года.

¹³ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 21. martā.

¹⁴ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. I, д. 42, л. 98.

¹⁵ Там же, д. 34, л. 119.

¹⁶ Там же, л. 120.

ной в марте конвенции¹⁷. На проходивших с 26 по 28 апреля заседаниях комиссии для разработки проекта границы были созданы три подкомиссии. Председателями и фактическими руководителями этих подкомиссий были английские офицеры: подполковник Робинсон, майор Кейлдон и капитан Бентли¹⁸.

31 мая подполковник Робинсон представил Таллентсу разработанные на основе докладов подкомиссий три варианта латвийско-эстонской границы¹⁹. В этих проектах английский офицер особое внимание обратил на то, чтобы проведенная граница в будущем вызвала бы наименьшие противоречия. Ради этого Робинсон предлагал при определении границ отказать от этнографического принципа²⁰.

В начале июня проекты Робинсона были доведены до сведения правительств Эстонии и Латвии. Как эстонские, так и латышские буржуазные газеты оживленно обсуждали проекты. Обсуждение со всей яркостью обнаружило планы обоих правительств с помощью удачного для себя решения пограничного спора — разжиться за счет соседа.

20 июня 1920 года главная комиссия по пограничным спорам между Эстонией и Латвией собралась на заседание. Об определяющей роли англичан в этой комиссии свидетельствует то, что в заседании участвовали не только председатель комиссии Таллентс, как это было предусмотрено в конвенции от 22 марта, но и другие английские представители: Кейлдон, Берри и Коллас²¹. Чтобы добиться более основательного и твердого соглашения между эстонскими и латвийскими властями по вопросу границ, Таллентс применил гибкую тактику: он предложил представителям обоих государств добиться соглашения²². Для этой цели он на неделю отложил объявление окончательного решения, и представители спорящих стран разъехались по своим столицам²³. Когда 1 июля комиссия снова прибыла в Валку, полковник Таллентс еще раз попытался решить вопрос на основе добровольного компромисса, так как, по его мнению, граница, определенная таким образом, оставляет лучшее впечатление²⁴. Все же представители

¹⁷ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 26. apr.

¹⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. I, д. 46, л. 50.

¹⁹ Там же, д. 34, л. 87—91.

²⁰ Там же, л. 88.

²¹ Там же, д. 46, л. 5.

²² «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 21. jūn.

²³ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. I, д. 46, л. 26.

²⁴ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 2. jūl.

Латвии и Эстонии не могли найти или просто не хотели искать такого компромисса.

Принцип «добровольного соглашения» представитель Англии ввел уже в мартовскую конвенцию. Все же это был только тактический маневр, так как далее в конвенции предусматривалось, что в случае «если соглашение не будет достигнуто, решение председателя явится решающим и будет лояльно принято обоими представительствами»²⁵. В действительности, вопросом границ малых балтийских стран английские политики занимались только в интересах своего государства и допускали только приемлемые для него решения. Даже посол буржуазной Латвии в Лондоне Бисениек в письме министру иностранных дел высказался, что по вопросу границ «Таллентс будет руководствоваться не эстонскими или латышскими, а английскими взглядами»²⁶.

1 июля 1920 года полковник Таллентс огласил свое решение о Валке — главном объекте спора. Решение совпало с вариантом «Б» ранее разработанного Робинсоном проекта эстонско-латвийской границы. Таллентс официально сообщил, что провести границу по центру города на основе этнографических данных нежелательно, так как это исказило бы город, подвергло бы опасности его хозяйственную жизнь. Основная часть города была оставлена Эстонии. На ее территории оказалась и главная железнодорожная станция Валки. Обосновывая ранее упомянутый вариант «Б», подполковник Робинсон в свое время более открыто высказался о преимуществах этого варианта с точки зрения представителей Англии. Робинсон писал, что в случае предоставления всей главной части Валки Эстонии последняя стала бы столь сильной в этом районе, что могла бы избежать соревнования с Латвией, и это обстоятельство уменьшило бы возможность возникновения в будущем новых споров по вопросу о Валке²⁷. Отсюда видно, что сохранение единства новых балтийских государств в интересах создания единого антисоветского фронта в районе Балтийского моря было руководящей идеей английских арбитров. Во имя этого Таллентс шел дальше. Решением о городе Валке от 1 июля 1920 года он обязался упорядочить работу железных дорог в районе города, урегулировать обеспечение электричеством пригородов Валки, отошедших к Лат-

²⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. I, д. 42, л. 98.

²⁶ Там же, ф. 32-г, оп. I, д. 17, л. 81.

²⁷ Там же, ф. 38-в, оп. I, д. 34, л. 90.

вии, а также решить другие вопросы²⁸. Это выходило за рамки конвенции об английском посредничестве в пограничном вопросе и было самовольным вмешательством во внутренние дела Эстонии и Латвии.

В отношении решения Таллентса в тот же день, 1 июля, правительство Латвии декларировало, что решение не удовлетворяет Латвию и не учитывает интересов местных жителей, противоречит ранее установленным принципам о справедливом проведении границы и ставит под угрозу добрососедские отношения между эстонским и латышским народами²⁹. В тот же день министр иностранных дел Латвии на заседании кабинета подал заявление об отставке³⁰. С ним солидаризировался весь кабинет министров, и правительство буржуазной Латвии подало в отставку³¹. Это был бессильный дипломатический шаг. С его помощью правительство Ульманиса пыталось в глазах народа представить себя в этом споре жертвой несправедливости. Демонстративный поступок не дал желаемых результатов. Среди трудящихся он был столь же непопулярен, сколь непопулярен был сам эстонско-латвийский пограничный спор. Буржуазия и парламентарные круги Латвии боялись, как бы необдуманный шаг не повредил английским «симпатиям» к Латвии. Английские представители, в свою очередь, не обратили особого внимания на эту детскую выходку своей бессильной марионетки. Только в некоторых близко стоящих к правительству газетах Латвии появились статьи, оплакивающие «неудачу» внешней политики буржуазной Латвии. Но даже орган правительственной партии («Брива земе») не осмелился обвинить в этой «неудаче» суперарбитра Таллентса, а искал причину в «агрессивности эстонцев»³². В отношении Таллентса в газете только указывалось, что представитель Англии по «непонятным причинам» стал «более доступным для эстонской аргументации»³³.

3 июля Таллентс объявил свой вариант определения всей эстонско-латвийской границы³⁴. Чтобы уменьшить огорчение политических кругов Латвии, вызванное потерей Валки, при определении спорных участков границы в некоторых погра-

²⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. I, д. 42, л. 18.

²⁹ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 3. jūl.

³⁰ Там же, 2 июля 1920 года.

³¹ Там же, 3 июля 1920 года.

³² «Brīvā Zeme», 1920. g. 3. jūl.

³³ Там же.

³⁴ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 3. jūl.

ничных волостях Таллентс старался соблюсти желания латвийского правительства. При этом он указывал, что это связано с тем, что часть латвийской Валки вошла в состав Эстонии. Эстонскому правительству английский полковник дал понять, что не стоит требовать какой-либо компенсации «за отдельные хутора», так как Латвия не выдвигает никаких требований по поводу потерь в Валке³⁵.

Во избежание возможных конфликтов между эстонскими и латвийскими войсками при установлении новоопределенных границ на местности Таллентс не только дал распоряжение отвести войска обоих государств на линию границы, но и определил нейтральную полосу. Эвакуация армейских подразделений на свою территорию должна была проводиться в течение двух недель под контролем английских офицеров. В Валке, например, для этой цели остались подполковник Робинсон и два английских офицера³⁶. Чтобы контролировать эвакуацию эстонских войск из Айнажи и Ипики, туда выехал капитан Бентли³⁷.

6 июля представитель Латвии в главной комиссии по разрешению спора из-за эстонско-латвийских границ Самуэл заверил, что правительство Латвии лояльно относится к решению арбитров и ценит труд председателя и его английских помощников³⁸. В тот же день газета «Яунакас зиняс» упрекнула орган Крестьянского союза «Брива земе» за выпады этой газеты против полковника Таллентса лично. «Этот некрасивый поступок, к тому же соединенный с осуждением английской ориентации и нападками на политику Англии, в наименьшей мере свидетельствует о такте в вопросах международной политики», — писала далее газета «Яунакас зиняс»³⁹. По мнению этой «объективной» газеты, отражающей настроение большинства буржуазии Латвии, решение вопроса о Валке ни в какой степени не может быть мерилом доброжелательности Англии к Латвии и не может служить причиной для смены ориентации. Буржуазная Латвия не поддержала «фронды» правительства Ульманиса против решения полковника Таллентса. Представитель социал-демократов в Учредительном собрании Ф. Циелен на заседании 7 июля 1920 года указывал, что такая «открытая демонстрация против Англии»

³⁵ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 6. jūl.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ «Jaunākās Ziņas», 1920. g. 6. jūl.

со стороны Латвии, которая еще не признана де-юре, «является более чем неуместной и потому ее могло бы и не быть»⁴⁰. По мнению Циелена, такая демонстрация «может быть за границей, и особенно в Англии, истолкована по-разному» и потому она «в наивысшей степени вредна»⁴¹.

Учредительное собрание Латвии не приняло отставки правительства, вызванной решением о Валке, и отпустило 50 миллионов латвийских рублей для строительства «новой Валки»⁴². В декабре 1920 г. оно ратифицировало соглашение между Эстонией и Латвией по вопросу о границах⁴³.

Так кончилась «фронда» правительства буржуазной Латвии против решений английских представителей в пограничном вопросе. Буржуазия Латвии показала, что она полностью предана своему «доброжелателю» — Англии и готова выполнить любое ее указание.

Англия сыграла также роль посредника в решении пограничного спора между Латвией и Литвой. Переговоры об урегулировании границ между этими вновь созданными государствами начались 17 января 1920 года в Елгаве. Представители обоих правительств договорились, что при проведении границы этнографический фактор будет определяющим. В то же время правительственная газета буржуазной Латвии «Валдибас вестнесис» писала, что нельзя не учитывать при урегулировании границ хозяйственные и торговые интересы, а также пути сообщения⁴⁴. Так же как при решении вопроса об эстонско-латвийской границе, при решении пограничных споров между Латвией и Литвой наблюдалось обоюдное желание увеличить свою территорию за счет соседа. Первая попытка урегулировать латвийско-литовскую границу кончилась неудачей — не было достигнуто соглашение по спорным вопросам⁴⁵. В начале февраля министр иностранных дел З. Мейеровиц договорился с английским генералом Тернером о создании третейского суда⁴⁶.

Вторично пограничная комиссия Латвии—Литвы собралась в Каунасе 26 февраля 1920 года⁴⁷. В тот же день латвийский представитель Фельдман официально внес предложение

⁴⁰ Latvija. Satversmes Sapulce. Stenogramas. R., 1920., 272.—273. lpp.

⁴¹ Там же, стр. 276.

⁴² Там же, стр. 295.

⁴³ Там же, стр. 1451.

⁴⁴ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 17. janv.

⁴⁵ «Известия», 31 января 1920 года.

⁴⁶ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. I, д. 6, л. 98.

⁴⁷ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 25. febr.

о третейском суде под руководством Англии⁴⁸. 11 марта работа комиссии была прервана, так как не удалось достичь договоренности о границах в районе Паланги и в районе Илукстского уезда (юго-восточная часть Латвии)⁴⁹.

В течение лета 1920 года представители обоих государств несколько раз совещались по вопросу границ, но это не привело к окончательному разрешению спора.

Чтобы избежать нежелательных для Англии столкновений между малыми балтийскими государствами, английский майор Кинен 11 июля установил секретную демаркационную линию между войсками Латвии и Литвы⁵⁰. Но и это не обеспечило необходимой ясности в латвийско-литовском пограничном вопросе. 10 августа 1920 года министерство иностранных дел Латвии все еще не могло дать твердого ответа, кому принадлежат некоторые волости Илукстского уезда⁵¹.

28 сентября под руководством английского полковника Таллентса между обоими государствами был заключен договор об английском посредничестве в определении спорных участков границы. Этот договор своим содержанием, целями и значением полностью идентичен уже рассмотренной конвенции от 22 марта 1920 года между Эстонией и Латвией⁵².

В октябре положение обострилось. Войска буржуазной Латвии начали силой вытеснять литовские армейские подразделения из некоторых районов бывшей Курляндской губернии, которые правительство Латвии считало своей территорией. Литовское правительство послало Латвии ноту протеста, указывая, что действия латышей противоречат договору об арбитражном решении вопроса о спорных границах⁵³. Инциденты угрожали перерасти в более серьезное столкновение между войсками Латвии и Литвы.

Расширение конфликта между Латвией и Литвой не соответствовало интересам Англии, которая старалась сделать Латвию, Эстонию и Литву звеном антисоветского фронта под руководством английского империализма. Правительство Англии сообщило, что оно назначает профессора Симпсона председателем арбитражной комиссии по латвийско-литовскому пограничному вопросу⁵⁴. 21 декабря 1920 года профессор Симп-

⁴⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. I, д. 6, л. 52.

⁴⁹ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 17. martā.

⁵⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 46, оп. I, д. 2, л. 54.

⁵¹ См.: там же, ф. 38-в, оп. I, д. 6, л. 26.

⁵² Там же, ф. 38-з, оп. I, д. 12, л. I.

⁵³ «Известия», 16 октября 1920 года.

⁵⁴ «Brīvā Zeme», 1920. g. 22. okt.

сон прибыл в Каунас, а 27 декабря — в Ригу. Через два дня, 29 декабря, здесь под его руководством начала работу объединенная комиссия по урегулированию границ латвийско-литовских границ⁵⁵.

Профессор Симпсон в своей работе руководствовался теми же принципами, что и полковник Таллентс при установлении границ Латвии с Эстонией, а именно: в интересах Англии было добиться такого территориального распределения балтийских государств, которое в будущем было бы по возможности устойчивым и вызывало бы наименьшие трения. В своем выступлении по поводу начала работы арбитражной комиссии английский представитель указал, что будущее таких близких соседей, как Латвия и Литва, зависит во многом от того, как они сумеют ужиться, даже согласившись на некоторые территориальные изменения⁵⁶. Симпсон остался верным методам работы Таллентса в разрешении пограничных споров. Устойчивости границ он старался добиться с помощью «добровольного соглашения» спорящих сторон. Обсуждая решение пограничного спора между Латвией и Литвой, английские газеты не без основания оценивали профессора Симпсона, как удачливого арбитра⁵⁷. Совпадение принципов и методов работы обоих английских арбитров только лишней раз доказывает, что они выполняли одни и те же указания — указания английского правительства.

20 марта 1921 года было сообщено решение председателя по вопросу латвийско-литовской границы⁵⁸. Правительство буржуазной Латвии восприняло решение довольно спокойно, хотя до официального его оглашения министр иностранных дел Мейеровиц на заседании Учредительного собрания охарактеризовал это решение как несправедливое и не совпадающее с интересами Латвии⁵⁹.

Установленная английским профессором Симпсоном линия латвийско-литовской границы стала основой для проведения этой границы на местности⁶⁰.

Решение пограничных споров между Эстонией, Латвией и Литвой было составной частью политики английского импе-

⁵⁵ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 5. janv.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 38, л. 31.

⁵⁸ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 21. martā.

⁵⁹ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1921., 477. lpp.

⁶⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-з, оп. 1, д. 19, л. 1—2.

риализма, направленной на создание в районе Прибалтики послушного ему антисоветского блока малых государств. Так как в начале 20-х годов Англия еще не была заинтересована в том, чтобы вовлечь Польшу в блок балтийских государств, она не проявила никаких усилий, чтобы ликвидировать пограничные споры между Латвией и Польшей. Это говорит о том, что роль «миротворца» английский империализм брал на себя только там, где это совпадало с его интересами.

Г Л А В А IV

ОТНОШЕНИЕ АНГЛИИ К ПРИЗНАНИЮ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ ДЕ-ЮРЕ И ПРИНЯТИЮ В ЛИГУ НАЦИИ

В 1919 году союзники не имели определенной точки зрения в вопросе самостоятельности прибалтийских государственных образований, созданных после Октябрьской революции местной буржуазией под покровительством государств Антанты. В течение года их мнения по этому вопросу менялись в зависимости от успехов или поражений интервентов и русской белогвардейщины. Если в отношении Польши и Финляндии союзники сходились на необходимости предоставить этим странам самостоятельность, то в отношении остальных лимитрофов, в том числе буржуазной Латвии, Антанта проявляла сдержанность. С одной стороны, она желала использовать вновь образовавшиеся балтийские буржуазные республики как орудия в общей интервенции против Советской России; с другой стороны, союзники должны были считаться с русской белогвардейщиной, которая и слышать не хотела об отделении балтийских лимитрофов от России. Кроме того, нужно принять во внимание существенное отличие в отношениях к Прибалтике со стороны Франции и США и со стороны Англии. Первые исходили из необходимости воссоздания «единой и неделимой» России. Отсюда их недоверие к сепаратистски настроенным лимитрофам. Англия в свою очередь желала расчленения бывшего Российского государства и разрушения прежней его мощи в Балтийском море. Отсюда те горячие симпатии, та заинтересованность, которую Англия проявляла по отношению к Латвии, Эстонии и Литве. Об этом красноречиво говорит то обстоятельство, что еще до официального провозглашения буржуазной Латвии представитель латышского Национального совета¹ З. Мейеровиц 11 ноября

¹ Латышский Национальный совет — существовавшая в 1918 году в Петрограде контрреволюционная организация, возглавлявшаяся представителем латышской буржуазии в IV Государственной думе Гольдманом.

1918 года получил от министра иностранных дел Великобритании Бальфура признание буржуазного государства Латвии де-факто и разрешение считать себя дипломатическим представителем временного правительства этого еще не существующего государства в Англии². Франция, напротив, признала буржуазную Латвию де-факто только 28 апреля 1920 года³. Все же двойственность и половинчатость политики Англии, вызванные необходимостью согласования действий с союзниками, в отношении признания буржуазной Латвии как государства де-юре в 1919 году нашли отражение в целом ряде фактов и документов⁴.

Считая невыгодным открытое сопротивление сторонникам восстановления «единой и неделимой» России, английская дипломатия все же старалась добиться признания Латвии де-факто всеми союзниками. Представитель Англии в Балтийской комиссии Парижской мирной конференции 10 июня 1919 года обещал представителям Латвии, что «все Союзные государства будут выполнять и впредь данные обещания, поскольку они относятся к признанию независимости де-факто»⁵. В Версальском мирном договоре все государства Прибалтики уже фигурировали как существующие де-факто⁶, хотя к тому времени Латвия официально была признана де-факто только Англией, Японией и Гаити⁷. Такое положение было выдвинуто в целях задержать расширение германского владычества на восток. По договору Германия была обязана признать самостоятельность и независимость всех областей, которые до августа 1914 года входили в состав Российской империи.

16 августа 1919 года на Верховном совете союзников лорд Керзон разъяснил точку зрения Англии на признание независимости образовавшихся на территории бывшей царской России новых буржуазных государств и информировал о решении Совета четырех по этому вопросу. «Правительство его величества, — говорилось в декларации Керзона, — признает де-факто образовавшиеся в Ревеле и соответственно в Лиепае предварительные эстонское и латвийское правительства». Да-

² P. Z ā l i t e. K ā Latvija tapa. R., 1928., 82. lpp.

³ «Valdības vēstnesis», 1920. g. 8. jūnijā.

⁴ См.: Л а г а р д. Признание Советского правительства; М. W. G r a h a m. The Diplomatic Recognition of the Border States. California, 1939.

⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. 1, д. 20, л. 16.

⁶ См.: Версальский договор, статьи 116, 292, 433. Хрестоматия по новейшей истории, т. I. М., 1960, стр. 185; Е. А. К о р о в и н. Международные договоры и акты нового времени. М.—Л., [1924], стр. 67, 83, 95—96.

⁷ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 4. (8.) num., 1938., 577.—578. lpp.

лее, определяя отношение английского правительства к этому вопросу, он напомнил: «В пятом пункте условий признания Колчака представители союзников в Париже определили, что если между Эстонией, Латвией, Литвой, Кавказской и Закавказской областями, с одной стороны, и Россией (т. е. Колчаком. — А. В.), с другой, отношения не смогут быть урегулированы через соглашение, то они должны быть урегулированы после обсуждения через посредничество Лиги наций и что до тех пор, пока эти условия находятся в силе, русское правительство присоединяется к признанию автономии этих областей и утверждает те отношения, которые между правительствами де-факто и Антантой, как и союзными государствами, эвентуально существуют»⁸. 20 августа Верховный совет Антанты по поводу признания лимитрофов принял декларацию, которая в основном содержала предложения лорда Керзона⁹. Это был компромисс по данному вопросу между Англией и Францией. Последняя, принимая предложенные Англией условия для Колчака, надеялась поощрить наступление буржуазных марионеточных окраинных государств на Советскую Россию.

Представитель временного правительства буржуазной Латвии на Парижской мирной конференции Я. Сескис 27 августа 1919 года сообщил министру иностранных дел Латвии, что, по высказыванию английского представителя Керра, сами члены Балтийской комиссии на Парижской конференции теперь уверены в том, что «русский вопрос», а в том числе и вопрос Прибалтики, не будет решен на Парижской конференции, а решит его дальнейшее развитие событий в России и в Прибалтийских государствах. По мнению Сескиса, всем до сих пор принятым решениям по данному вопросу англичане не придают большого практического значения. Это подтверждалось и тем, что отозвав Говарда, Англия не послала в Балтийскую комиссию соответствующей замены¹⁰. 25 сентября британское правительство уведомило балтийские государства, что хотя оно и стоит за их юридическое признание, однако в данном вопросе не может выступать несогласованно со своими союзниками¹¹.

Так вопрос об официальном признании де-юре балтий-

⁸ Цит. по: А. Лейт. Агрессия империалистических держав в Латвии, стр. 98.

⁹ История дипломатии, т. III. М., 1945, стр. 69.

¹⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 6033, оп. 1, д. 20, л. 55.

¹¹ Э. Лагард. Признание Советского правительства, стр. 59.

ских буржуазных государств со стороны Запада не сдвигался с мертвой точки. В то же время заключение мира с Советской Россией обещало полное признание их независимости. Это, как сказано выше, заставило временное правительство буржуазной Латвии серьезно отнестись к советским мирным предложениям.

В конце января 1920 года, после снятия блокады и принятия Верховным экономическим советом Антанты решения о возобновлении торговых связей с Советской Россией, в английской печати появились высказывания о переменах в политике союзников в отношении официального признания де-юре Латвии и других балтийских государств. 21 января «Дейли ньюс» писала, что новая политика союзников по отношению к России установлена окончательно. Было высказано предположение, что французский кабинет Мильерана может поставить этот вопрос в совершенно новом освещении. Далее отмечалось, что, по-видимому, большое место в политике союзников займет признание независимости балтийских и кавказских государств и оказание им помощи против большевиков¹². Министр иностранных дел буржуазной Латвии также надеялся на изменение французской политики в отношении балтийских государств в связи с тем, что «Франция ищет новых союзников от Финляндии до Польши»¹³. «Русские монархисты для нас уже безвредны, ибо их роль не только здесь [в Англии], но и в других государствах сырана; на них повсюду смотрят только с досадой», — писал из Лондона в феврале 1920 г. военный атташе буржуазного временного правительства Латвии¹⁴. Английский генерал Гоф в разговоре с корреспондентом газеты «Манчестер гардиан» высказался, что балтийским государствам по сравнению с русскими белогвардейцами более присуща политическая независимость¹⁵. Под давлением английского представителя Мак-Киндера в начале февраля правительство Деникина было вынуждено признать де-факто буржуазную Латвию и других лимитрофов¹⁶. По сведениям, приводимым в письме посла буржуазного временного правительства Латвии в Лондоне Бисениека премьеру Ульманису, известный английский капиталист Тилден Смит, заинтересованный в экономическом подчинении Латвии, высказался, что

¹² «Daily News», January 21, 1920.

¹³ «Brīvā Zeme», 1920. g. 13. janv.

¹⁴ Советская Латвия в 1919 году, т. II, стр. 420, док. № 327.

¹⁵ «Valdības Vestnesis», 1920. g. 29. febr.

¹⁶ Там же, 10 марта 1920 года.

у него скоро будет разговор с Ллойд-Джорджем, где он будет настаивать на признании буржуазной Латвии де-юре¹⁷. Ободряющим для буржуазии Латвии также был факт, что в начале февраля 1920 года Италия приняла в своей столице официального представителя буржуазной Латвии и прислала в Ригу своего посла. При этом помощник министра иностранных дел Италии граф Сфорца высказался, что его государство будет счастливо признать Латвию де-юре¹⁸. Как сообщил 6 марта 1920 года из Лондона своему шефу Мейеровицу Бисениек, по указке руководителя «русского» отдела английского министерства иностранных дел Грегори представители Прибалтийских государств внесли на рассмотрение совещания премьеров союзников в Лондоне заявления с просьбой выслушать их по вопросу признания этих государств де-юре. Дипломат буржуазной Латвии утверждает, что Грегори всячески содействовал поднятию этого вопроса на встрече премьеров¹⁹. Все же сообщение министерства иностранных дел Англии от 2 марта 1920 года свидетельствует, что признание балтийских государств де-юре снова отложено²⁰. В разговоре с генеральным секретарем министерства иностранных дел Франции Палеологом 26 марта 1920 года открылось, как сообщил посол буржуазной Латвии в Париже О. Гросвальд, что со стороны Франции Латвия не может пока ждать признания де-юре по тем же старым причинам: без «порядочного» русского правительства Франция не может решить этот вопрос²¹.

Хотя идея признания Прибалтийских государств, в том числе буржуазной Латвии, в империалистических кругах начала приобретать все больше сторонников, все же осторожные английские политики еще не сделали определенных выводов. 26 апреля, отвечая на вопрос сэра Хора (*Hoare*), Бонар-Лоу признал, что английское правительство в отношении признания балтийских государств никаких новых решений не приняло²².

Крах политики восстановления «единой и неделимой» России в конце концов вынудил и Францию официально признать буржуазную Латвию де-факто. 28 апреля 1920 года министер-

¹⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 41.

¹⁸ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 11. febr.

¹⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 53.

²⁰ Там же, л. 54.

²¹ Там же, л. 57.

²² «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 3. maijā.

ство иностранных дел Франции известило об этом представителя Латвии в Париже²³.

Правительство буржуазной Латвии настаивало на неотложном признании Латвии де-юре, указывая на то, что сама Россия в лице советского правительства уже это сделала²⁴. 11 мая Бонар-Лоу заявил в палате общин, что британское правительство собирается в ближайшем будущем приступить к решению вопроса о юридическом признании балтийских государств. Он отметил, что по его инициативе Ллойд-Джордж и Мильеран на ближайшем совещании премьеров обсудят этот вопрос²⁵. Политики английского империализма торопили своих союзников принять единое решение об официальном признании независимости Прибалтийских государств. Результатом этого шага в конкретных условиях было бы укрепление политической и экономической власти Англии в районе Прибалтики. Англия спешила разрешить висевший в воздухе вопрос о Прибалтийских государствах до подписания торгового соглашения, переговоры о котором она вела с Советской Россией, для того чтобы советское правительство не успело получить таким образом признание де-факто и вмешаться в его решение. В то же время пресса буржуазной Латвии изо всех сил старалась доказать латышскому народу, что только признание со стороны западных государств может дать «настоящую основу для самостоятельной политики, как внешней, так и внутренней»²⁶.

Начало третьего похода Антанты против Советского государства усложнило принятие единого решения государств Антанты по вопросу юридического признания Латвии. Хотя в буржуазной печати Эстонии и Латвии появились сведения о том, что на конференции премьеров Антанты в Сан-Ремо принята новая постановка этого вопроса, а именно права признания де-юре окраинных государств передавались в компетенцию каждого союзного государства, тем не менее никаких конкретных шагов в сторону признания Латвии де-юре Англия не предприняла²⁷. Проект созыва под руководством английской дипломатии конференции балтийских стран, Польши, Финляндии и Советской России, как сказано выше, потерпел неудачу.

²³ Там же, 8 июля 1920 года.

²⁴ См.: *Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas. R., 1920.—1922., 137. lpp.*

²⁵ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 15. maijā.

²⁶ «Brīvā Zeme», 1920. g. 15. maijā.

²⁷ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 2. jūlijā.

10 августа 1920 года США в так называемой ноте Кольби недвусмысленно предложили другим государствам-союзникам отложить «все решения, имеющие важное жизненное значение для России, и в особенности такие решения, которые относятся к признанию суверенитета на территории бывшей русской империи»²⁸. Характеризуя отношение этой ноты США к позиции Англии, Г. Чичерин писал: «Замечательно, однако, что в своем стремлении сохранить территориальную неприкосновенность царской империи господин Кольби не только резко разошелся с политикой Англии, но даже определенно борется против нее. Очевидно, представляемые г. Кольби финансовые группы убедились в том, что в отделившихся от прежней российской территории новых государствах настолько упрочилось влияние других финансовых групп, а именно — английских, что для борьбы против них господин Кольби не видит других средств, кроме уничтожения самостоятельности этих государств»²⁹. Французское правительство без оговорок присоединилось к ноте Кольби³⁰. В сентябре 1920 года оно признало правительство Врангеля и явно пока не намеревалось предоставить буржуазной Латвии статус де-юре³¹.

В таких условиях Англия оставалась верна своему принципу «*wait and see*» и никаких конкретных мер по отношению к Латвии не предпринимала. Надо отметить, что английские политические круги в то время были заняты сложной внутренней обстановкой в своей стране и им было не до такой марионетки, как буржуазная Латвия. Представители Англии в Латвии только разводили руками и никаких обещаний не давали. Так, английский парламентарий — независимый либерал Ламберт, гостивший в тот период в Латвии, мог только пояснить, что он уже три месяца назад поднял в парламенте вопрос о признании Латвии де-юре и в кругах его партии теперь существует стремление признать независимость Латвии. Но вместе с тем Ламберт указал, что для такого шага надо получить согласие других союзников, особенно Франции. Его единственный совет буржуазии Латвии был «навести внутренний порядок» в своем государстве и ждать признания западными хозяевами³². Дипломатические представители Прибал-

²⁸ Бюллетень НКВД, 5 октября 1920 года, № 33.

²⁹ Вопросы внешней политики. Доклады и ноты Г. Чичерина, стр. 40—41.

³⁰ Э. Лагард. Признание Советского правительства, стр. 84.

³¹ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 4.(8.) num., 583. lpp.

³² «Brīvā Zeme», 1920. g. 4. sept.

тийских государств в Лондоне в сентябре 1920 г. высказали некоторые надежды на ускорение признания де-юре в связи с назначением на пост английского посла в Париже лорда Гардинга, который считался доброжелателем окраинных государств³³.

В правительственных кругах буржуазной Латвии неопределенная политика Англии вызывала разочарование. Оплакивая незавидное положение своего государства, министерство иностранных дел буржуазной Латвии указывало, что после заключения мирного договора с Советской Россией правительство «не видит серьезных преград для получения юридического суверенитета со стороны великих государств Запада»³⁴.

Чтобы ускорить получение признания де-юре с Запада, буржуазное правительство уже в мае 1920 г. направило в секретариат Лиги наций заявление о принятии Латвии в эту организацию³⁵. 18 сентября того же года министр иностранных дел Мейеровиц просил Учредительное собрание уполномочить правительство предпринять новые усилия и добиться принятия Латвии в Лигу. Он указывал, что прием Латвии в эту организацию находится в непосредственной связи с признанием ее де-юре, и попытка вступить в Лигу наций — это только один из многих шагов на пути к завоеванию признания де-юре³⁶. Затребованные полномочия Учредительное собрание, разумеется, предоставило³⁷, 27 сентября Э. Мейеровиц был делегирован в Женеву, куда на ассамблею Лиги наций должны были съехаться представители всех государств — членов Лиги. Кроме того, министр иностранных дел Латвии намеревался посетить латвийские представительства на Западе и попробовать добиться официального признания Латвии де-юре³⁸. Правительственные круги буржуазной Латвии считали хорошим знаком приглашение ее на Брюссельскую международную финансовую конференцию. Лидер Крестьянского союза Кливе писал: «Участие в Брюссельской конференции, вероятно, можно считать увертюрой к принятию Латвии в Лигу наций»³⁹.

³³ ЦГИА ЛатвССР, ф. 32-г, оп. 1, д. 17, л. 96.

³⁴ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 19. aug.

³⁵ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 4.(8.) num., 580. lpp. [Впервые балтийские государства по вопросу допуска в Лигу наций обратились с общей нотой к Парижской мирной конференции в сентябре 1919 г. Их просьба тогда была оставлена без внимания.]

³⁶ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1120., 1122., 1124. lpp.

³⁷ Там же.

³⁸ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 28. sept.

³⁹ «Brīvā Zeme», 1920. g. 20. okt.

Однако надежды не оправдались. Уже до открытия ассамблеи Лиги наций латвийские посольства в Лондоне, Париже и Риме старались выяснить настроение соответствующих государств по отношению к принятию Латвии в международную империалистическую организацию, но, кроме неопределенных обещаний, они ничего не получили⁴⁰.

Ассамблея Лиги наций открылась 15 ноября 1920 года. Прием новых членов был возложен на пятую комиссию⁴¹. Позицию Англии в этой комиссии выражал лорд Сесиль (фактически представлявший доминион Англии — южную Африку)⁴². Общую атмосферу работы ассамблеи корреспондент английской газеты «Морнинг пост» характеризовал следующим образом: «Человеку со стороны невозможно составить себе точное представление о том, что именно делается в Женеве, так как заседания Совета и комиссий объявлены закрытыми, а на пленарных заседаниях только принимаются резолюции и расточаются комплименты влиятельным членам»⁴³. В начале работы пятой комиссии была предпринята попытка разрешить следующий вопрос: считать ли принятие в Лигу наций новых государств также признанием их де-юре. Но какие-либо общие выводы сделаны не были⁴⁴.

Уже в первые дни работы общего собрания Лиги в латвийской буржуазной печати появились сведения, что Латвия в Лигу наций принята не будет⁴⁵. 28 ноября Мейеровиц писал из Женевы послу Латвии в Париже О. Гросвальду: «Положение в общем очень деликатное: принять нас (в Лигу наций. — А. В.) против франко-американской воли трудно. Отказать или, дипломатически выражаясь, еще «отложить» тоже неудобно. Трудно также найти серьезные причины, чтобы отложить»⁴⁶. Ознакомившись ближе с обстановкой в Женеве, Мейеровиц 2 декабря писал послу Латвии в Италии: «Женевская ассамблея отражает, главным образом, взгляды Франции, Англии и Италии. Против этих взглядов остальные государства оппозиции не выдвигают, ограничиваясь, в лучшем

⁴⁰ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938. g., 4.(8.) num., 582. lpp.

⁴¹ Société des Nations. Actes de la Première Assemblée. Séances Plénières. Genève, 1920, p. 47.—52.

⁴² «Brīvā Zeme», 1920. g. 21. nov.

⁴³ «Morning Post», Dec. 3, 1920.

⁴⁴ Société des Nations, actes de la Première Assemblée. Séances des Commissions, II. Genève, 1920, p. 160.—162. (Далее: Comm. II, ...)

⁴⁵ «Brīvā Zeme», 1920. g. 30. nov., 5. dec.; «Latvijas Kareivis», 1920. g. 30. nov.

⁴⁶ Z. Meierovics ..., 460. lpp.

случае, молчанием»⁴⁷. По мнению Мейеровица, в вопросе приема Латвии в Лигу наций взгляды Франции являются определяющими. «Англия, а также и Италия, — писал министр иностранных дел буржуазной Латвии, — по некоторым причинам отказываются взять инициативу в свои руки»⁴⁸. Главными из этих причин Мейеровиц считал следующие. Прежде всего, Латвия не сумела до такой степени заинтересовать Англию, чтобы последняя ради Латвии решилась еще на один шаг в сторону конфликта с Францией. Во-вторых, буржуазную Латвию еще ни одно государство, кроме Советской России, не признало де-юре, а для Франции вопрос признания де-юре балтийских государств связан с ее планами получения от этих стран пропорциональной доли долгов царской России. В-третьих, законодательство буржуазной Латвии, в особенности закон об аграрной реформе, внушает капиталистическому миру сомнение в том, что он имеет дело с государством, признающим право личной собственности⁴⁹. Исходя из этих соображений, Мейеровиц предполагал, что ответ на просьбу Латвии о приеме в Лигу наций будет отложен. «Но все-таки, — писал он, — чтобы не толкнуть нас в объятия наших больших соседей (Германии и России. — А. В.), по нашему вопросу примут какую-нибудь торжественную декларацию»⁵⁰. Из рассуждений Мейеровица видно, что он довольно трезво оценивал создавшуюся обстановку и видел некоторые противоречия между политикой великих держав Запада и интересами местной буржуазии Латвии. В то же время министр иностранных дел буржуазной Латвии, оставаясь в рамках возможностей буржуазного дипломата зависимой страны, не мог, да и не хотел выдвинуть какие-либо критические замечания по поводу политики великих держав Антанты, особенно Англии, и занимался главным образом самобичеванием и перечислением недостатков действий своего правительства.

Подкомиссия не вынесла никакого конкретного решения о принятии Латвии в Лигу. Выступивший по этому вопросу на заседании пятой комиссии докладчик указал, что он старался воздержаться от конкретного предложения, чтобы принимаемому государству в известных условиях не пришлось пережить разочарование⁵¹. Очевидно, подкомиссия была

⁴⁷ Z. Meierovics . . . , 463. lpp.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. 463—464.

⁵⁰ Там же, стр. 464.

⁵¹ См.: Comm. II, p. 185.—189.

склонна вопрос о приеме решить положительно, но не надеялась, что это решение будет поддержано пятой комиссией. Возможность такого решения подсказывает состав подкомиссии. В нее входили представители Бельгии, Великобритании, Японии, Голландии, Бразилии и Дании⁵². Как видно, только представитель Бельгии, внешняя политика которой была в то время согласована с Францией, мог открыто выступить против удовлетворения просьбы Латвии. Выступивший сразу после докладчика подкомиссии представитель Чехословакии Бенеш высказался, что в случае принятия балтийских государств в Лигу наций последняя была бы поставлена перед трудно разрешимой проблемой⁵³. Он фактически высказался против приема; такое решение выдвинуто им также под влиянием Франции, которая в то время еще была против признания Латвии де-юре и принятия ее в Лигу наций⁵⁴. Лорд Сесиль старался найти компромиссное решение. Он считал, что главным возражением против немедленного принятия балтийских государств в Лигу является то, что они граничат с государством (т. е. с Советской Россией. — А. В.), которое находится во власти анархии и на которое Лига наций не может оказать ни морального, ни хозяйственного, ни военного давления⁵⁵. Английский дипломат предложил принять Латвию в Лигу наций с условием, что на нее не будет распространены десятиый параграф пакта Лиги наций (*The Covenant of the League of Nations*), что обязывает членов этой организации взаимно гарантировать территориальную неприкосновенность и политическую независимость государств — членов Лиги наций и в случае агрессии принимать меры для выполнения этой обязанности⁵⁶. Такое решение вопроса было бы достаточно выгодным для Англии. Во-первых, было бы официально подтверждено всеми членами Лиги наций отделение Прибалтийских государств от России, что только упрочило бы уже завоеванные Англией позиции в политике и экономике этих государств. Во-вторых, освобождая другие государства от обязанности охранения «территориальной неприкосновенности и политической независимости» Латвии, Англия как самый влиятельный «покровитель» осталась бы и впредь без официальных конкурентов на руководящем положении в Латвии. После

⁵² «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 4.(8.) num., 584. lpp.

⁵³ Там же, стр. 587.

⁵⁴ J. Seskīis. Latvijas valsts izcelšanās un viņas izredzes, 59. lpp.

⁵⁵ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 587. lpp.

⁵⁶ См.: League of Nations. Official Journal, No 1, Febr. 1920, p. 5.

Сесиль Бенеш снова высказался против принятия Латвии в Лигу наций с предложенными делегатом Южной Африки ограничениями. Официальный представитель Англии Фишер (консерватор, сторонник линии Керзона) предлагал рассмотрение этого вопроса еще раз передать в подкомиссию. По его мнению, надо было найти такое решение, которое, с одной стороны, признало бы затруднительность немедленного принятия балтийских государств в Лигу, с другой — не оттолкнуло бы эти государства и дало им возможность участвовать в ее работе⁵⁷.

9 декабря 1920 года была оглашена резолюция подкомиссии по вопросу принятия Эстонии, Латвии, Грузии и Армении в Лигу наций. В резолюции говорилось, что заявления указанных стран рассматривались в духе доброжелательности, но обстоятельства еще не позволяют ассамблее принять окончательное решение; в ожидании последующих решений эти государства могут, если желают, принимать участие в работе технических организаций Лиги наций, имеющих общее значение⁵⁸. В последовавших за оглашением резолюции прениях лорд Сесиль еще раз попытался защитить свою ранее высказанную точку зрения. На этот раз против своего английского коллеги выступил представитель Франции Вивьени. Он считал невозможным принять в Лигу наций такое государство, которому в случае необходимости нельзя предоставить помощи. Но это был только маскировочный аргумент. Более открыто причину отказа принять Латвию и другие Прибалтийские государства в Лигу определил уже 4 декабря делегат Канады Роуэлл. Он подчеркнул, что положение в России может измениться, например, появится новое правительство, которое потребует выхода к морю. В таком случае, по мнению Роуэлла, принимая уже теперь балтийские государства, Лига наций взяла бы на себя тяжелую ответственность⁵⁹. Нет сомнения, что здесь речь шла о проблеме восстановления «единой и неделимой» России.

На заседании пятой комиссии 9 декабря в защиту временной отсрочки приема в Лигу наций балтийских государств, в том числе Латвии, выступили также представители скандинавских государств и Польшы по той причине, что эти государства пока ни одной из великих западных держав не признаны де-юре. Приняв во внимание эти настроения, а также

⁵⁷ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938. 4.(8.) num., 588. lpp.

⁵⁸ Comm. II, p. 195.—198.

⁵⁹ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 4.(8.) num., 587. lpp.

стараясь сохранить единство действий империалистических государств, официальный делегат Англии Фишер согласился с разработанной подкомиссией резолюцией. Было отклонено выдвинутое лордом Сесилем дополнение к резолюции подкомиссии, которое предусматривало допуск балтийских государств на заседания ассамблеи Лиги и разрешение участвовать в прениях⁶⁰. Франция и некоторые другие государства считали преждевременным предоставление таких официальных прав представителям окраинных государств.

Не случайно и то, что фактическим выразителем позиции английского правительства по вопросу принятия балтийских государств в Лигу наций был лорд Сесиль, а не официальный делегат Англии в пятой комиссии Фишер. Такая расстановка сил предоставила английской дипломатии в столь неопределенной обстановке широкие возможности маневрировать и незаметно добиться компромиссного решения.

С принятием резолюции об отсрочке приема Латвии и других окраинных государств в Лигу наций пятой комиссией ассамблеи рассмотрение вопроса фактически было закончено. На пленарном заседании 16 декабря эта резолюция была принята без изменений⁶¹. Главной причиной этого явилась неясная и несогласованная политика Антанты в «русском вопросе». 6 декабря 1920 года в лондонской прессе указывалось, что при обсуждении этого вопроса на закончившейся 4 декабря конференции премьеров Ллойд-Джордж и Лейг остались на своих прежних точках зрения и не переубедили друг друга⁶².

Латвийскому буржуазному правительству стало ясно, что без официального признания Латвии де-юре со стороны государств Антанты ее прием в Лигу наций неосуществим. Позднее министр иностранных дел Мейеровиц писал, что после жевенской ассамблеи было видно, что «центр тяжести решения вопроса о де-юре новых государств надо искать не в комиссиях юристов Лиги наций, а в крупных центрах мировой политики, в Риме, Париже и Лондоне»⁶³. Уже во время работы Лиги Мейеровиц предпринял новые попытки добиться официального признания буржуазной Латвии. В начале декабря он направил ноты с требованием признать Латвию де-юре

⁶⁰ Comm. II, p. 195—198.

⁶¹ См.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотам и декларациях, ч. III, вып. 2, стр. 73.

⁶² «Известия», 14 декабря 1920 года.

⁶³ «Brīvā Zeme», 1921. g. 10. febr.

31 государству, т. е. всем, представители которых находились в Женеве, за исключением держав Антанты⁶⁴. Не дожидаясь конца обсуждения вопроса о приеме Латвии в Лигу наций, Мейеровиц 18 декабря оставил Женеву и направился в Рим, чтобы с помощью Италии поставить вопрос о признании перед Верховным советом союзников. Италия, единственная из союзников, уже в то время открыто выступала за принятие буржуазной Латвии в Лигу наций⁶⁵.

Отказ Антанты принять буржуазную Латвию в Лигу наций вызвал довольно открытое проявление неудовлетворенности и разочарования в буржуазной печати Латвии. Так, типичная буржуазная газета «Яунакас зиняс» писала: «Все обещания и посулы со стороны Западной Европы и создателей Лиги наций оказались лишь игрушками, которыми успокаивают малых детей. Америка и Франция сделали защитниками «права и свободы», т. е. рухнула последняя надежда для молодых республик. Теперь мы знаем, что независимость должна быть приобретена не дипломатическим путем, что в тот момент, когда падет коммунистическая Россия, «демократическая» Европа при помощи пули и петли уничтожит свободу малых национальностей. Лига наций есть лишь нужное оружие в руках западных дипломатов. Наши представители должны немедленно уехать из Женевы, ибо нас собираются принести «в жертву» великой неделимой России»⁶⁶. Газета «Латвияс вестнесис», которую никак нельзя назвать прогрессивной, писала, что отказ принять буржуазную Латвию в Лигу наций «является бесцеремонным признанием того, что над всеми идеальными лозунгами мировой войны возвышаются интересы банкиров»⁶⁷. Правда, эти беспомощные вопли были направлены главным образом в адрес Франции. Орган Крестьянского союза «Брива земе» старался успокоить слишком откровенных «критиков». Он даже предлагал принять на вооружение латвийских буржуазных политиков излюбленный принцип английской дипломатии. «Брива земе» писала: «Нам кажется, что злоба и возбуждение против женевских вершителей в наименьшей мере могут указать нам выход из теперешнего положения... Мы можем по отношению к Лиге наций в ее нынешнем виде только придерживаться принципа... *«wait and see»*»⁶⁸. Позднее буржуазным историкам Латвии

⁶⁴ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 4.(8.) num., 591. lpp.

⁶⁵ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 23. dec.

⁶⁶ «Бюллетень НКВД», 16 января 1921 года, № 58, стр. 8.

⁶⁷ «Latvijas Vēstnesis», 1920. g. 20. dec.

⁶⁸ «Brīvā Zeme», 1920. g. 19. dec.

приходилось стыдиться этой откровенности своих газет. Характеризуя их поведение, Я. Виграб в 1938 году в журнале института истории Латвии писал: «... надо сказать, что правильное понимание событий встречается реже, чем слишком невыдержанное и несправедливое выражение недовольства и возмущения»⁶⁹. Таким образом, спустя 18 лет буржуазные историки осудили стихийное возмущение политической игрой западного империализма со своими марионетками, охватившее даже широкие круги латвийской буржуазии.

После того как 22 ноября представитель буржуазной Латвии в Риме вручил ноту с просьбой признать Латвию де-юре итальянскому правительству, последнее обратилось к правительствам Франции и Великобритании с требованием сообщить об их готовности признать буржуазную Латвию. Французское правительство ответило, что, по его мнению, признание еще нельзя считать целесообразным⁷⁰, а ответ Англии пока неизвестен.

После визита в Рим, где он нашел, по его словам, «необыкновенную и нежданную сердечность», министр иностранных дел Латвии 24 декабря прибыл в Париж⁷¹. В то время точка зрения правительственных и политических кругов Франции в вопросе признания Прибалтийских государств де-юре начала меняться. Признанный Францией представитель старой России генерал Врангель был окончательно разбит и выброшен с российской территории. Все попытки интервенции также стали нереальными. «Французская политика непризнания новых государств лишилась всякой почвы, и союзники логически вынуждены были либо признать новые государства, либо отказаться от всякой активной внешней политики», — писала «Правда»⁷². Характеризуя положение во Франции во время своего визита, министр иностранных дел буржуазной Латвии отметил возникновение мнений, что «... с помощью интервенции нельзя восстановить старую или создать новую Россию... Сомнения французского правительства зашли так далеко, что стало возможным добиться доброжелательности Франции по отношению к нашему делу (к признанию Латвии де-юре. — А. В.)»⁷³. 27 декабря 1920 года Мейеровиц дважды посетил президента Франции Мильерана и, используя создав-

⁶⁹ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 4. (8.) num., 593.—594. lpp.

⁷⁰ Там же, стр. 596—597.

⁷¹ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1921, 203. lpp.

⁷² «Правда», 1 февраля 1921 года.

⁷³ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1921, 203.—204. lpp.

шуюся обстановку, добился его согласия признать Латвию де-юре⁷⁴. 29 декабря французское правительство выслало правительствам Великобритании, Италии и Японии конфиденциальные ноты с вопросом: готовы ли они признать Латвию де-юре. При этом само французское правительство выказало готовность поддержать это признание⁷⁵. Эта перемена в политике французского империализма в отношении Прибалтики сразу отразилась в действиях польского правительства: на польский сейм было спешно внесено предложение о признании де-юре латвийской буржуазной республики⁷⁶.

Изменение в своей политике французское правительство старалось обосновать тем, что балтийским государствам, в том числе буржуазной Латвии, угрожает агрессия со стороны Советской России и для ограничения распространения большевизма необходимо признать де-юре эти государства. В связи с этим в печати Франции была поднята шумиха по поводу «концентрации советских войск» на границах Латвии и Эстонии. Французская газета «Тан» одновременно с признанием Латвии де-юре требовала оказания ей помощи в антибольшевистской борьбе⁷⁷. В конце 1920 и в начале 1921 года, признав буржуазную Латвию де-юре, французский империализм старался упрочить свое положение в Прибалтике, занять руководящую роль в организации единого империалистического антисоветского фронта в этом районе, а также через посредство Прибалтики мешать антифранцузскому объединению Германии и России, призрак которого постоянно мерещился Франции. Посол буржуазной Латвии Бисениек писал из Лондона: «... ясно видно, что идея Франции — создать непрерывную буферную линию между Германией и Россией от моря до моря»⁷⁸. Эти старания Франции не могли понравиться Англии, которая считала Прибалтику своей сферой влияния.

Трудности в получении Латвией признания де-юре в конце 1920 года ожидались со стороны Англии. По указанию министерства иностранных дел буржуазной Латвии 26 ноября посол Бисениек вручил английскому правительству ноту с просьбой высказать свои соображения по поводу признания представляемого им государства де-юре⁷⁹. Ответ министерства иностранных дел Англии был неопределенным. Там указыва-

⁷⁴ «Times», Dec. 29, 1920.

⁷⁵ Z. Meierovics, 138.—139. lpp.

⁷⁶ «Бюллетень НКВД», 24 января 1921 года, № 60, стр. 4—5.

⁷⁷ Документы внешней политики СССР, т. III, стр. 463.

⁷⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 19.

⁷⁹ Там же, д. 26, л. 219.

лось, что вопрос признания Латвии де-юре еще является объектом дискуссии между союзниками⁸⁰. В связи с этим министр иностранных дел буржуазной Латвии во время поездки по Западной Европе после женевской ассамблеи Лиги наций большую часть времени — с 1 по 23 января 1921 года — провел в Лондоне⁸¹. Задачей его было, в первую очередь, добиться признания Латвии де-юре, во-вторых, получить от Англии финансовую помощь и заинтересовать ее в торговле с Латвией⁸².

В английских политических кругах не было такого резкого поворота в отношении официального признания балтийских окраинных государств, как во Франции. После победы в конце 1919 г. линии Ллойд-Джорджа в английской внешней политике по «русскому вопросу» в правительстве Великобритании все же продолжалась некоторая внутренняя борьба. Более рельефно выделялись линия премьера Ллойд-Джорджа и линия министра иностранных дел Керзона, который вместе с Черчиллем представлял самые реакционные круги английской общественности. Интересы капиталистической экономики Англии, остро нуждавшейся в использовании рынка сбыта и сырьевых ресурсов России, настоятельно требовали упорядочения и расширения торговли с Советской Россией. Это понимал Ллойд-Джордж и старался заключить торговое соглашение с Советским государством. Керзон был за сохранение статус-кво и за политику выжидания. В одном из разговоров он прикрикнул на Мейеровица: «... сидите и ожидайте: англичанин свою политику делает медленно и по программе!»⁸³ Разница между обеими линиями была не принципиальная, а тактическая, но она диктовала их представителям различные действия. Чтобы добиться компромисса с Керзоном и получить его согласие на заключение необходимого, по мнению премьера, торгового договора с Советской Россией, Ллойд-Джордж согласился в вопросе признания Прибалтийских государств уступить позиции Керзона. Что это не было тайной для посла буржуазной Латвии в Лондоне, свидетельствует его сообщение министерству иностранных дел Латвии от 5 февраля 1921 года⁸⁴.

Прибывший в Лондон Мейеровиц мог только констатировать, что «имелись некоторые обстоятельства, которые инте-

⁸⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 26, л. 220.

⁸¹ По данным: «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 4. (8.) num., 597. lpp.

⁸² «Brīvā Zeme», 1921. g. 10. janv.

⁸³ Z. Meierovics, 170. lpp.

⁸⁴ См.: ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 26-а, л. 105.

рес к нам отодвинули на второе место». По этому поводу латвийский министр очередной раз подверг себя самобичеванию, утверждая, что буржуазная Латвия и на сей раз недостаточно заинтересовала Англию в решении этого вопроса⁸⁵. Лорд Керзон дал З. Мейеровицу аудиенцию и открыто сказал, что он против признания Латвии и Эстонии де-юре. Свое отрицательное отношение к признанию Латвии министр иностранных дел Англии обосновал следующими причинами: 1) США против признания; 2) Латвия еще не создала самостоятельного хозяйства; 3) она не заключила ни одного торгового договора с другими государствами; 4) нельзя признать Литву де-юре, потому что у нее не отрегулирован вопрос границ, а Литву нельзя выделить из остальной Прибалтики; 5) вопрос Прибалтики по отношению к России вообще еще не решен⁸⁶. Уезжая из Лондона, Мейеровиц, по его словам, не располагал какими-либо определенными шансами на признание буржуазной Латвии⁸⁷.

21 января 1921 года дипломатический представитель буржуазной Латвии в Париже подал Верховному совету союзников официальное заявление, в котором от имени своего правительства просил совет признать Латвию де-юре⁸⁸. Обсуждение этого вопроса в Верховном совете Антанты длилось с 24 по 26 января⁸⁹. 24 января французский премьер Бриан предложил признать балтийские государства, в том числе буржуазную Латвию, де-юре. Лорд Керзон, со своей стороны, внес предложение отложить обсуждение этого вопроса из-за его малозначительности. По его мнению, для Франции важнее обсудить германскую проблему, для Италии — австрийскую. Английский министр далее высказался, что повестка дня совета так обширна, что не стоит тратить время на второстепенные вещи. «Скоро нам в Лондоне придется решать восточный вопрос; у меня нет возражений, если тогда будет обсуждаться вопрос Прибалтики», — предложил Керзон⁹⁰. В тот день вопрос был снят с повестки дня. На второй день Бриан пробовал снова поставить на обсуждение вопрос о Прибал-

⁸⁵ «Brīvā Zeme», 1921. g. 10. febr.

⁸⁶ См.: Z. Meierovics, 170. lpp.

⁸⁷ «Brīvā Zeme», 1921. g. 10. febr.

⁸⁸ Текст заявления см. в «La Revue Baltique» Nr. 18, p. 20.—21.

⁸⁹ Н. Рубинштейн в книге «Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922)», М., 1948, допускает неточность, указывая, что признание Латвии и Эстонии совершилось в течение 21 января 1921 года. См. стр. 46.

⁹⁰ Z. Meierovics, 171. lpp.

тике, но безрезультатно. 26 января, после решения австрийского вопроса, Бриан следующим поставил вопрос о де-юре балтийских государств и предоставил слово французскому представителю Бертело. Последний в конце своего выступления сделал вывод, что «для мира и обеспечения нормальной жизни» необходимо официально признать законную самостоятельность балтийских государств⁹¹. Видно, что французская дипломатия в целях маскировки своих действительных намерений начала украшаться ллойд-джорджевскими лозунгами. Керзон продолжал возражать. Итальянский представитель граф Сфорца выступил против Керзона и заявил, что Италия с признанием балтийских государств больше не будет медлить и если Верховный совет это не устраивает, то она просит для себя свободы действий, т. е. чтобы Италия не была связана предшествовавшими решениями, запрещавшими признавать Прибалтийские государства порознь. За признание были также представители Бельгии и Японии. Ллойд-Джордж решил использовать создавшуюся обстановку в своих интересах против Керзона и неожиданно сообщил, что Англия тоже за признание Латвии и Эстонии. Керзону оставалось лишь промолчать⁹². Английский премьер, как и раньше, считал, что официальное признание балтийских государств может в некоторых вопросах облегчить заключение торгового договора с Советской Россией. Используя мнение большинства в Верховном совете, он отказался от компромиссного соглашения с Керзоном и провел в вопросе признания Латвии и Эстонии свою политику. Так был решен вопрос признания Латвии и Эстонии де-юре государствами Антанты. Признание Литвы было временно отложено.

Английская печать, в том числе «Таймс», поддержала признание двух балтийских буржуазных государств и писала, что «это единственное достижение в работе последнего заседания Верховного совета»⁹³. США в вопросе признания окраинных государств остались на своих прежних позициях. 27 января 1921 года исполняющий обязанности государственного секретаря США Норман Дэвис в письме на имя председателя Национального гражданского союза (*National Civil Organization*) писал о политике США по отношению к России: «Трудные вопросы о государствах, образовавшихся на окраинах бывшей России, не могут быть разрешены частичным образом, и Аме-

⁹¹ Z. Meierovics, стр. 172.

⁹² Там же.

⁹³ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 28. janv.

рика не может санкционировать каких-либо территориальных соглашений, если в них не принимали участие действительные представители российского правительства»⁹⁴. Французское правительство в своих корыстных целях не забыло напомнить правительству буржуазной Латвии, что признание Латвии де-юре «произошло по предложению французской делегации» и это «вновь свидетельствует о глубоких симпатиях Франции по отношению к Латвии»⁹⁵.

Признание Латвии де-юре вызвало бурю восторга в буржуазных слоях Латвии. Были организованы празднества в честь союзных представителей. На торжественном заседании Учредительного собрания, состоявшемся по этому поводу, президент буржуазной Латвии Чаксте назвал день признания историческим⁹⁶. Газеты, которые месяц назад были полны возмущения против «великих союзников» в связи с отказом принять Латвию в Лигу наций, теперь лезли из кожи вон, восхваляя их.

Министр иностранных дел буржуазной Латвии Мейеровиц в интересах своих хозяев всячески старался завуалировать существование в английских правительственных кругах противоречий по вопросу признания Латвии. На заседании Учредительного собрания по поводу признания буржуазной Латвии де-юре он заявил: «Политика Англии «медленна, но надежна» и такова она была и в нашем вопросе»⁹⁷. Этим ничего не выразившим заявлением буржуазный министр старался по возможности скрыть от народных масс бессилие буржуазной республики Латвии в руках Англии и то, что последняя использовала ее по своему усмотрению и в своих интересах.

Историк буржуазной Латвии Я. Виграб также «не видел» в отказе Керзона признать Латвию де-юре компромисса между двумя течениями английской внешней политики в пользу мирового империализма. Он договорился до того, что Англия отказалась от признания Латвии якобы из-за боязни затронуть интересы Советской России⁹⁸. О том, что это написано только в целях сокрытия исторической правды в пользу империалистических кругов, свидетельствует телеграмма НКВД РСФСР от 9 января 1921 года, в которой при-

⁹⁴ «Правда», 30 января 1921 года.

⁹⁵ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 3. febr.

⁹⁶ *Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas*, 1921., 33.—35. lpp.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ «Latvijas vēstures institūta žurnāls», 1938., 4.(8.) num., 583. lpp.

знание странами Запада буржуазной Латвии только приветствуется⁹⁹. Выдумке буржуазного историка Виграба противоречит и заявление Мейеровица, сделанное в Лондоне корреспонденту «Юнайтед телеграф», о том, что «большевики лояльно исполняют латвийско-русский мирный договор»¹⁰⁰.

Буржуазные историки Латвии, отворачиваясь от действительного положения, не могли объяснить поведение Ллойд-Джорджа на заседаниях Верховного совета по вопросу балтийских государств и либо об этом вообще не говорили¹⁰¹, либо старались преуменьшить значение этого факта. Итальянский дипломат Сфорца в действиях английской дипломатии в отношении признания балтийских стран на Парижской сессии Верховного совета Антанты в январе 1921 года также усматривал лишь предвзятость и упрямство английских государственных деятелей, а не очередную неудачу различных английских политических кругов в поисках компромиссной политики¹⁰². Характеризуя внешнюю политику английского империализма того времени, нарком по иностранным делам РСФСР на заседании фракции РКП VIII съезда Советов сказал: «Различные мотивы переплетаются в английской политике и делают ее столь противоречивой, что невозможно заранее учесть шаги, которые она предпримет»¹⁰³.

Значение признания западными империалистами Прибалтийских государств, в том числе буржуазной Латвии, выходило за рамки внутренних отношений капиталистического лагеря. Революционный деятель Эстонии В. Кингисепп писал: «Признание союзниками де-юре пограничных государств означает прежде всего то, что лидеры капиталистов западноевропейских государств вынуждены теперь открыто признать, что их усилия закабалить освободившихся трудящихся России силами всевозможных авантюристов и белых генералов полностью провалились»¹⁰⁴. Даже министр иностранных дел буржуазной Латвии Мейеровиц в Учредительном собрании должен был заявить, что «самым важным мотивом, побудившим союзников признать де-юре Прибалтийские государства,

⁹⁹ Документы внешней политики СССР, т. III, стр. 463.

¹⁰⁰ «Правда», 6 января 1921 года.

¹⁰¹ См.: E. Blanks. Latvijas valsts pirmie gadi. R., 1923, 42.—43. lpp.; Līgotņu Jēkabs. Zigfrīds Meierovics. R., 1938., 61. lpp.

¹⁰² См.: J. Seskis. Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara norisē.

¹⁰³ «Вестник НКВД», 15 марта 1921 года, № 1—2, стр. 9.

¹⁰⁴ В. Кингисепп. Борьба против иностранных империалистов и их пособников. Таллин, 1956, стр. 130.

было окончательное поражение Врангеля и уверенность в неминуемом крахе всякой вооруженной интервенции в России»¹⁰⁵.

Признание де-юре буржуазной Латвии и Эстонии было новой победой линии Ллойд-Джорджа во внешней политике английского империализма. С официальным признанием суверенитета этих балтийских буржуазных государств в существующих границах Англия фактически уже молчаливо признала те дипломатические акты, на основе которых были образованы эти границы — мирные договоры между Советской Россией и балтийскими государствами. Это была промежуточная станция на пути к англо-советским договорным отношениям: 16 марта 1921 года состоялось подписание торгового соглашения между РСФСР и Англией. Это означало признание де-факто Советского государства со стороны последней. Ллойд-Джордж официально подтвердил это, выступая в палате общин 23 марта 1921 года.

В то же время официальное признание независимости балтийских лимитрофов со стороны всех государств Антанты снова привело к некоторой унификации методов борьбы этих государств за создание единого империалистического антисоветского фронта в прибалтийском районе. Точка зрения Франции приблизилась к взглядам Англии в том смысле, что опорной базой этого антисоветского фронта в данном районе являются именно местные буржуазные государства, созданные с помощью западного империализма. Обращаясь к субъективным причинам признания балтийских государств Францией и Англией, французский политический журнал «Юроп нувель» в марте 1921 г. указывал, что «мотивы Англии во многом прямо противоположны мотивам Франции». «Тем не менее, — продолжал журнал, — оба государства без каких-либо трудностей в этом вопросе действовали единодушно»¹⁰⁶. Для английских ллойд-джорджевских политиков балтийские государства были необходимы как мост для экономической экспансии. Французские правительственные круги в этих территориях видели резерв и стартовую площадку для будущей военной интервенции в Советскую Россию.

За официальное признание суверенитета своего государства со стороны западных покровителей буржуазия Латвии была готова внести затребованную мзду. Это уже в мае 1920

¹⁰⁵ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1921., 203.—204. lpp.

¹⁰⁶ «L'Europe Nouvelle», Mart 12, 1921, Nr. 11, p. 338.

года подтвердила «принципиальная» буржуазная газета «Яунакас зиняс». Она писала, что «молодые государства всегда были готовы следовать каждому мановению Америки, Франции, Англии, лишь бы только добиться одобрения и признания этих могущественных демократических государств»¹⁰⁷. Министр иностранных дел З. Мейеровиц на заседании Учредительного собрания 18 февраля 1921 года признался: «Находясь в Женеве, Риме, Париже, Лондоне, я часто слышал об условиях, на которых можно было бы получить признание... Были разговоры о разных концессиях, о долгах прежней России и разных прочих комбинациях»¹⁰⁸.

Однако признание буржуазной Латвии де-юре произошло без особых, специально выдвинутых условий. Буржуазные дипломаты Латвии этим весьма гордились. Такое «бесплатное» признание произошло, во-первых, в силу соперничества между Англией и Францией в Латвии. Ни один из «покровителей» не хотел открыто предъявить какие-либо условия или требования компенсации, чтобы не настроить против себя общественное мнение в этой стране; во-вторых, признание без экономических условий указывает на то, что Англия в первые годы существования буржуазной Латвии не особенно искала там хозяйственных выгод, а в первую очередь была заинтересована в закреплении за собой командного положения в политической и дипломатической области. Такого рода признание, естественно, усилило преданность буржуазной Латвии Англии.

После признания Антантой Латвии де-юре принятие последней в Лигу наций проходило быстро и гладко. Уже в мае 1921 г. от буржуазной Латвии, фактически не являвшейся членом Лиги, были приняты для регистрации и публикации на основе 18-го параграфа устава Лиги наций четыре договора, заключенные между Латвией и Советской Россией, Эстонией, Германией, Литвой. В то же время секция информации Лиги наций предложила познакомить общественность Латвии через местную печать с деятельностью Лиги¹⁰⁹. Это показывает, что признание буржуазной Латвии государствами Антанты фактически уже решило вопрос о принятии ее в Лигу наций. Окончательное оформление этого вопроса не вызвало каких-либо недоразумений между членами Лиги.

¹⁰⁷ «Jaunākās Ziņas», 1920. g. 11. maijā.

¹⁰⁸ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1921., 206. lpp.

¹⁰⁹ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 23. maijā.

Все же, чтобы добиться твердой уверенности в том, что на будущем собрании представителей членов Лиги наций Англия будет голосовать за принятие Латвии, исполняющий обязанности посла буржуазной Латвии в Лондоне Вальтер 26 августа обратился к министру иностранных дел Англии с «покорной просьбой» голосовать в благоприятном для Латвии духе¹¹⁰. На это министерство иностранных дел Англии ответило, что оно поддержит принятие Латвии в Лигу и что английские представители получили соответствующие указания¹¹¹. Для дипломатов буржуазной Латвии этого не было достаточно, так как они прекрасно понимали, что Англия в любой момент способна без угрызений совести отказаться от своих обещаний, если этого требуют ее интересы. Особенно пугало латвийских дипломатов то, что представителем Великобритании на конгрессе Лиги наций, кроме Бальфура, будет Фишер — консерватор, который на прошлой ассамблее Лиги воздержался от принятия Латвии в эту организацию. Используя посредничество генерала Берта, Вальтер добился личного подтверждения Бальфура — представителя Англии, имеющего право голоса, — что последний за принятие Латвии в Лигу наций¹¹². Впоследствии Англия не имела причин не выполнить этого обещания.

После выполнения определенных формальностей 22 сентября 1921 года, во время второго конгресса Лиги наций, Латвия была официально принята в эту организацию¹¹³. Возвратившись с конгресса Лиги наций, заместитель министра иностранных дел Латвии В. Салнайс в своем отчете отметил в качестве занявших на конгрессе благоприятную для Латвии позицию представителей Англии и генерала Берта¹¹⁴. Буржуазная пресса Латвии также не забыла уплатить дань империалистическому Западу, особенно Англии, за принятие латвийского буржуазного государства в Лигу. Орган правительственной партии «Брива земе» писал: «Были необходимы великие потрясения, чтобы мир подошел к Лиге наций, и потому Англия так оберегает этот союз»¹¹⁵. Достаточно сравнить поведение тех же газет в декабре 1920 г. и после принятия Латвии в Лигу наций, чтобы увидеть, что каждый кусок,

¹¹⁰ См. ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 191.

¹¹¹ Там же, л. 192.

¹¹² См.: там же, л. 190.

¹¹³ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 23. sept.

¹¹⁴ Там же, 17 октября 1921 года.

¹¹⁵ «Brīvā Zeme», 1921. g. 24. sept.

брошенный Англией своему вассалу — буржуазной Латвии, — был принят с низким поклоном и восторженной благодарностью. Министр иностранных дел Мейеровиц, выступая на заседании Учредительного собрания в феврале 1921 г., обещал, что и впредь «отношения Латвии с великими союзными государствами будут хорошими и сердечными»¹¹⁶.

¹¹⁶ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1921., 206. lpp.

ГЛАВА V

АНГЛИЯ И ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ АНТИСОВЕТСКОГО «БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА»

В начале 1919 года в Лондоне возникла идея создания под английской эгидой антисоветского союза государств — бывших окраин царской России. Тогда Уинстон Черчилль еще пытался с помощью этих государств организовать военную интервенцию в Советское государство. По этому поводу он писал: «Надо стараться объединить в одной военно-дипломатической системе все враждебные большевикам пограничные государства, заставляя каждое из них делать столько, сколько оно может»¹. Летом этого же года с идеей создания антисоветского союза балтийских лимитрофов согласились все главные союзные государства. 5 августа представитель буржуазного временного правительства Латвии на Парижской мирной конференции сообщил: «Уже несколько раз союзниками высказывалась мысль, что мы (балтийские государства. — А. В.) каждое в отдельности слишком малы — надо объединиться»². В конце 1919 г. начальник английской военной миссии в Прибалтике генерал Берт начал практические мероприятия по созданию антисоветского союза в этом районе. Он предложил главнокомандующим армий Эстонии, Латвии и Литвы встречаться время от времени для обсуждения вопросов о политике, границах, оружии, снаряжении и сотрудничестве против большевизма, а также для теснейшего сплочения этих государств в целях взаимной поддержки и лучшего взаимопонимания. Английский генерал даже предложил день для первой подобной встречи — 1 января 1920 года³. В ноябре 1919 г. посол буржуазной Латвии в Лондоне сообщил министру иностранных дел Мейеровицу, что некоторые представители английских деловых кругов, например Форейнгтон,

¹ Цит. по кн.: V. Strauss. Padomju Latvija un starptautiskā kontr-revolūcija, 49. lpp.

² J. Seskiš. Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara norisē, 349. lpp.

³ Советская Латвия в 1919 году, стр. 333, док. № 251.

предлагает побережным государствам Прибалтики «в целях общей обороны» объединиться. Форейнгтон считал ошибкой латвийско-эстонские недоразумения в этом вопросе и обещал помочь добиться единства действий⁴.

В дальнейшем, в 1920—1923 гг., вовлечение буржуазной Латвии в общий империалистический антисоветский фронт тесно связано с попытками западноевропейского империализма создать так называемый «Балтийский союз». Уже в начале организации этого союза выявились принципиальные противоречия между Англией и Францией. 5 мая 1920 года В. И. Ленин говорил: «Для всех нас ясно разногласие интересов империалистских государств. Несмотря на все заявления их министров о мирном улаживании спорных вопросов, на самом деле империалистские державы не могут сделать ни одного серьезного шага в политических вопросах, чтобы не разойтись»⁵.

Целью английской политики в Прибалтике было сохранение там, как и вообще в Европе, равновесия сил (*balance of power*). Этого она надеялась добиться посредством создания малых побережных государств, которые на словах были бы независимыми, но фактически уже с 1919 г. находились под политическим и экономическим влиянием Англии. Франция, напротив, старалась укрепить свое влияние в Восточной Европе с помощью «великой Польши». «...Создание великой Польши было одним из основных стремлений французской военной стратегии», — писал в своих мемуарах Ллойд-Джордж⁶: Вокруг этой своей «избранницы» она надеялась объединить мелкие балтийские государства. Таким путем Франция старалась добиться двух целей: создать агрессивный блок для реализации интервенции в Советскую Россию и укрепить свое влияние в Прибалтике. Осуществление этих планов, особенно последнего, естественно, вызывало англо-французские трения. Англия не могла симпатизировать созданию антисоветского блока в Прибалтике под руководством Польши, так как это было для Франции средством уменьшения английского влияния в Латвии и в Эстонии. Различие интересов мешало найти такую форму антисоветского союза в районе Балтийского моря, которая удовлетворила бы оба государства. По поводу противоречий Англии и Франции в пе-

⁴ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 4.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 109.

⁶ Д. Ллойд-Джордж. Правда о мирных договорах, т. I. М., 1957, стр. 270.

риод после первой мировой войны Г. В. Чичерин заметил: «Вообще англо-французский антагонизм постоянен и создается силою вещей, но в решительные моменты оба друга-врага отступают от проведенных в жизнь конечных результатов своего антагонизма, маскируют его, оторочивают кризис. Это есть как бы хроническая болезнь, весьма длительная, медленно усиливающаяся»⁷.

Создать «Балтийский союз» мешала и последовательная политика мирного сосуществования, которую Советская Россия осуществляла по отношению к своим соседям у Балтийского моря, в том числе и к буржуазной Латвии.

Первым реальным шагом на пути к созданию «Балтийского союза» была конференция, проходившая с 15 по 21 января 1920 года в столице Финляндии Гельсингфорсе. В ней участвовали пять государств: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша. Уже в предшествовавший конференции подготовительный период министр иностранных дел буржуазной Латвии З. Мейеровиц заявил, что на конференции будет рассматриваться вопрос о заключении военно-политического союза, результатом чего явился бы сильный блок, направленный против большевизма⁸. Предполагалось, что на совещании будут присутствовать находящиеся в Гельсингфорсе представители союзников, так как организация конференции была тесно связана с политическими планами этих государств⁹.

Наиболее открыто конференцией пяти государств интересовалась Англия. Финляндскому правительству было сообщено, что посол Англии выразил желание информировать свое правительство о всех решениях конференции¹⁰. Создание антисоветского союза в районе Балтийского моря в английской печати изображалось как оборонительное мероприятие. Газета группировки Ллойд-Джорджа «Дейли кроникл» писала, что поддержка окраинных государств в их оборонительной борьбе против большевизма является обязанностью союзников¹¹. Маскируясь лозунгом мира и обороны, английские империалисты хотели создать такой союз малых государств, который соответствовал бы английским политическим интересам и являлся бы в антисоветской борьбе орудием проанглий-

⁷ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 213.

⁸ «Известия», 6 января 1920 года.

⁹ Там же, 11 января 1920 года.

¹⁰ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 21. janv.

¹¹ «Daily Chronicle», January 13, 1920.

ского направления. Газета Ллойд-Джорджа декларировала, что «ни в коем случае союзники не должны втягивать окраинные государства в наступательные мероприятия против большевиков»¹². Такая постановка вопроса полностью соответствовала выдвинутой Ллойд-Джорджем политике ликвидации советского строя в России с помощью экономического вмешательства.

Франция официально отказалась участвовать в Гельсингфорсской конференции, так как считала, что созыв конференции не соответствует точке зрения союзников в «русском вопросе». Она боялась, что открытое заключение конвенции против Советской России уже означало бы признание последней де-факто. Однако это не мешало Франции уже на этой конференции балтийских государств стараться при помощи польского посредничества добиться руководящей роли в проектируемом «Балтийском союзе» и превратить его в оружие открытой военной интервенции против первого Советского государства. Не без основания накануне конференции во французской, а частично и в английской печати распространялись сведения, что решением конференции армии балтийских государств будут подчинены одному главнокомандующему — назначенному Верховным советом Антанты офицеру¹³. 7 января французская газета «Тан» писала: «Если 15 января на политической конференции в Гельсингфорсе будут установлены взаимные военные гарантии, тогда мы с удовольствием с ними согласимся»¹⁴.

Несмотря на предварительные предположения относительно участия Англии в Гельсингфорсской конференции, ее представитель в заседаниях официально не участвовал. Состав конференции с участием Польши был для Англии невыгодным. Об этом можно судить из сообщения представителя буржуазной Латвии в Лондоне Бисениека министру иностранных дел Мейеровицу 12 февраля 1920 г.: «Англия не совсем благоприятно смотрит на связи Латвии с Польшей (которая находится в сфере влияния Франции) и с удовольствием желала бы видеть Балтийский союз в первую очередь заключенным между тремя чисто балтийскими государствами: Эстонией, Латвией, Литвой. Потом можно было бы присоединить и другие, также чисто балтийские государства, но ни в коем

¹² «Daily Chronicle», January 13, 1920.

¹³ «Times», January 10, 1920.

¹⁴ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 11. janv.

случае не Польшу... С кем бы из англичан ни говорил, они все советуют не связываться с Польшей»¹⁵.

На Гельсингфорской конференции представители буржуазной Латвии отстаивали выдвинутый Англией замаскированный фразами об обороне проект «Балтийского союза». Это подтвердил отчет министра иностранных дел Латвии Мейеровица Народному совету о работе конференции. Он указал, что главной задачей конференции пяти государств было заключение конвенции против врагов, которые могли бы угрожать самостоятельности этих государств. Эта военная конвенция, по словам министра, в первую очередь была разработана против России, особенно против Советской России¹⁶. Заключение мира с Советской Россией, как сказано выше, в начале 1920 года для буржуазной Латвии было актуальной проблемой. Разумеется, что в таких условиях для буржуазного временного правительства Латвии более приемлемой являлась гибкая, лучше замаскированная антисоветская политика Англии, чем открыто воинственное, уже обанкротившееся стремление Франции восстановить «единую неделимую» Россию. З. Мейеровиц в продолжении своего отчета отметил: «Все государства, которые были представлены на Гельсингфорской конференции, договорились о том, что прежде чем начать войну, надо стараться все спорные вопросы со всеми врагами решить мирным путем; в данном случае, также и против того врага, что может идти с востока...»¹⁷ Этому заявлению буржуазного министра не следует придавать большого значения. Оно лишь полностью подтверждает, что в правительственных кругах Латвии ориентация на английскую политику в советском вопросе была определяющей.

Переписка между послом Бисениеком и премьером буржуазного правительства Латвии Ульманисом в начале 1920 года также свидетельствует о преобладании английской ориентации в правительственных кругах буржуазной Латвии. Так, например, по рекомендации Ульманиса Бисениек в Лондоне развернул активную деятельность, чтобы отсрочить отъезд английского генерала Берта из Латвии. В целях достижения этого было использовано англо-французское соперничество в Латвии. Необходимость оставить Берта в Прибалтике посол Бисениек в Лондоне мотивировал тем, что в случае его отъезда

¹⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 48.

¹⁶ *Latvija. Tautas Padomes pārskati, protokoli un stenogramas. R., 1920., 752. lpp.*

¹⁷ Там же.

там не останется ни одного английского советника, что предоставит Франции свободу действий в этом районе¹⁸. Такая мотивировка, очевидно, повлияла на английское правительство, и генерал Берт был отозван из Риги только в октябре 1920 года¹⁹.

Гельсингфорсская «конференция надежд» не дала западным империалистам желаемых результатов: были приняты только самые общие принципы антисоветского блока. Парижские газетные политики жаловались, что англичане провалили конференцию, которая должна была стать началом общего выступления балтийских государств²⁰. Франции Гельсингфорсская конференция показала, что идея создания блока пяти государств в целях открытой военной интервенции в Советскую Россию несостоятельна. Англия по ходу конференции могла констатировать, что противоречия между членами проектируемого союза, особенно по вопросам границ, так велики, что в первую очередь надо стараться ликвидировать их.

Чтобы облегчить создание «Балтийского союза» и уменьшить направленное через Польшу влияние Франции на восточное побережье Балтийского моря, Англия после Гельсингфорсской конференции еще более открыто продолжала противостоять привлечению Польши в этот союз. 10 апреля 1920 года военный атташе буржуазной Латвии в Лондоне сообщил: «Англичане с большим недовольством смотрят на мирное завоевание французами Прибалтийских государств и особенно на то, что мы крепко связываемся с Польшей... Талантс выразился, что если мы свяжем себя с Польшей, это было бы то же самое, что привязать ребенка к мертвецу»²¹. На заседании Народного совета буржуазной Латвии министр иностранных дел З. Мейеровиц констатировал, что «политика Великобритании направлена на достижение известного сближения между Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой, с одной стороны, и на достижение известного сближения между южными государствами, с другой, с оставлением при этом группы северных государств преимущественно в своей сфере влияния, а южных государств — в сфере влияния Франции»²².

Безрезультатно кончилась созванная по инициативе Франции в марте 1920 г. в Варшаве конференция под руководством

¹⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 39.

¹⁹ Там же, оп. 2, д. 40, л. 199.

²⁰ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. I, папка 211, л. 9.

²¹ Советская Латвия в 1919 году, стр. 420, док. № 327.

²² Latvija. Tautas Padomes pārskati, protokoli un stenogramas, 839. lpp.

Польши. Кроме Польши в ней участвовали Финляндия, Латвия и Румыния²³. Официально было сообщено, что конференция созывается для разработки единых условий для мирных переговоров с Советской Россией²⁴. Действительной же целью конференции являлось создание управляемого Францией антисоветского военного блока и разработка совместных военных планов. Как заявил несколько позднее польский посланник в Риге относительно целей этой конференции, «необходимо было выяснить положение путем переговоров не только с Антантой, но и с балтийскими республиками. Идея Польши состояла в объединении всех окраинных республик, начиная с Финляндии и кончая Украиной»²⁵. В провале конференций французская газета «Эклер» обвиняла Англию. Она указывала: «Польша пришла уже к соглашению с Финляндией, как вдруг румынские представители под влиянием Лондона исчезли с конференции, и Латвия, которая до того момента шла лояльно с Польшей, начала колебаться. Мейеровиц заявил корреспондентам, что Англия, которую поддерживает Италия, желает близости Латвии с Эстонией, Литвой и Финляндией; Франция же при поддержке Америки хочет создать группу — Латвия, Польша, Румыния»²⁶. Установить более близкие контакты с Польшей и Францией для буржуазной Латвии в данный момент означало потерять поддержку Англии. Уже 12 февраля 1920 года Бисениек писал из Лондона Мейеровицу: «...англичане дают понять, что если Латвия твердо не воспротивится, что очень проблематично, участию Франции в восстановлении Латвии, то англичане махнут рукой на Латвию; не будучи более заинтересованы в вопросах Латвии, они не будут также больше интересоваться и признанием Латвии де-юре. Они также отмечают, что ждать признания Латвии де-юре от Франции — пустое дело, так как это не в интересах Франции»²⁷. Говоря об участии Франции в восстановлении Латвии, посол Бисениек заметил, что Англия согласна допустить, по возможности, и французский капитал, но только с тем условием, чтобы все это проходило бы под руководством Англии, а не под маркой Франции²⁸. Это лишний раз доказывает, что обеспечение английского политического руко-

²³ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 17. martā.

²⁴ Там же, 2 марта 1920 года.

²⁵ «Известия», 20 апреля 1920 года.

²⁶ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. I, папка 211, л. 9—10.

²⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 49.

²⁸ Там же.

водства в буржуазной Латвии в первые годы ее существования Англия считала своей насущной задачей. Чтобы добиться руководства и удержать его, политики Великобритании не отказывались от шантажа в отношении малых буржуазных стран, угрожая прекратить свою помощь. Буржуазия Латвии боялась потерять доброжелательность Англии. Выступая 10 марта 1920 года на заседании Народного совета Латвии, депутат социал-демократов Циелен открыто призывал ориентировать политику буржуазной Латвии по вопросам «Балтийского союза» только на Англию²⁹.

Создание антисоветского союза пяти стран — участниц Гельсингфорской конференции в дальнейшем проходило с большими трудностями. 5 мая 1920 года по поводу положения в империалистическом лагере В. И. Ленин указывал: «...международный враг слабеет, ...всякие попытки объединения между империалистами все более и более безнадежны...»³⁰. Организация созыва следующей конференции балтийских государств уже в Гельсингфорсе была возложена на правительство буржуазной Латвии³¹. Англия хотела видеть Прибалтику как единое целое, подчиненное своему влиянию. Вопреки французской политике в этом районе, английские политические круги считали, что необходимо на последующей — Рижской конференции балтийских государств обьявить союз трех государств — Эстонии, Латвии и Литвы³². Посол Латвии в Польше А. Кенинь в апреле 1920 г. сообщал, что «в вопросе конференции поляки в настоящее время ведут себя очень сдержанно». «Они высказываются, что повторить такую же конференцию, какая была в Гельсингфорсе, нежелательно», — писал посол³³. Положение еще больше усложнил территориальный конфликт между Литвой, Латвией и Польшей. Последняя высказалась против приглашения Литвы на проектируемую конференцию. Попытки Польши обеспечить себе границы 1772 года не соответствовали интересам Англии. Английское правительство высказалось против удовлетворения этого требования Польши³⁴. Бонар-Лоу заявил в парламенте, что она уже заняла территорию больше предусмотренной Версальским мирным договором³⁵. «Таймс» от 3 июля сообщала,

²⁹ Latvija. Tautas Padomes pārskati, protokoli un stenogramas, 844. lpp.

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 111.

³¹ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 22. febr.

³² ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 1, д. 17, л. 50.

³³ «Jaunākās Ziņas», 1920. g. 14. aprīlī.

³⁴ «Известия», 14 апреля 1920 года.

³⁵ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 10. maijā.

что английское правительство заявило польскому правительству о своем желании, чтобы Польша признала независимость Литвы, включая Вильнюс, и чтобы она вошла в переговоры с Литвой в целях установления дружеских отношений между обоими государствами³⁶. Видно, что в территориальных вопросах Англия поддерживала Латвию и Литву. В печати Латвии начали открыто появляться предложения заключить союз балтийских государств без Польши³⁷. Социал-демократ Мендер на заседании Учредительного собрания Латвии 17 июня 1920 года высказался, что союз Латвии с Польшей «может привести к самой большой зависимости от Польши, которая нам экономически ничего не может дать или может дать очень мало»³⁸. В политических кругах буржуазной Латвии неоспоримо чувствовалась английская ориентация. Директор политико-дипломатического департамента министерства иностранных дел буржуазной Латвии писал 29 мая 1920 года, что союз пяти балтийских государств «в настоящее время существует как «чистая» идея без какой-либо реальной основы», и что для осуществления этой идеи «отсутствуют самые элементарные предпосылки»³⁹. Это не было тайной и для соседних государств. Эстонская газета «Ваба маа» писала, что все признаки указывают на то, что Латвия намерена покинуть польскую (французскую) ориентацию и снова сблизиться с Литвой и Эстонией (английская ориентация)⁴⁰. Нет сомнений, что на укрепление в буржуазной Латвии английской ориентации в вопросе создания «Балтийского союза» значительным образом повлияло поведение самой Англии. Для информации своего правительства 17 мая 1920 года Бисениек сообщил из Англии, что английским политическим кругам в данный момент нежелателен единый союз от Белого до Черного и Каспийского морей, но что они склоняются к созданию нескольких отдельных самостоятельных союзов. Одним из подобных союзов, по сообщению посла, может быть союз Эстонии, Латвии и Литвы, в который политики английского империализма допускают еще вовлечение Финляндии, но ни в коем случае не Польши⁴¹.

Франция не хотела допустить создания «Балтийского союза»

³⁶ «Известия», 9 июля 1920 года.

³⁷ См.: «Jaunākās Ziņas», 1920. g. 20. apr.

³⁸ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas. R., 1920., 153. lpp.

³⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 32-г, оп. 1, д. 17, л. 71.

⁴⁰ «Бюллетень НКВД», № 32, 10 июля 1920 года.

⁴¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 32-г, оп. 1, д. 17, л. 70.

на основе выгодных для Англии условий. Ее дипломатическая активность в Латвии росла. Государственным деятелям буржуазной Латвии были присвоены высшие ордена Франции. 29 июля в Ригу прибыл верховный комиссар Франции в балтийских государствах де Сариж⁴². Французский дипломат заявил представителям печати, что его главной задачей является сближение молодых республик Латвии, Эстонии и Литвы и связывание их узами дружбы с Францией. Выражаясь конкретнее, задачей де Сарижжа было бороться за усиление влияния своего государства в Прибалтике.

В связи со сложной обстановкой конференция пяти балтийских стран — участниц Гельсингфорсской конференции открылась на Рижском взморье, в Булдури, только 6 августа 1920 года⁴³. Противоречия, осложнявшие образование антисоветского союза в Прибалтике, к началу булдуурской встречи по сравнению с периодом Гельсингфорсской конференции возросли. Польша, поддерживаемая самыми реакционными кругами западного империализма, начала открытое наступление на Советскую Россию. Литва незадолго до начала конференции, а Латвия во время конференции подписали мирные договоры с Советским государством. Продолжали обостряться польско-литовские и польско-латвийские территориальные споры. Соперничество между Англией и Францией не было ликвидировано. Даже пресса буржуазной Латвии писала, что «условия, в которых собирается эта долгожданная конференция, не являются такими, которые породили бы твердую уверенность в успехах ее работы»⁴⁴.

Представители Англии и Франции в Булдуурской конференции официально не участвовали, но активно действовали в ее кулуарах. Это видно из мемуаров английского полковника Таллентса, а также из сообщений буржуазной прессы Латвии⁴⁵. Руководитель английской политической миссии в Прибалтике Таллентс 5 августа даже устроил официальный прием прибывшим в Ригу представителям балтийских государств⁴⁶. Это лишний раз подчеркивало то, что представитель Англии считал себя главным вершителем дел Прибалтики. Тем не менее британские политики от Булдуурской конференции

⁴² «Jaunākās Ziņas», 1920. g. 30. jūlijā. В других источниках — де Сартиж. См. стр. 135 настоящего издания.

⁴³ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 6. aug.

⁴⁴ «Jaunākās Ziņas», 1920. g. 3. aug.

⁴⁵ S. Tallents. Man and Boy, p. 389; «Jaunākās Ziņas», 1920. 12. aug.

⁴⁶ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 6. aug.

многого не ожидали. Прошло всего несколько недель с тех пор, как провалился план Англии созвать в Лондоне конференцию для решения балтийской проблемы в своих интересах. Мирная политика Советской России, внутренняя ситуация во вновь созданных Прибалтийских государствах и возросшие между ними противоречия сделали невозможным созыв лондонской конференции⁴⁷.

На конференции в Булдури было подготовлено много разных проектов договоров. «В действительности было только одно дело, вокруг чего вертелось все, т. е. договор о взаимной обороне», — говоря об этой конференции, писал один из лидеров кулацкой партии Крестьянского союза А. Кливе⁴⁸. За «договором о взаимной обороне» фактически скрывался антисоветский союз.

После продолжавшейся более месяца бесплодной работы Булдурская конференция разошлась. Разработанные на конференции договоры и конвенции никогда не получили реальной силы, так как ни одна участница конференции их не ратифицировала⁴⁹. Булдурской конференцией завершился первый этап в организации «Балтийского союза». Попытка объединения пяти государств — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши — в антисоветский блок потерпела неудачу. Англия в то время еще не была заинтересована в вовлечении в этот союз всех участников, особенно Польши. Определяющее влияние Франции в Польше было невыгодным для английской политики в Прибалтике.

После Булдурской конференции Англия продолжала организовывать узкий антисоветский союз Прибалтийских государств. В этот союз должны были входить малые государства — Эстония, Латвия и Литва, политику которых полностью контролировала Англия. Конечно, этот союз сам по себе не явился бы еще военной угрозой для Советской России, но он мог быть уже достаточно удобным плацдармом, через который ллойд-джорджевская Англия надеялась реализовать свою экономическую интервенцию в Советскую страну. Кроме того, к этому союзу могла бы легко примкнуть и Польша, если бы там установилось английское влияние.

В первой половине 1920 года британские представители, как указано в предыдущей главе, формально ликвидировали

⁴⁷ См. стр. 77—79 настоящего издания.

⁴⁸ Z. Meierovics, 59. lpp.

⁴⁹ «Valdibas Vestnesis», 1921. g. 22. janv.; ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-в, оп. 2, д. 35, л. 17 и 18.

эстонско-латвийский пограничный спор. Во второй половине того же года под руководством английского дипломата Симпсона был отрегулирован вопрос латвийско-литовской границы. Этот акт «благотворительности» Англия совершила только в своих интересах. Склонность правительственных кругов буржуазной Латвии к Англии, несмотря на дипломатическое противодействие Франции, после Булдурской конференции росла. Министерство иностранных дел Латвии в своем «Бюллетене» после англо-итальянской встречи премьеров в Люцерне уверяло, что «балтийские государства с доверием смотрят на усиление англо-итальянской дружбы, так как оба эти государства, кажется, особенно интересуются укреплением мира в Восточной Европе»⁵⁰. Здесь достаточно ясно высказана проанглийская направленность буржуазного правительства Латвии. Факты, имевшие место осенью 1920 года, также могут служить ярким доказательством того, что английские дипломатические и военные представители были главными политическими советчиками правительственных кругов буржуазной Латвии. Только в течение октября в 1920 году (по официальным сведениям буржуазной печати) английский полковник Таллентс посетил премьера латвийского правительства Ульманиса шесть раз, т. е. 1, 8, 14, 18, 23 и 25-го октября; обсуждались «текущие» вопросы⁵¹. В конце октября полковник Таллентс был вызван с докладом о положении в балтийских государствах в Лондон⁵². Частыми гостями главы буржуазного правительства Латвии были капитаны английских кораблей, находившихся в Балтийском море⁵³. Отношение правительственных кругов Латвии к английским представителям член парламента Англии Ламберт характеризовал так: «Эстония, Латвия и Литва очень дружелюбны к Англии. Одно только слово «англичанин» уже обеспечивает каждому англичанину любезный прием... Премьер Латвии в совершенстве владеет английским языком и расположен к англичанам». Далее английский парламентарий констатировал: «Эти свободные балтийские государства являются лучшим защитным валом против большевизма»⁵⁴.

Переписка конца 1920 года между латвийским послом в Лондоне и министерством иностранных дел Латвии показы-

⁵⁰ «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 6. sept.

⁵¹ «Brīvā Zeme», 1920. g. 2., 9., 15., 19., 24., 26. okt.

⁵² «Valdības Vēstnesis», 1920. g. 25. okt.

⁵³ См.: «Brīvā Zeme», 1920. g. 9., 16., 26., 10. nov.

⁵⁴ «Times», Sept. 10, 1920.

вает, что правительство Ульманиса—Мейеровица было очень заинтересовано продлить пребывание полковника Таллентса в Латвии, чтобы не лишиться поддержки этого английского советника⁵⁵. Посол Бисениек использовал любую возможность «осчастливить» свою страну приездом какого-либо нового влиятельного английского представителя. Так, без консультации со своим правительством, он выдал визу на въезд в Латвию генералу Берту, который следовал в Вильнюс как представитель Великобритании в комиссии Лиги наций⁵⁶. Посол Латвии, очевидно, был уверен в том, что каждого английского гостя его правительство встретит с восторгом.

Выдвинутый Англией план создания «узкого Балтийского союза» в конце 1920 года часто комментировался в буржуазной печати Латвии. «Брива земе» писала, что Латвия «должна в первую очередь заключить необходимые политические и военные договоры с Эстонией, с которой у нас пограничные споры почти кончились, и потом, когда будут разрешены пограничные споры, надо перейти к привлечению Литвы к этому союзу»⁵⁷. Аналогичную позицию, очевидно не без совета Англии, начала занимать и пресса Эстонии. Критикуя план создания союза под руководством Польши, «Постимеес» писала: «Для основания союза балтийских государств надо избрать другой путь. Создадим в первую очередь союз Латвии и Эстонии»⁵⁸. «Если Латвия и Эстония заключат между собой соответствующие конвенции, они заложат первую реальную основу тому союзу балтийских государств, который все эти государства сами в принципе единогласно признали необходимым», — писала газета «Валдибас вестнесис»⁵⁹.

Со своей стороны Польша, чтобы заполучить доверие Латвии и Эстонии и добиться создания антисоветского «Балтийского союза» под руководством Франции, начала говорить об официальном признании этих, еще не признанных Западом де-юре, государств. Все же, улавливая политическую атмосферу Лондона, посол буржуазной Латвии в Англии предупреждал свое правительство, что к этим разговорам следует отнестись с большой осторожностью, так как, по имеющимся в его распоряжении сведениям, это может бросить тень на

⁵⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 26-а, л. 282.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Brīvā Zeme», 1920. g. 19. dec.

⁵⁸ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 19. janv.

⁵⁹ Там же, 15 января 1920 года.

престиж Латвии в Англии и задержать ее признание со стороны «более серьезных государств, чем Польша»⁶⁰.

После отказа принять балтийских лимитрофов в Лигу наций тенденция к созданию антисоветских союзов в буржуазных кругах Прибалтийских государств росла. Бисениек из Лондона писал, что «теперь ничего другого больше не остается как самим (окраинным государствам. — А. В.) договориться и создать достаточно крепкую силу, которой большевики боялись бы». Имеются данные, что по этому поводу проходили даже консультации между буржуазными правительствами Латвии и Грузии⁶¹.

Оккупация Польшей района Вильнюса и ее стремление с помощью проходящего между Литвой и Советской Россией коридора получить выход к Даугаве еще больше усложнили и уменьшили возможность заключить антисоветский союз пяти государств. Латвийское государство официально заявило, что оно не интересуется вопросом, какому правительству будет принадлежать Вильнюс. Если, однако, армия генерала Желиховского будет наступать на Ковно, то Латвия сочтет себя вынужденной выступить на стороне Литвы⁶². Это заявление было выпущено не без ведома и согласия министерства иностранных дел Англии. 22 ноября 1920 года из Лондона была получена телеграмма Бисениека, в которой говорилось: «Форин оффис предлагает по делу Желиховского воздержаться... Никакой поддержки со стороны англичан ожидать мы не можем. Англичане не хотят никаких новых войн и желают ограничить уже существующие. Заметно, что англичанам не нравится польский коридор у Дриссы»⁶³. 18 февраля 1921 года на заседании Учредительного собрания министр иностранных дел Мейеровиц заявил, что «литовско-польский конфликт является серьезным препятствием между пятью балтийскими государствами на пути взаимного сближения»⁶⁴. В марте того же года З. Мейеровиц сообщил, что не порывая отношений с Польшей, Латвия пока заключит договор со своими самыми близкими соседями; но, как только будет возможность, вступит в союз с Финляндией и Польшей⁶⁵.

В то же время газеты Франции и Польши старались дока-

⁶⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 4.

⁶¹ Там же, д. 26-а, л. 282.

⁶² «Известия», 23 ноября 1920 года.

⁶³ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 25/1, л. 263.

⁶⁴ *Latvija. Satversmes sapulces stenogramas*, 1921. g., 208. lpp.

⁶⁵ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 19. martā.

зять необходимость союза четырех балтийских государств (без Литвы). Появились даже сообщения, что в скорейшем времени в Риге ожидается новая конференция⁶⁶. Французский «*Journal des Debats*» в передовой статье о Польше указал, что «... обязательства и географическое положение вынуждают Францию больше, чем Англию, Италию и Соединенные Штаты, беспокоиться о силе и благосостоянии Польши. Франко-польский союз должен помочь *entante cordiale* нести тяжелое бремя и облегчить ответственность Англии за обеспечение мира перед Европой»⁶⁷. Все же Англия такого «облегчения» в Прибалтике не желала. Во-первых, укрепление французского влияния через посредство Польши в Прибалтике было для Англии нежелательным, во-вторых, различались методы антисоветской борьбы Англии и Франции в этом районе. В годовом отчете НКВД РСФСР к VIII съезду Советов отмечалось: «Франция и Англия идут все более расходящимися путями, все сильнее сталкиваются между собою»⁶⁸. Этого не могли скрыть и буржуазные политики. Так, французский консервативный профессор Жозеф Бартелени в начале 1921 года писал, что резкое расхождение союзников дает себя чувствовать на каждом шагу. Если взять Польшу, то Франция, по его словам, питает по отношению к ней сентиментальную дружбу, напротив, Англия — не любит ее⁶⁹.

16 марта 1921 года английское правительство подписало торговый договор с Советской Россией⁷⁰. Оно надеялось, что зависимость Советского государства от мирного капиталистического рынка и настойчивое внедрение иностранного капитала приведет к возрождению капитализма в Советской России. Министр торговли Англии Роберт Хор, который по поручению правительства подписал англо-советское торговое соглашение, 6 октября 1921 г. заверял, что лучшим методом ликвидации большевизма в России является проникновение в эту великую страну частных лиц под предлогом торговли⁷¹. Близкий Ллойд-Джорджу «Обсервер» опубликовал большую статью, переданную из Риги, сопроводив ее крикливыми подзаголовками. «Свободная торговля, — говорилось в статье, —

⁶⁶ См.: «Известия», 25 января, 8 февраля 1921 года.

⁶⁷ «*Journal des Debats*», Febr. 5, 1921.

⁶⁸ Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов (1919—1920). М., 1921, стр. 9.

⁶⁹ См.: «Вестник НКВД», № 3—4, 15 мая 1921 года, стр. 5.

⁷⁰ См.: Документы внешней политики СССР, т. III, стр. 607—614.

⁷¹ См.: R. Palm Dutt. *World Politics 1918—1939*. New York, 1936, pp. 275.—276.

может послужить могилой для коммунизма в России»⁷². Надо отметить, что подписание торгового договора между Англией и РСФСР состоялось в момент, когда еще гремели пушки под Кронштадтом и кронштадтский мятеж не был ликвидирован. Очевидно, английское правительство уже тогда было хорошо осведомлено о достаточной прочности Советской власти, и попытка реакции поднять Кронштадт против Советов не признавалась английскими руководящими политиками достаточно серьезным антисоветским мероприятием.

Правительственные круги буржуазной Латвии английский метод антисоветской деятельности полностью устраивал. Это подтвердил министр иностранных дел З. Мейеровиц. Он заявил, что «Балтийский союз» не стремится воздвигнуть барьер между Россией и Западной Европой. Наоборот, он имеет целью способствовать сношениям между Западом и Востоком⁷³. Служить экономическим мостом между Западом и Востоком — для Латвии было залогом известного хозяйственного развития. Франция все еще рассматривала руководимый Польшей союз балтийских государств как средство свержения Советской власти в первую очередь вооруженным путем. На это указывалось в Инструкции НКВД РСФСР полпреду в Литве Аралову от 28 апреля 1921 года. «...Политика Франции по отношению к России радикально отличается от политики Англии, и первая продолжает еще возлагать надежды на насильственное низвержение Советской власти», — гласил документ⁷⁴. Насильственное низвержение Советской власти в России не соответствовало интересам буржуазии Латвии. По этому поводу З. Мейеровиц был вынужден признать: «Переворот в России привел бы к полной анархии, которая вредно отразилась бы на положении окраинных государств. Восстановление монархии совершенно исключено...»⁷⁵ Буржуазия Латвии была заинтересована сохранить те права, которые были приобретены ею с заключением мирного договора между Советской Россией и Латвией.

Попытка оторвать Польшу от французского влияния и сделать ее послушным оружием английской политики наблюдалась уже в первой половине 1921 года в связи с поездкой генерала Берта, представителя Англии в составе комиссии Лиги наций, в Вильнюс для решения польско-литовского территори-

⁷² «Observare», April 3, 1921.

⁷³ «Правда», 10 мая 1921 года.

⁷⁴ Документы внешней политики СССР, т. IV, стр. 85—86.

⁷⁵ «Правда», 10 мая 1921 года.

ального спора. Генерал Берт с помощью этой миссии рассчитывал достигнуть заключения между Польшей и Литвой пограничного договора, в который была бы включена и анти-советская военная конвенция. В дальнейшем эта военная конвенция должна была распространиться на все пять балтийских стран — участниц Гельсингфорсского совещания 1920 года. По плану английского генерала подписавшие конвенцию государства должны были в случае необходимости подчинить свои войска одному главнокомандующему и тщательно разработать оборону границ на своем участке. Чтобы усилить армии балтийских стран, генерал Берт был намерен предложить создать здесь хорошие военные училища, послать местных солдат за границу для изучения военной тактики и тому подобное. В разговоре с послом Бисеником английский генерал указал, что на заключение планируемой конвенции должны быть приглашены эксперты союзников. На замечание латвийского посла, что Польша находится в сфере влияния Франции, а остальные проектируемые партнеры по союзу — в сфере Англии, Берт признал, что пока в некоторых вопросах между обоими союзниками нет желаемого единодушия, но в интересах мира Англия и Франция должны будут найти общий язык⁷⁶.

Реализовать этот план генералу Берту не удалось. Польская военщина, чувствуя поддержку Франции, была по отношению к Литве столь развязна и роль французских представителей в комиссии Лиги наций столь велика, что Берт должен был отступить. Это только подтвердило уже выяснившуюся на Бултурской конференции невозможность создания «Балтийского союза» пяти государств.

30 апреля 1921 года в Риге было организовано специальное собрание в целях пропаганды латвийско-литовско-эстонского союза⁷⁷. 2 мая там же начало работу совещание министров иностранных дел Латвии и Литвы⁷⁸. После совещания оба министра заявили о готовности в скором времени заключить узкий союз трех балтийских государств⁷⁹. 30 мая на приеме в Таллине посол Латвии в Эстонии указывал, что Латвия и Эстония — стержень «Балтийского союза»⁸⁰. В правительственных кругах Эстонии в то время наблюдалась тенденция

⁷⁶ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 38—39.

⁷⁷ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 2. maijā.

⁷⁸ Там же, 3 мая 1921 года.

⁷⁹ См.: «Известия», 14 мая 1921 года. «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 19. maijā.

⁸⁰ Там же, 9 июня 1921 года.

привлечь к этому союзу и Финляндию как важный военный фактор, но по отношению к Литве, в связи с нерешенным ее территориальным спором с Польшей, эстонские политики отнеслись пока сдержанно⁸¹. После совещания министров иностранных дел трех государств — Латвии, Литвы, Эстонии, проходившего в Риге в начале июня 1921 г., З. Мейеровиц заявил о желательности и готовности заключить союз четырех балтийских стран, без Польши⁸². Аналогичное заявление он включил в правительственную декларацию 17 июня, став премьером буржуазного правительства Латвии⁸³.

Для Франции такая позиция правительства буржуазной Латвии в вопросе создания «Балтийского союза» была невыгодной, так как не обеспечивала французских стремлений. Летом 1921 г. Франция свою дипломатическую активность в Латвии усилила. Полномочным министром Франции в Латвии был назначен крупный специалист по антисоветской деятельности граф де Мартель — бывший представитель французского правительства на Дальнем Востоке в момент интервенции против Советов⁸⁴. Представительство РСФСР в Латвии, оценивая это мероприятие, отметило: «...назначение де Мартеля вместо графа де Сартижа является не только переменной личности, но и стремлением Франции перейти из пассивного состояния в активное по отношению к созданию союза балтийских государств»⁸⁵. Прибыв в Ригу, де Мартель — рафинированный специалист антисоветской политики французского империализма, лицемерно льстя самостоятельности Латвии, заявил, что для обеспечения балтийскими государствами достигнутой самостоятельности и в дальнейшем необходимо не только объединение трех побережных республик Прибалтики — Латвии, Литвы и Эстонии, но и обязательное достижение их союза с Финляндией и Польшей⁸⁶.

12 июля 1921 года в Риге началось совещание министров иностранных дел Латвии, Литвы и Эстонии по политическим вопросам, связанным с образованием союза трех государств⁸⁷. Англия отнеслась к этому совещанию очень доброжелательно. Посол Бисениек сообщил 8 июля из Лондона, что, по мнению министерства иностранных дел Англии, этот союз срочно не-

⁸¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 32, л. 6.

⁸² «Известия», 29 июня 1921 года.

⁸³ Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1921. g., 1252. lpp.

⁸⁴ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 3. jūnijā.

⁸⁵ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 2, папка 212, л. 99.

⁸⁶ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 3. jūnijā.

⁸⁷ Там же, 13 июля 1921 года.

обходим в интересах мира в Прибалтике и во всей Европе⁸⁸. Но даже буржуазная печать Латвии была вынуждена признать незначительность результатов этого совещания⁸⁹.

В то же время продолжалось создание вдохновляемого Францией антисоветского блока четырех государств под руководством Польши. 25 июля в Гельсингфорсе началась конференция министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши. Эта конференция не была продолжением только что закончившегося в Риге совещания, которое в общем отражало английскую точку зрения в создании «Балтийского союза». «Брива земе» признала: «В Гельсингфорсе речь больше не идет о дальнейшем развитии цели Рижской конференции — тройственного союза Латвии—Эстонии—Литвы с присоединением к нему Финляндии. Инициатива и программа конференции находятся совсем в других руках... На этой конференции Латвия будет играть далеко не такую роль, как на Рижском совещании министров трех государств»⁹⁰.

Проходившую 25—29 июля 1921 года Гельсингфорсскую конференцию надо считать практическим шагом на пути возвращения к той политике в вопросе создания союза балтийских государств, которая обеспечила бы руководящую роль Франции в Прибалтике. Даже «Брива земе» была вынуждена признать, что «тот, кто больше всех получит и больше всех заинтересован в Гельсингфорсской конференции, без сомнений, — Польша»⁹¹.

Проанглийски настроенные дипломатические круги буржуазной Латвии от этой конференции ожидали немногого. З. Мейеровиц заявил, что латвийская делегация главной своей задачей на конференции считает «сближение с Финляндией»⁹². Орган социал-демократов Латвии предполагал, что Гельсингфорсская конференция может привести не только к охлаждению дружественных отношений между Литвой и Латвией, но и к расстройству создания руководимого Англией союза трех балтийских государств — Литвы, Латвии, Эстонии⁹³.

Хотя Гельсингфорсская конференция кончилась без желаемых результатов, все-таки, после безрезультатного Рижского

⁸⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 32, л. 33.

⁸⁹ «Brīvā Zeme», 1921. g. 21. jūl.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² «Известия», 3 августа 1921 года.

⁹³ Там же, 26 июля 1921 года.

совещания министров иностранных дел трех балтийских государств, созыв этой конференции в известной степени был дипломатической победой Франции и Польши. Это признавала даже английская печать, в том числе «Таймс»⁹⁴. В прессе буржуазной Латвии появились упреки правительству в потере «правильной ориентации». «Брива земе» после Гельсингфорской конференции писала: «... хотелось бы ждать от нашего правительства, чтобы оно, с одной стороны, в своей внешней политике вело более твердую линию в сторону Англии, и, продолжая, с другой стороны, необходимую информационную работу в Париже, уделило больше внимания Лондону. Интересы Англии к Латвии не должны ослабнуть»⁹⁵.

Интересы Англии к Латвии после Гельсингфорской конференции, разумеется, не ослабли. Уже в апреле 1921 года английским послом в Латвии был назначен Уилтон (*E. C. Wilton*), которого Форин оффис характеризовала как подходящего и пользующегося большим доверием дипломата⁹⁶. В конце июля того же года в Лиепайском и в Рижском портах побывали английские военно-морские эскадры⁹⁷. 15 августа в Ригу прибыл с сопровождающими лицами посол Великобритании в Финляндии Ренни⁹⁸. Этот визит был тесно связан с Гельсингфорской конференцией. В сентябре состоялось новое посещение латвийских территориальных вод эскадрой английского флота под командованием контр-адмирала Нихолсона. В состав эскадры кроме других военных кораблей входили четыре крейсера⁹⁹.

Эти демонстративные действия Англии в Прибалтике, и в частности в Латвии, после безрезультатной Гельсингфорской конференции раздражали политиков Франции. Французский адмирал де Гоу резко высказался против посещения английским флотом Балтийского моря и предупреждал бережные Прибалтийские государства об угрозе руководящего влияния Англии¹⁰⁰.

«Рознь интересов между различными империалистскими странами обострилась и обостряется с каждым днем все глубже», — писал В. И. Ленин в июне 1921 года¹⁰¹. Это

⁹⁴ См.: АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 4, папка 212.

⁹⁵ «Brīvā Zeme», 1921. g. 18. aug.

⁹⁶ См.: ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 34.

⁹⁷ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 18. jūl.

⁹⁸ Там же, 13 августа 1921 года.

⁹⁹ «Brīvā Zeme», 1921. g. 14. sept.

¹⁰⁰ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 3. okt.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 429.

относится и к интересам Англии и Франции в Прибалтике. Специалист по прибалтийским вопросам английский генерал Берт в разговоре с послом Латвии в Лондоне заметил, что в последнее время английская и французская политика в прибалтийском вопросе не во всем совпадают¹⁰².

Во второй половине 1921 года ухудшились латвийско-польские отношения. Представительство РСФСР в Латвии по этому поводу указывало: «Латвийско-польские отношения нельзя назвать удовлетворительными, даже нормальными. Более года Латвия не имела в Варшаве своего ответственного представителя, а более полугода — Польша в Латвии. Главными фактическими причинами разногласий служат: 1) стремление поляков добиться выхода к Западной Двине у Двинска и 2) пересмотр аграрной реформы латвийского государства в Латгалии, затрагивающей интересы польских помещиков»¹⁰³. В начале сентября премьер буржуазной Латвии Мейеровиц во время визита в Литву открыто заявил представителям печати, что на последней Гельсингфорской конференции выяснилось, что Польша представляет угрозу для Латвии и нет возможности создания «большой балтийской Антанты»¹⁰⁴.

Последовало еще несколько конференций и встреч государственных деятелей Прибалтийских государств без Польши. Так, в Риге с 12 по 14 сентября состоялась конференция Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии¹⁰⁵. В 23—31 числа того же месяца проходило совещание Прибалтийских государств и РСФСР¹⁰⁶. Министр иностранных дел Англии лорд Керзон, принимая представителя Эстонии Копуиллема, официально предложил трем Прибалтийским государствам объединиться¹⁰⁷.

Характерно, что на этих конференциях были рассмотрены вопросы экономического характера, в том числе вопрос об улучшении хозяйственных связей с Советской Россией. Представительство РСФСР в Латвии по поводу этих конференций отметило, что они являются «новым этапом в хозяйственном движении этих государств»¹⁰⁸. Тенденция руководящих кругов буржуазной Латвии, проявившаяся на конференциях, была направлена к созданию общего хозяйственного фронта

¹⁰² ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 156.

¹⁰³ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 6, папка 212, л. 28.

¹⁰⁴ См.: «Известия», 1 и 2 сентября 1921 года.

¹⁰⁵ «Valdības Vēstnesis», 1921, g. 13. sept.

¹⁰⁶ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 6, папка 212, л. 2.

¹⁰⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 32, л. 96.

¹⁰⁸ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 6, папка 212, л. 2.

новых балтийских государств против Советской России. Это означало, что эти государства под давлением внутренних обстоятельств, а также под влиянием тогдашней политики Англии по отношению к Советскому государству все дальше отходили от Франции и все более определенно следовали за Англией. Орган правительственной партии «Брива земе» пришел к выводу, что «Англия как морская держава и защитник малых народов» является «естественным товарищем» Прибалтийских государств¹⁰⁹. «...Борьба за гегемонию, — писал Бисениек Мейеровицу 22 октября 1921 года, — идет также по отношению к балтийским государствам, — будет ли вновь созданная балтийская лига под влиянием англичан или французов. Пока кажется, что Англия здесь уже одержала верх...»¹¹⁰. Премьер Англии Ллойд-Джордж в меморандуме премьеру Франции Бриану сдержанно, но все-таки явственно указал на вред французской политики для Прибалтики. Он подчеркнул, что надо приложить все усилия, чтобы избежать взаимного соперничества молодых государств, которые должны привыкнуть к сотрудничеству и доброй воле. Главной задачей этого сотрудничества, по мнению Ллойд-Джорджа, является предотвращение «углубления того социального и экономического конфликта, который исходит из российской революции и угрожает войной, могущей уничтожить всю цивилизацию и благосостояние Европы»¹¹¹. Здесь, хотя замаскировано, но четко обозначен характер задуманного Англией союза балтийских государств. В первую очередь он должен был быть союзом, направленным против Советского государства.

С помощью контролируемого Англией союза малых балтийских государств британские политики надеялись сохранить господство английского флота в Балтийском море, достигнутое после разгрома Германии. По мнению генерала Берта, английские военно-морские силы, размещенные в Балтийском море, можно было бы заменить флотом балтийских государств. Но для этого военно-морские силы Латвии, Эстонии, Литвы и Финляндии должны были быть достаточно сильны. Это означало, что их надо создать почти заново. Раскрывая свои планы послу Латвии, генерал Берт не забыл напомнить, что такой объединенный флот должен будет руководствоваться единой политикой, которая согласована с

¹⁰⁹ «Brīvā Zeme», 1921. g. 4. sept.

¹¹⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 174.

¹¹¹ «Brīvā Zeme», 1922. g. 8. janv.

одним из великих государств, например с Англией. Это, безусловно, означало то, что господство Великобритании в Балтийском море останется непоколебленным. Объединенный флот зависимых от Англии государств должен будет служить только маскировочной ширмой для прикрытия британской экспансии. По словам Берта, Англия не желала бы дать повод другим государствам для разговоров об английской политике в Прибалтике.

Латвийский посол Бисениек считал выдвинутый генералом Бертом план английского империализма выгодным для буржуазной Латвии и других балтийских буржуазных государств. В своем письме Мейеровицу от 22 октября 1921 года он указал, что в случае войны против Советского государства (это явствует из содержания письма. — А. В.) флот Латвии, а также военно-морские силы других балтийских буржуазных государств не будут в состоянии выполнить даже задачи обороны. Дипломат буржуазной Латвии думал, что в таком случае Англия может быть лучшим помощником, чем Германия или Франция. «...Остается, — констатировал Бисениек, — только Англия. Военные базы этой страны находятся на самом близком расстоянии от Балтийского моря — в Северном море... В силу близкого расстояния, он [английский флот] мог бы своевременно прибыть в Балтийское море, чтобы кооперироваться с флотом балтийских государств»¹¹². Есть основания думать, что суждения Мейеровица и других деятелей правительственных кругов буржуазной Латвии по этому вопросу совпадали с мыслями Бисениека. Это подтверждает тот факт, что посол Бисениек по поручению своего правительства в конце 1921 года в Лондоне вел переговоры с представителями Эстонии и Литвы о приглашении генерала Берта в Прибалтику в качестве военного советника, дабы с помощью Англии укрепить армии и флоты Латвии, Литвы и Эстонии¹¹³.

Открытые антисоветские выступления в Карелии в конце 1921 года снова возбудили интерес к созданию агрессивного антисоветского блока в Прибалтике. Это особенно было заметно в Финляндии и в Польше. Уже в сентябре, по приглашению польского военного министра, в Варшаву направилась финляндская военная делегация¹¹⁴. «... Влияние франко-польской «опеки» на нашем востоке выветривается очень мед-

¹¹² ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 173.

¹¹³ Там же, л. 230—232.

¹¹⁴ «Известия», 18 сентября 1921 года.

ленно и все еще дает нам себя чувствовать», — по этому поводу писала литовская газета «Свободная Литва»¹¹⁵.

По поводу политики английского империализма в этот период Исполнительный Комитет Коминтерна в своем Обращении от 24 сентября 1921 года указал, что «банда, группирующаяся вокруг английского военного министра Уинстона Черчилля, ни на минуту не прекращая своих интриг против Советской России, готовится снова свести английскую политику с мирного пути на путь французской военной политики»¹¹⁶.

В буржуазной Латвии также активизировались открыто воинственные круги. Их настроение отражали газеты «Латвия с карейвис» и «Латвия с саргс». Они требовали сближения с Польшей в целях скорейшего создания антисоветского союза. Польша, используя благоприятные условия, еще раз попыталась реализовать свои прежние намерения в отношении военного антисоветского союза государств. В польской прессе появились высказывания, направленные против Англии и политики Ллойд-Джорджа. В них сквозила мысль, что средне-европейская «Малая Антанта» под руководством Франции и «Балтийский союз», управляемый Польшей, сумеют принудить Ллойд-Джорджа изменить тактику борьбы против Советской России¹¹⁷.

Этот шаг Польши противоречил интересам правительственных кругов буржуазной Латвии. Они были готовы сделать Латвию мостом для реализации ллойд-джорджевской экономической интервенции в Советское государство. В октябре 1921 г. официоз правительства «Валдибас вестнесис» писал: «Отношения между Латвией и Англией настолько дружественны, что каждая попытка испортить их с помощью интриг — пустое дело»¹¹⁸.

16 декабря 1921 года, в разгар антисоветских выступлений в Карелии, в Таллине была созвана конференция Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии¹¹⁹. Отсутствия Польши, весьма важного военного фактора, на этой конференции можно объяснить только преобладанием английской ориентации стран-участниц.

¹¹⁵ «Бюллетень НКВД», 12 октября 1921 года, № 96, стр. 9.

¹¹⁶ «Бюллетень Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», 1921 г., № 3, стр. 74.

¹¹⁷ «Правда», 17 марта 1922 года.

¹¹⁸ «Valdības Vēstnesis», 1921. g. 15. okt.

¹¹⁹ «Brīvā Zeme», 1921. g. 20. dec.

Официальная латвийская печать и руководители иностранной политики Латвии старались придать Таллинской (Ревельской) конференции исключительно экономическое значение. Этим недвусмысленным маневром официальные политики хотели отвлечь внимание общества от действительных целей и задач внезапно созванной конференции. Но скоро в печать просочились сведения, что конференция займется вопросами «текущей политической жизни». Указывалось также, что она является продолжением состоявшейся в сентябре Рижской конференции четырех балтийских республик. Это вкупе с составом совещания лишний раз указывало на его проанглийскую направленность.

Какие проблемы «текущей политики» разрабатывались на Таллинской конференции, явствует из сообщения посла Латвии Бисениека представителю министерства иностранных дел Англии Грегори, который интересовался совещанием. Там указывалось, что предполагалось рассмотреть два главных политических вопроса: «Балтийский союз» и обеспечение выполнения Россией мирных договоров. В связи с этим, по сообщению посла, будет обсужден и вопрос о Вильнюсе¹²⁰. По оценке представительства РСФСР в Латвии, эти вопросы сами по себе уже определяли антисоветскую направленность встречи¹²¹. Конференция должна была иметь целью, с одной стороны, создание антисоветского союза балтийских государств, контролируемых Англией, с другой — определение ближайшей совместной политики балтийских республик в случае осложнений и разрыва советско-финских переговоров. Конференцию четырех государств в Таллине можно рассматривать не только как новый этап по оформлению и выявлению позиции балтийских буржуазных республик по отношению к Советской России, не только как новое звено в цепи внутрибалтийских отношений, но и как некоторое проявление роста английской тенденции в вопросе создания «Балтийского союза». Конференция явилась новым фактором на пути консолидации общественно-милитаристских сил балтийских буржуазных республик в желаемом для Англии направлении. Советское представительство в Латвии заметило, что, пользуясь карельской авантюрой и учитывая нужды Финляндии в помощи со стороны ее ближайших соседей, латвийское правительство надеялось путем оказания такой помощи втянуть

¹²⁰ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 2, д. 33, л. 235.

¹²¹ См.: АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 6, папка 212, л. 57.

Финляндию в «Балтийский союз» четырех государств (без Польши)¹²². Однако различие интересов участниц Таллинской конференции не позволило добиться сколько-нибудь значительных результатов в достижении целей совещания. В конце января 1922 г. министр иностранных дел Латвии З. Мейеровиц мог высказать только надежду на скорую реализацию «Балтийского союза», причем он эту надежду должен был ограничить туманным заявлением, что «придется удовлетвориться так называемой «малой Балтийской Антантой»¹²³.

В начале 1922 г. значительно возросли тенденции заключить направленный против РСФСР военный договор между Финляндией и Польшей. Победы Советской власти в Закавказье особенно пугали буржуазию Финляндии и приблизили ее к Польше, хотя в части финской буржуазии, связанной с социал-демократической партией, создалась довольно сильная оппозиция к этому направлению.

Правительственные круги буржуазной Латвии в то время в отношении союза с Польшей были более сдержанными и ориентировались на Англию. На запрос в палате общин, намерено ли английское правительство в согласии с Францией предпринять шаги для защиты Польши и других окраинных государств против Советской России, Чемберлен ответил, что нет причины предполагать, будто Советская Россия угрожает независимости этих государств¹²⁴. Проанглийскую направленность латвийских буржуазных правительственных кругов в антисоветской борьбе укрепили предъявленные Литве, а частично и Латвии, польские территориальные претензии.

В таких условиях по инициативе Польши была возобновлена попытка создания антисоветского союза четырех держав. Этот союз должен был нести также антианглийскую и антисоветскую направленность. Созыву конференции Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши в Варшаве благоприятствовало приближение Генуэзской конференции. Было необходимо разработать принципы единого поведения этих государств на предстоящей конференции. Эту необходимость признавало и правительство буржуазной Латвии, хотя накануне варшавской встречи идея союза с Польшей даже в буржуазных кругах Латвии особого подъема не вызывала. Империалистическая алчность Польши настолько явно угрожала буржуазной

¹²² См.: АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 8, папка 212, л. 29, 62—63.

¹²³ «Известия», 2 февраля 1922 года.

¹²⁴ «Правда», 11 марта 1922 года.

Латвии и Литве, что им приходилось заботиться не о покровительстве Польше, а о защите от ее посягательств.

В начале 1922 года наблюдалась усиленная работа французской дипломатии в Прибалтике¹²⁵. Министры иностранных дел Латвии, Эстонии и Финляндии были награждены орденом «Восстановления Польши» («*Polonia Restituta*») первой степени¹²⁶. «Теперь не надо ограничиваться только практическими вопросами, как консульской конвенцией, торговыми и транзитными договорами, надо будет войти в сферу прямых интересов и заниматься разрешением общих вопросов», — писал накануне Варшавской конференции польский министр Скимунт¹²⁷. Польша снова поставила на очередь вопрос об «оборонительном союзе».

Накануне Варшавской конференции, изучая проекты антисоветского «оборонительного союза» четырех государств, правительственные деятели буржуазных малых балтийских государств должны были дать себе отчет о серьезности создавшегося для них положения. Мирные договоры, заключенные между прибалтийскими лимитрофами и Советской Россией, устанавливали принципы мирного сосуществования, на основании которых реальные интересы соседних государств получали взаимное удовлетворение при полном сохранении политической и национальной самостоятельности. Между тем заключение военного союза против Советской России, в котором первенствующая роль принадлежала бы Польше, ставило взаимоотношения РСФСР и балтийских малых государств под угрозу вооруженной борьбы, исхода которой правительственные круги балтийских лимитрофов не могли предвидеть. Кроме того, этот союз связывал бы судьбу Прибалтийских государств со всеми превратностями польской политики, в которой авантюризм соединялся с неизбежной для вассала необходимостью подчиняться влиянию французского империализма. Наивное стремление «укрыться» за польской военной мощью грозило малым государствам оставлением наиболее выгодных для них позиций мира и опасностью быть втянутыми вслед за Польшей в роковую для них войну.

Конференция четырех государств в Варшаве в марте 1922 года снова показала невозможность создания открытого военного антисоветского блока балтийских государств. Противоположность интересов Франции, Польши и малых госу-

¹²⁵ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 9, папка 212, л. 2.

¹²⁶ «Brīvā Zeme», 1922. g. 20. martā.

¹²⁷ Там же, 16 марта 1922 года.

дарств притупила антисоветское острое подписанного на конференции 17 марта неконкретного, выдержанного в общих выражениях, военного соглашения¹²⁸. На заседаниях Учредительного собрания буржуазной Латвии, рассматривавших вопрос о ратификации Варшавского соглашения, депутаты социал-демократы резко критиковали этот документ за его открыто воинственный, не соответствующий политическим принципам Англии характер. Так, высказываясь против «Балтийского союза» под руководством Франции и Польши, депутат Циелен 31 марта 1922 года заявил: «Ничего больше вы не добьетесь, разве только укрепите позиции Польши по отношению к Литве, а также по отношению к Англии...»¹²⁹ Это не значит, что социал-демократы буржуазной Латвии вообще протестовали против «Балтийского союза» и боролись за самостоятельную внешнюю политику буржуазной Латвии. В тот же день депутат социал-демократ Мендер указывал, что самостоятельная внешняя политика для Латвии — только иллюзия¹³⁰. Социал-демократы Латвии были горячими пропагандистами английской ориентации в организации «Балтийского союза».

Без участия Советского государства в Генуэзской конференции невозможно было выдвинуть реальное требование — сохранить в Прибалтике статус-кво и рассматривать договоры, заключенные между балтийскими лимитрофами и Советской Россией, как общепризнанные. Уже во время Варшавской конференции представители Латвии и Эстонии предложили в этом вопросе принять единое, согласованное с РСФСР решение. Это было сделано 30 марта 1922 года в Риге на совещании Советской России, Латвии, Эстонии и Польши¹³¹ и нанесло значительный удар Варшавскому договору. Но соглашение так и не приобрело силы закона, так как парламент Финляндии отказался его ратифицировать¹³².

Неудачей Варшавской конференции закончился второй этап

¹²⁸ См.: Материалы Генуэзской конференции. М., 1922, стр. 48—50.

¹²⁹ *Latvija. Satversmes sapulces stenogramas*, 1126. lpp.

¹³⁰ Там же, стр. 1111.

¹³¹ См.: Документы внешней политики СССР, т. V, стр. 173—175.

¹³² «Известия», 25 авг. 1932 года.

В издании «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», часть III, вып. 2, М., 1929 г., стр. 148, имеется неточность в утверждении, что Варшавский договор, заключенный 17 марта 1922 года, ратифицирован только Эстонией. Этот договор ратифицировала также и буржуазная Латвия 31 марта 1922 года. См.: *Latvija. Satversmes sapulces stenogramas*. 1922., 1137.—1138. lpp.

в создании «Балтийского союза». Подобно плану создания «Балтийского союза» из пяти государств, план создания этого союза из четырех государств (Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши) потерпел провал. Это, главным образом, была неудача политики Франции в Прибалтике, что благоприятствовало дальнейшему росту влияния Англии в этом районе Европы. Несколькими годами позднее латвийский социал-демократ Мендер открыто писал, что Варшавская конференция потерпела неудачу также из-за того, что «английской политике времени Ллойд-Джорджа была нежелательна связь малых балтийских государств с Польшей»¹³³.

После заключения Рапалльского соглашения между Советской Россией и Германией Франция вновь старалась активизировать свою дипломатическую деятельность в Латвии. «Вполне очевидно стремление Франции создать из Прибалтийских стран барьер между Россией и Германией», — характеризуя положение в Латвии, указывало представительство РСФСР в Латвии 9 мая 1922 года¹³⁴. Однако французские аргументы оказались, по-видимому, недостаточно сильными, дабы окончательно склонить мнение латвийских правительственных кругов в пользу Франции. Буржуазия Латвии не была заинтересована стать барьером между Германией и Советской Россией. Более привлекательной для нее была роль посредника между Востоком и Западом, которую ей предлагала Англия. Правительство буржуазной Латвии считало своей задачей приложить «особые усилия», чтобы ее не отстранили от работ по экономическому перерождению Советской России¹³⁵.

Не имели успеха и другие франко-польские мероприятия весной 1922 года, направленные на привлечение буржуазной Латвии. В связанном с кругами польской контрразведки «Рижском курьере» появился «текст» русско-германской военной конвенции, 11-й параграф которого указывал на состоявшееся между РСФСР и Германией соглашение поделить Латвию между этими двумя державами. Помещенная в том же номере «Рижского курьера» передовица и комментарии к «тексту» конвенции говорили о стремлении России получить непосредственный выход к Балтийскому морю. Вся эта «сенсация» была рассчитана на то, чтобы запугать буржуазную Латвию угрозой ее независимости и восстановить против России и Германии. К великому огорчению французских режис-

¹³³ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 10—11, стр. 133.

¹³⁴ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 9, папка 212, л. 75.

¹³⁵ Z. Meierovics, 90. lpp.

серов, этот спектакль не удался. Из всех выходивших в Риге газет только «Сегодня»¹³⁶ перепечатала «текст» конвенции, и то с редакционными указаниями на его более чем сомнительную достоверность. На следующий день в «Сегодня» появилось интервью с германским послом, который в совершенно категорических выражениях заклеил сообщение «Рижского курьера» как грубую фальсификацию. «Ригаше рундшау»¹³⁷, не перепечатывая сообщения «Рижского курьера», поместила интервью с полномочным представителем РСФСР в Латвии К. К. Юрневым, который вскрыл истинные цели фальсификаторской и провокационной работы французских империалистов. Что же касается газет на латышском языке, то они ограничились короткими заметками о появлении в «Рижском курьере» «сенсации» с указанием на ее абсолютную неправдоподобность¹³⁸.

Вождь европейского империализма — Англия, которая в послевоенный период в высшей степени зависела от мирового рынка, была не в состоянии консолидировать свою экономическую основу без восстановления Германии и России. По этому поводу 1 мая 1922 года латвийский генеральный консул Биринь сообщил из Лондона, что там, несмотря на неудачу Генуэзской конференции, существует мнение, что Англия достаточно крепка для того, чтобы отдельно от Франции установить и укрепить связи со странами, в которых, по ее предположению, имеется рынок сбыта для английских товаров и где выгодно получить экономическое влияние¹³⁹. Для буржуазных правительств балтийских малых государств не было секретом стремление Англии превратить территорию Прибалтики в трамплин для экономического вторжения в Советскую Россию. Посол Бисениек 23 февраля 1923 года писал в своем дневнике: «Так как Латвия сама невелика, но за ней находится Россия, — думаю, что англичане в Россию захотят идти через Латвию»¹⁴⁰.

Начиная с 1922 года Англия стала более активно проникать в экономику Латвии. Таким образом, к политической и дипломатической зависимости присоединилась и экономическая. Буржуазное правительство Латвии этому только содей-

¹³⁶ «Сегодня» — газета, орган русской белогвардейщины в Риге.

¹³⁷ «Ригаше рундшау» — газета, отражавшая интересы немецкой буржуазии Латвии.

¹³⁸ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 9, папка 212, л. 75—76.

¹³⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 3, д. 52, л. 322.

¹⁴⁰ Там же, ф. 4597, оп. 3, д. 3237, л. 72.

ствовало. Его соображения по этому поводу достаточно ясно изложены в меморандуме политико-экономического департамента министерства иностранных дел «Наши хозяйственные отношения с заграницей» от 27 ноября 1923 года. Там говорилось: «Симпатии великих союзных государств к нам и готовность поддержать нас в случае международных осложнений во многом будут зависеть от того, насколько велики их капиталы, вложенные в наше благосостояние и безопасность. Потому нам надо продуманной и активной хозяйственной политикой стараться укрепить и консолидировать те достижения, которые до сих пор достигнуты в нашей внешней политике дипломатическими средствами»¹⁴¹. Этот документ, без сомнений, подтверждает готовность буржуазной Латвии отдать свой трудовой народ на разграбление английскому капиталу, лишь бы только сохранить мнимую политическую самостоятельность и права приоритета в эксплуатации латышских рабочих и крестьян.

В конце 1922 и в начале 1923 года на совещаниях представителей балтийских государств все чаще выдвигались экономические вопросы. Продолжались попытки разработки общей экономической политики по отношению к Советской России. Эта политика должна была стать компонентом английской экономической интервенции в Советское государство. В то же время балтийские государства, и в частности буржуазная Латвия, хотели найти общие принципы для своей роли посредника между Востоком и Западом. Это особенно рельефно проявилось на экономической конференции Прибалтийских государств, открывшейся 5 марта 1923 года в Гельсингфорсе. Открывая эту конференцию, министр иностранных дел Финляндии определил ее задачи следующим образом: «Финляндия созвала экономическую конференцию для разрешения вопросов, связанных с самостоятельным существованием балтийских государств и той ролью посредника между Западом и Востоком, которую эти государства играют. В частности, необходимо обсудить вопрос об использовании балтийских портов в целях международной связи, однако, без принесения в жертву интересов малых государств»¹⁴².

В конференции кроме представителей Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши участвовали также представители Литвы¹⁴³. Это означало снижение удельного веса Польши

¹⁴¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 4, д. 29, л. 92.

¹⁴² «Известия», 9 марта 1923 года.

¹⁴³ Там же, 6 марта 1923 года.

в Прибалтике. Снижение роли Польши в свою очередь уменьшило шансы Франции добиться более значительного влияния в данном районе Европы и вытеснить оттуда Англию. После провала Варшавского договора Финляндия также заметно переориентировалась. Послом Финляндии в Латвии и Эстонии был назначен Холсти — известный финский дипломат, бывший министр иностранных дел¹⁴⁴. Это показывает, что Финляндия своей ближайшей задачей считала установление более тесных контактов с этими странами и отходила от ранее проектировавшегося союза четырех государств во главе с Польшей.

Гельсингфорсская экономическая конференция, а также другие такого же рода совещания наталкивались на многие нерешенные спорные проблемы и потому обычно кончались только принятием неконкретных резолюций. Англия этой неконкретности только способствовала, так как она не была заинтересована в разработке балтийскими странами единых принципов для своей роли посредника. Для нее выгоднее была экономическая раздробленность балтийских государств. Это только укрепляло их зависимость от Англии. Не называя имен, орган Крестьянского союза «Брива земе» писал, что срыву Гельсингфорсской конференции содействовали значительные закулисные силы¹⁴⁵.

С 9 по 11 июля 1923 года по инициативе Польши в Риге состоялась конференция министров иностранных дел четырех балтийских государств без Литвы¹⁴⁶. Цели этой конференции определил заместитель министра иностранных дел Польши Страсбургер в интервью с представителями рижской прессы. Он сказал: «Независимо от своего отношения к Малой Антанте, Польша не изменила своего отношения к балтийским государствам. Независимости последних в ближайшее время не грозит опасность ни с чьей стороны. Они, однако, должны бы заключить тесный оборонительный (читай: антисоветский. — А. В.) союз с целью сделать невозможным нарушение мира»¹⁴⁷.

Уже до конференции было ясно, что создать союз этих четырех государств под руководством Польши и Франции не удастся. Премьер буржуазной Латвии того времени З. Мейеровиц в интервью заявил, что в ближайшем будущем союз

¹⁴⁴ «Brīvā Zeme», 1923. g. 19. febr.

¹⁴⁵ Там же, 1 марта 1923 года.

¹⁴⁶ Там же, 9 июля 1923 года.

¹⁴⁷ «Международная жизнь», 1923, № 1, стр. 58.

балтийских государств в полном объеме невозможен¹⁴⁸. Обсуждая вопрос о созываемой конференции Прибалтийских государств, финляндская печать подчеркивала, что со стороны Польши снова предпринимаются попытки заставить Финляндию отказаться от своей отрицательной позиции по отношению к Варшавскому договору 1922 года, отвергнутому в свое время финляндским сеймом. Финский официоз «Гельсингин саномат» считал, что усилия польского правительства, направляемые под давлением Франции против Германии, не позволяют Финляндии ориентироваться на Польшу¹⁴⁹.

Чувствуя такое отрицательное настроение, министр иностранных дел Польши Сейда не прибыл на конференцию, а командировал туда своего заместителя Страсбургера. В связи с Рижской конференцией орган польских социал-демократов «Работник» 13 июля 1923 года констатировал: «Польша потеряла в балтийских государствах прежнее к себе доверие, и идея союза Эстонии, Латвии и Литвы крепнет»¹⁵⁰. Польша, таким образом, и в Риге не выполнила той миссии, которая была возложена на нее Францией. Латвия как бы выскользнула из-под влияния Польши. Польша в Латвии была выбита из седла, а вместе с ней и Франция. Этому значительно способствовал ратифицированный 21 июля 1923 года англо-латвийский торговый договор. «Англия является великим государством, с которым нам необходимы самые близкие отношения. Основные принципы английской политики для нас весьма приемлемы. Если мы хотели бы рассмотреть свою дальнейшую политическую конъюнктуру, тогда мы должны прийти к заключению, что в дальнейшем у нас могут быть только общие политические линии и общие политические интересы», — в связи с ратификацией англо-латвийского торгового договора на заседании сейма Латвии подчеркнул депутат демократического центра А. Калнынь¹⁵¹.

19 июля 1923 года временно исполняющий обязанности посла сообщил из Лондона министерству иностранных дел буржуазной Латвии, что со стороны некоторых заинтересованных лиц в Англии ведется кампания с целью побудить некую крупную группу парламентариев вручить премьеру Англии Болдуину особый меморандум о том, какие конкретные шаги надо предпринять со стороны Великобритании, чтобы

¹⁴⁸ «Известия», 1 июля 1923 года.

¹⁴⁹ Там же, 2 июля 1923 года.

¹⁵⁰ «Международная жизнь», 1923, № 2, стр. 53.

¹⁵¹ *Latvija. Saeima, 1., III sesija. 1434.—1435. lpp.*

расширить свое политическое и экономическое влияние в Латвии и в других Прибалтийских государствах¹⁵². 12 июля генерал Берг прочел членам парламента реферат о Латвии¹⁵³. 27 августа в окрестностях города Даугавпилс проходили большие маневры частей армии буржуазной Латвии. Сюда в качестве наблюдателя из Лондона прибыл генерал Берг¹⁵⁴. 30 августа в Ригу прибыла делегация английских парламентариев¹⁵⁵. Эти факты достаточно ярко говорят о том, что Англия свое политическое влияние в Латвии не только удержала, но и расширила.

Во второй половине 1923 года начались переговоры между Латвией и Эстонией, а частично и Литвой, о создании союза трех балтийских государств. 1 ноября эти переговоры завершились заключением латвийско-эстонской военной конвенции на десять лет¹⁵⁶. Если задуманные ранее организуемые Польшей и неосуществленные блоки балтийских государств, с одной стороны, были направлены против СССР, а с другой — против Германии, то эта конвенция была заключена только против Советского государства. В декабре 1923 года, выступая в парламенте Латвии, социал-демократ Мендер определил латвийско-эстонскую конвенцию как «первый шаг к союзу малых балтийских государств»¹⁵⁷. В действительности эта военная конвенция была первым организованным и официальным компонентом в руководимом Англией замаскированном лозунгами обороны и экономического сотрудничества, империалистическом антисоветском фронте в районе Прибалтики.

В Англии латвийско-эстонская конвенция была принята с одобрением. В связи с этим журнал «Фортнайтли ревю» писал: «Идея Балтийского союза не умерла; малые государства Эстонии и Латвии не позволили ей умереть, так как эта идея является путеводной звездой их внешней политики»¹⁵⁸.

В 1923 году после укрепления своего влияния в малых бережных государствах Прибалтики и ликвидации попыток Франции соперничать в этой области с Англией последняя обратила внимание на Польшу как на важный военный фак-

¹⁵² ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 4, д. 29, л. 84.

¹⁵³ Там же, д. 34, л. 1.

¹⁵⁴ «Правда», 21 августа 1923 года.

¹⁵⁵ Там же, 1 сентября 1923 года.

¹⁵⁶ См.: Международная политика новейшего времени, ч. III, вып. II. стр. 232—233.

¹⁵⁷ Latvija. Saeima, I., III sesija, 518. lpp.

¹⁵⁸ «The Firtnightly Review», February, 1924, p. 304.

тор. Это частично было связано и с открытыми антисоветскими выпадами лорда Керзона. В мае Польшу посетил начальник генерального штаба Англии Каван¹⁵⁹. В августе начались англо-польские переговоры о назначении в Польшу английского финансового советника¹⁶⁰. Переговоры увенчались назначением на этот пост англичанина Юнга. Как показало дальнейшее развитие событий, это были первые шаги распространения английского влияния в Польше. Чувствуя рост военных настроений в английских политических кругах по отношению к Советскому Союзу, польские милитаристы начали заигрывать с Лондоном. Вышло так, что и в Польше «Франция оказалась слишком слабой, чтобы укрепить за собой достигнутую победу»¹⁶¹. Осенью 1923 года Остин Гаррисон писал, что Англия в состоянии спасти Польшу от развала и освободить ее от влияния Франции. Таким образом, по его мнению, был бы создан «восточный конкордат», который «имел бы больше значения, чем дюжина конференций»¹⁶².

В сущности, с конца 1923 года Польша снова стала центром, вокруг которого, на этот раз под руководством Англии, продолжалась организация антисоветского «Балтийского союза».

¹⁵⁹ «Известия», 25 мая 1923 года.

¹⁶⁰ Там же, 17 августа 1923 года.

¹⁶¹ Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, стр. 423.

¹⁶² «Известия», 16 ноября 1923 года.

ГЛАВА VI

АНГЛИЯ И ПОЗИЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

Зависимость буржуазной Латвии от западного империализма, особенно английского, наглядно проявлялась в позиции, которую занимали делегаты латвийского буржуазного правительства на международных конференциях.

На заседании Верховного совета союзных держав 6 января 1922 г. в Каннах была принята резолюция о созыве международной экономической конференции, на которую «всем европейским державам, в том числе Германии, России, Австрии, Венгрии и Болгарии, должно быть предложено послать своих представителей»¹.

Основной вопрос этой созванной в Женеве конференции, по определению Г. В. Чичерина, заключался в том, будет ли совершаться самостоятельное экономическое развитие России с помощью иностранного капитала, но без подчинения ему, или же этот капитал приобретет в ней господство². Женевская конференция явилась кульминационным пунктом программы мирного капиталистического проникновения в Россию, выдвинутой английским премьером Ллойд-Джорджем. Эта политика была самой тонкой и искусной формой общеимпериалистской политики ликвидации нового, Советского государства и восстановления целостности мирового господства империализма. Женевская конференция была новой попыткой найти выход из общего кризиса капитализма путем экономического закабаления Советской России и включения ее заново в капиталистическую систему в качестве объекта эксплуатации.

В то же время эта конференция ярко отражала запутанный клубок противоречий между империалистическими странами, особенно открыто — между Англией и Францией. В период

¹ См.: И. Ф. Ивашин. Очерки истории внешней политики СССР. М., 1958, стр. 92.

² Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам внешней политики, стр. 230.

подготовки и проведения Генуэзской конференции снова всплыла на поверхность сложившаяся в первые годы после первой мировой войны глубокая противоположность методов, по существу непримиримость между французской линией территориальной экспансии, военного могущества и подавления противника, линией, связанной с преобладающим влиянием ростовщической политики французских больших банков, и английской линией коммерческой экспансии, восстановления рынков в побежденных или разоренных странах, недопущения гегемонии одной страны на европейском материке.

Идею необходимости немедленного созыва международной экономической конференции, «в которой приняли бы участие все страны — союзные, центральные и нейтральные, — которые пострадали от войны», открыто выдвинул в начале 1920 года Асквит³. «Международное положение настоятельно требует прочного мира и возобновления коммерческих сношений с Россией», — писал он. Правительство Франции выступило против созыва конференции с участием Советской России и Германии. Французский президент Мильеран в начале 1922 года заявил, что не может быть и речи о нормальных отношениях с Россией, пока в ней не будет восстановлен старый режим. Премьер-министру Бриану, подписавшему каннскую резолюцию, французский парламент выразил недоверие. Новый глава правительства — Пуанкаре взял курс на срыв конференции⁴.

Правительство буржуазной Латвии 18 января 1922 г. получило приглашение участвовать в Генуэзской конференции⁵. Сразу было заметно, что буржуазные политики Латвии в отношении созываемой конференции поддерживают линию Ллойд-Джорджа. 24 января орган правительственной партии «Брива земе» с надеждой писал: «Балтийские государства как страны транзита будут жизненными артериями, через которые в Россию будет притекать молодая кровь промышленности...»⁶ «Специалист» по английским делам посол Бисениек в начале февраля высказался: «Если Генуэзская конференция даст благоприятные результаты, то предвидятся новые рынки для английской промышленности. В таком случае и Латвия будет сильно заинтересована, ибо ее географическое положение заставляет думать о том, что большая часть меновой торговли пойдет че-

³ См.: «Manchester Guardian», February 2, 1920.

⁴ И. Ф. И в а ш и н. Очерки истории внешней политики СССР, стр. 92.

⁵ «Brīvā Zeme», 1922. g. 19. janv.

⁶ Там же, 24 января 1922 года.

рез Латвию»⁷. Полное одобрение латвийским правительством ллойд-джорджевских целей Генуэзской конференции официально подтвердил премьер З. Мейеровиц на заседании сейма 31 марта 1922 года. «Мы хотим, — сказал он, — чтобы поощрялись транзит, торговля и промышленность, мы стоим за то, чтобы поощрялись кредитные операции, особенно для Советской России, политическая физиономия которой, а также правовое положение еще не являются достаточной гарантией для всех западноевропейских государств»⁸. При этом З. Мейеровиц взялся обеспечить буржуазной Латвии роль посредника между Западом и Востоком. Правительство буржуазной Латвии было готово сделать все, чтобы проторить дорогу для проникновения английского капитала в Советскую Россию. «Мы хотим создать условия, с помощью которых наши хозяйственные возможности... были бы по мере сил во всем и в полной степени использованы», — твердил премьер-министр буржуазной Латвии⁹.

На Генуэзской конференции правительство буржуазной Латвии надеялось достичь и некоторых собственных целей в плане улучшения экономического положения своего государства. По заявлению Мейеровица, на этой конференции латвийская делегация собиралась выступить с требованием об отпуске международного кредита для восстановления экономической жизни Латвии¹⁰. Чтобы подготовиться к этому, кабинет министров решил разработать отчет об экономическом положении Латвии и издать его в виде брошюры для участников Генуэзской конференции. В течение февраля работала особая комиссия по подготовке этих материалов¹¹. Таким образом, правительство буржуазной Латвии главные свои усилия во время подготовки к конференции направило на вопросы экономического и финансового характера. На сколько-нибудь заметную роль в «большой политике» правительству буржуазной Латвии рассчитывать не приходилось. Оно могло быть лишь послушным исполнителем этой политики. Поэтому вопросы «большой политики» на предстоящей Генуэзской конференции мало дискуссировались латвийской печатью. Это отчасти объясняется неясностью обстановки и разногласиями, существовавшими между Англией и Францией, а также противоречивым положением балтийских марионеток.

⁷ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 7, папка 212, л. 11.

⁸ *Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas. 1922., 1107. lpp.*

⁹ Там же, стр. 1108.

¹⁰ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 8, папка 212, л. 91.

¹¹ «Brīvā Zeme», 1922. g. 3. febr.

Накануне конференции снова возник вопрос уплаты долгов царской России. Разбор этого вопроса в Генуе особенно пугал буржуазные круги Латвии. Опасения необходимости заплатить часть долгов царской России усилились после того, как в феврале в органе польского представительства «Рижский курьер» появилась подстрекательская заметка, в которой сообщалось, что Франция якобы вручила правительствам окраинных государств ноту, в которой требовалось их участие в уплате царских долгов. Подобное сообщение было помещено и в английской газете «Дейли телеграф»¹². В докладе Лондонского совещания экспертов, подготовлявших программу Генуэзской конференции, также не было твердого определения вопроса о царских долгах. В примечании к статье 1-й второй главы второго раздела программы говорилось, что вопрос о том, «причастны ли и в какой мере новые государства, возникшие на российской территории и ныне признанные, а также государства, приобретшие часть русской территории, к обязательствам по уплате долгов царской России», — является «вопросом политическим». Эти вопросы, по мнению экспертов, могут решать только сами правительства союзников¹³. Латвийский буржуазный экономист профессор Балод высчитал, что Латвии пришлось бы уплатить 250 миллионов рублей золотом, или около 30 миллиардов латвийских рублей. Одни проценты, считая 5% годовых, составили бы 1,5 миллиарда латвийских рублей в год¹⁴.

Англия в вопросе о царских долгах избрала более гибкую политику, чем Франция. Традиционные торговые связи, существовавшие между Россией и Англией в прошлом, большие экономические затруднения Англии в послевоенные годы, острые противоречия между нею и ее конкурентами толкали английское правительство на путь экономического соглашения с Советской Россией. Желая иметь прецедент, чтобы освободиться от уплаты долгов Соединенным Штатам, Америки, английские представители дали понять, что они готовы пойти на снятие военных долгов прежних правительств России. Англия обусловила это отказом советского правительства от требований возмещения ущерба, понесенного интервенцией. Ллойд-Джордж заявил, что можно вместо реституции собственности иностранцев согласиться на компенсацию в форме аренды или

¹² АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 8, папка 212, л. 91.

¹³ Генуэзская конференция. Стенографический отчет. Материалы и документы. Вып. I. НКВД РСФСР. М., 1922, стр. 46.

¹⁴ «Международная жизнь», 1922, № 2, стр. 1.

концессии. «Концессии для Англии, — указывал В. И. Ленин, — более приемлемы, чем для Франции, которая еще мечтает о получении долгов, а в Англии об этом перестали думать сколько-нибудь деловые капиталисты»¹⁵. В такой обстановке латвийские деловые круги в период подготовки Генуэзской конференции, естественно, ориентировались на Англию и симпатизировали ее политике.

Но денежные претензии не исчерпывали тех требований, которые могли быть предъявлены к малым государствам великими державами. Крайние марионеточные государства должны были быть готовы и к требованиям изменения их политического и территориального положения.

Все это вынуждало правительство буржуазной Латвии в интересах самозащиты искать союзников для поддержания единой линии на ожидаемой конференции в Генуе. Уже в январе 1922 г. «Брива земе» писала, что «влияние балтийских государств на Генуэзской конференции возросло бы, если бы они держались вместе и говорили на общем языке...» Газета считала, что в создавшейся обстановке очень важно провести совещание пяти балтийских государств, чтобы разработать общую линию поведения на конференции, особенно по вопросу царских долгов¹⁶. Снова в качестве инструмента, обеспечивающего единство действий балтийских стран, выдвигался «Балтийский союз».

В начале 1922 года, как указывалось раньше, правительственные круги Латвии были настроены довольно сдержанно по отношению к союзу с Польшей¹⁷. Поэтому они предложили созвать предшествующее Генуэзской конференции совещание балтийских стран в Гельсингфорсе¹⁸. Польша, используя удобный случай для возобновления сколачивания открыто воинственного «Балтийского союза» под покровительством Франции, пригласила Финляндию, Эстонию и Латвию на конференцию в Варшаву¹⁹. Этот шаг Польши, отрывавший буржуазную Латвию от английской ориентации и приближавший к Франции, в данный момент для правительства буржуазной Латвии был неудобен и нежелателен. На это указывают некоторые намеки премьер-министра З. Мейеровица на отказ от предварительного совещания балтийских государств, предшествующего Генуэзской кон-

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 443.

¹⁶ «Brivā Zeme», 1922. g. 24. janv.

¹⁷ Подробнее см. стр. 141—145 настоящего издания.

¹⁸ «Известия», 7 февраля 1922 года.

¹⁹ «Jaunākās Ziņas», 1922. g. 8. febr.

ференции. После получения польского приглашения он заявил корреспонденту одной американской газеты, что «предварительное совещание балтийских государств не является необходимым»²⁰. Причину неожиданного индифферентизма Мейеровица по отношению к конференции балтийских государств следует искать в опасениях правительства буржуазной Латвии попасть под франко-польское влияние, особенно по вопросу об уплате части царских долгов.

Все же необходимость разработки принципов единого поведения государств на Генуэзской конференции вынудила правительство буржуазной Латвии принять предложение Польши об участии в конференции в Варшаве. При этом следует отметить, что буржуазную Латвию к Польше приближал уже выше отмеченный рост активности французской дипломатии в начале 1922 г., а также некоторое совпадение интересов, затрагиваемых на Генуэзской конференции. Хотя польское правительство и заявило, что оно на ожидаемой конференции будет полностью солидарно с Францией, «требующей выполнения Версальского договора», в польской прессе все же прозвучала мысль о намерении добиться в Генуе общего признания заключенного с Советской Россией мирного договора, который освобождал Польшу от царских долгов²¹. Как Польша, так и Латвия были заинтересованы в сохранении роли посредников между Западом и Востоком. Ни одна, ни другая не были увлечены планируемым западным империализмом разделением Советской России между великими державами Запада на сферы экономического влияния или созданием международного консорциума для ее эксплуатации. Они были заинтересованы в том, чтобы сохранить в Восточной Европе существующее положение²². Только это могло бы им обеспечить выгоды, получаемые от транзита и посреднической торговли. Кроме того, сохранение статус-кво было необходимо малым балтийским государствам в целях охранения их «суверенитета» от возможных нападков со стороны западных государств, а для Польши — как средство сохранения ее границ, которые распространялись дальше указанных в Версальском договоре. При этом следует отметить, что во время и после Варшавского совещания латвийские и эстонские государственные деятели и пресса выступали по

²⁰ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 8, папка 212, л. 90.

²¹ «Международная жизнь», 1922, № 2, стр. 2.

²² См.: Latvija. Satversmes sapulce. Stenogramas, 1106.—1108. lpp.; ЦГИА ЛатвССР, ф. 73, оп. 1, д. 2, л. 1.

вопросу долгов довольно открыто и активно²³. Напротив, польский министр иностранных дел официально опроверг сообщение телеграфного агентства Польши о том, что на Варшавской конференции представителей балтийских государств был затронут вопрос о долгах царской России²⁴. Это еще одно свидетельство тому, что буржуазные политики Латвии находились главным образом под влиянием Англии и потому, используя ее уступчивое отношение к долгам царской России, не боялись говорить о них. Польские же заправилы страшились разговорами о царских долгах навлечь на себя недовольство своего хозяина — Франции.

Решения, принятые по вопросу о царских долгах и договорах, заключенных между Советской Россией и участниками Варшавского совещания, без участия Советского государства — главного действующего лица, — практически были лишены всякого значения. Они были неосуществимы. Поэтому, несмотря на то что на Варшавской конференции параллельно подготовке к Генуэзской конференции замышлялась попытка создания антисоветского «Балтийского союза», представитель Эстонии возбудил вопрос о созыве до генуэзской встречи новой Балтийской конференции, в которой приняли бы участие также Литва и Советская Россия²⁵. Несостоятельность варшавских решений без участия Советского государства понимали и другие участники конференции. 22 марта премьер буржуазной Латвии признал: «Если по краткости времени такое совещание (вместе с РСФСР. — *А. В.*) нельзя созвать в Риге, то его нужно было бы устроить в Генуе немедленно после съезда соответствующих делегаций»²⁶. Из этого видно, что Прибалтийские страны должны были обращаться к Советскому государству, чтобы предохранить свой политический и экономический «суверенитет» от возможных посягательств Запада.

29 марта 1922 года в Риге открылась Балтийская конференция с участием Советской России. Кроме представителей РСФСР там участвовали делегаты всех стран — участниц только что окончившейся варшавской встречи. Правительство Литвы отказалось участвовать в конференции, так как в ней предполагалось участие представителя Польши. Польский представитель Июдко имел ограниченные полномочия и от голосования резолюций относительно Генуэзской конференции

²³ См.: «Международная жизнь», 1922, № 3.

²⁴ См.: «Известия», 18 марта 1922 года.

²⁵ «Известия», 17 марта 1922 года.

²⁶ Там же, 25 марта 1922 года.

уклонялся. Этого от него требовала французская ориентация и осторожность, вызванная боязнью не испортить польско-французские отношения. Финский посол Сильвандер присутствовал на конференции с информативной целью и фактического участия не принимал²⁷. Буржуазные правительства Латвии и Эстонии на конференцию с РСФСР шли более открыто. В выборе такой позиции немалую роль играло преклонение политиков этих стран перед политическим курсом и методами Ллойд-Джорджа. Нельзя забывать о том, что буржуазные правители сводили роль Латвии к роли моста, связывающего Россию с Западной Европой в рамках политики Ллойд-Джорджа. Стесненное положение Латвии, скудость ее экономических ресурсов не давали возможности открыть в ней непосредственный рынок товаров, необходимых для восстановления России. Ограниченная же потребность внутри Латвии не открывала и перспективы для сбыта здесь экспортных товаров России. Оставалось лишь взять на себя роль торгового тракта для заграничных товаров, идущих в Россию и из России.

Этим определялись и задачи: использовать все средства, чтобы сделать этот мост наиболее проходимым, торговый путь наиболее доступным и удобным, требующим как можно меньше накладных расходов.

В резолюции, принятой Балтийской конференцией в Риге 30 марта 1922 года, указывалось, что «в интересах возобновления торговых сношений между государствами, представленными на настоящей конференции, желательно: 1) Взаимно предоставить право въезда и облегчить свободу передвижения граждан конфе́рирующих стран, отправляющихся за границу для заключения торговых сделок, в соответствии с существующими в данной стране законами... 2) Облегчить железнодорожные сообщения между государствами, представленными на конференции, и в частности установить прямое сообщение для грузов, идущих в эти страны, и т. д.»²⁸. Нет сомнения, что эти обязанности включили для себя в решение главным образом представители балтийских стран. Они недвусмысленно открывали Англии реальную возможность использовать Эстонию и Латвию как мост в Россию.

Балтийская конференция в Риге с участием Советской России, по определению представительства РСФСР в Латвии, «явилась несомненным успехом советской дипломатии»²⁹. Она

²⁷ См.: «Правда» и «Известия», 30 марта и 1 апреля 1922 года.

²⁸ См.: «Известия», 2 апреля 1922 года.

²⁹ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 9, папка 212, л. 48.

также подтверждает факт, что в то время английское влияние в районе Балтийского моря уже достигло определенных успехов в вытеснении французского соперничества. Об этом в докладе ВЦИКу 7 мая 1922 года говорил советский дипломат А. А. Иоффе. Он указывал, «что на Рижской конференции были приняты два чрезвычайно важных пункта: во-первых, всеми участниками совещания подчеркнута была необходимость признания России де-юре, а во-вторых, всеми участниками признана была необходимость ограничения вооружений в Европе, как в целях установления мира, так и в целях восстановления хозяйства Европы». «Если вспомнить, — отмечал Иоффе, — с какой болезненностью Франция всегда относится к вопросу о разоружении Европы, то нужно будет признать серьезное политическое значение за этими решениями, раз Латвия и особенно Польша, которая все время является подголоском Франции, рискнули пойти на такой шаг. Нужно признать этот факт фактом большой важности и началом того высвобождения Малой Европы из-под французского влияния, которое с каждым днем все более резко и ярко выявлялось на самой Генуэзской конференции»³⁰.

О том, что Франция почувствовала непрочность своего положения в районе Прибалтики, свидетельствует раздраженная шумиха, поднятая после Рижского совещания во Франции, а частично и в Польше. Глава французского правительства Пуанкаре, ознакомившись с резолюциями Рижской конференции, «имел продолжительную беседу с польским послом», причем выразил ему «самое крайнее изумление» и сделал замечание в связи с неожиданно крутым изменением польской политики. Польскому послу пришлось оправдываться и долго убеждать своего хозяина, что Польша, несмотря на рижские резолюции, осталась прежней³¹. Наиболее расположенные к Польше французские политики полагали, что рижский протокол — это несомненная ошибка польской политики, которая оставит после себя «болезненное воспоминание»³². После такого давления представитель Польши Скирмунт на Генуэзской конференции был вынужден идти на попятный и объяснить, «что этот документ, будучи лишь заключительным протоколом совещания, происходившего в Риге между делегатами Балтийских государств, Польши и России во время проезда русской

³⁰ А. А. Иоффе. От Генуи до Гааги. М.—Пг., стр. 5.

³¹ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, лор. 9, папка 212, л. 48.

³² «Правда», 7 апреля 1922 года.

делегации через Ригу, содержит только обмен мнений, никак не могущих рассматриваться как обязательства польского правительства»³³.

Кампания, поднятая французскими и польскими империалистами против рижских постановлений, по-видимому, весьма смутила руководителей латвийской политики. Беседа Мейеровица с представителями печати, состоявшаяся в Берлине, свидетельствовала о полной растерянности латвийского министра иностранных дел и скорее напоминала лепет провинившегося школьника, чем заявление государственного деятеля. «Советскую Россию никто де-юре не признавал на конференции, — оправдывался З. Мейеровиц. — В польском мирном договоре с Советской Россией имеется пункт, указывающий на то, что Польша и Россия взаимно признают друг друга; этого пункта в мирном договоре, подписанном Советской Россией с Латвией, не имеется. Там имеется лишь пункт о признании Латвии Советской Россией»³⁴. Это не мы ее признали, это она нас признала! Вот логика буржуазного дипломата!

О том, что подписывая протокол Рижской конференции, дипломаты буржуазной Латвии заботились, как бы своими «самостоятельными» действиями не повредить политике Англии и в каком-то направлении не перейти дозволенных границ, свидетельствует инструктивное письмо министра иностранных дел Латвии 3 мая 1922 года послу в Лондоне. В этом письме, в связи с одобренным Рижской конференцией вопросом о необходимости признания Советской России де-юре всеми государствами, Мейеровиц указывал послу, что в Англии «надо обратить внимание на очень осторожную формулировку этого вопроса в протоколе». «Время, когда Россию надо было бы признать, а также наше активное выступление по этому делу там совсем не предусматриваются», — писал министр³⁵.

Английские политические деятели отнеслись к Рижской конференции и ее резолюциям с традиционным для английской дипломатии молчанием. О том, что это молчание было достаточно одобрительным в отношении мер, принятых латвийским правительством, свидетельствует сообщение генконсула Латвии Бириня из Лондона. Он довел до сведения министра иностранных дел Латвии, что позиция, занимаемая Францией, в Англии рассматривается как помеха, и английская печать открыто заявляет, что в случае недостижения на Генуэзской конференции

³³ Материалы Генуэзской конференции. М., 1922, стр. 262—263.

³⁴ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 9, папка 212, л. 48.

³⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 73, оп. 1, д. 3, л. 380.

единого фронта Англия в экономических вопросах пойдет своим путем и будет поддерживать мир и открытую торговлю с Россией и другими странами. В сообщении далее указывалось, что английские правящие круги Генуэзскую конференцию, если она не будет иметь успеха, не будут рассматривать как решающий фактор, так как Англия достаточно могущественна, чтобы установить и укрепить связи с государствами, в которых предвидится рынок сбыта для ее товаров и возможность реализовать экономические интересы. Генконсул не забыл подтвердить, что доброжелательность Англии к Латвии всегда была велика, и советует латвийским торговцам обратить более активное внимание на поддержание торговых отношений с английскими фирмами, чтобы транзитная торговля не попала в руки иностранных посредников в тот момент, когда откроется рынок России³⁶. Посол буржуазной Латвии в Лондоне Бисениек в докладной министру иностранных дел Мейеровицу 21 апреля также сообщал о положительных откликах по поводу Рижской конференции в английских политических кругах³⁷. Разумеется, что такие настроения в Англии еще больше укрепили решимость руководителей латвийской иностранной политики идти по пути, указанному Ллойд-Джорджем.

Роль делегации буржуазной Латвии на самой Генуэзской конференции была незначительна. После конференции член делегации министр финансов Калнынь должен был признать, что «в Генуе важнее были политические вопросы» и что «Латвия, разумеется, в вопросах «большой политики» не имела никакой инициативы»³⁸. Во время конференции орган правящей партии буржуазной Латвии «Брива земе» с досадой писал: «Наши фактические права экономически бедных государств не могли быть большими по сравнению с правами великих богатых государств, особенно тех, которые в последнее время как победители решали судьбу Европы. Нам нужны друзья, нам нужны деньги, и все это нам надо искать, искать и молчать там, где молчат старые малые суверенные государства, которые находятся в известной хозяйственной зависимости от какой-либо великой державы. Поэтому в начале Генуэзской конференции, несмотря на декларации о равноправии, малые государства, особенно молодые суверенные государства, должны были довольствоваться ролью наблюдателя...»³⁹ К этому довольно

³⁶ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-г, оп. 3, д. 52, л. 322.

³⁷ Там же, ф. 73, оп. 1, д. 3, л. 239.

³⁸ «Brīvā Zeme», 1922. g. 13. jūnijā.

³⁹ Там же, 6 мая 1922 года.

откровенному признанию следует лишь добавить, что в роли наблюдателя делегация буржуазной Латвии оставалась до конца конференции.

Уже указывалось, что своей главной, «собственной» задачей на Генуэзской конференции политики буржуазной Латвии считали решение некоторых экономических вопросов. «Брива земе» эти задачи формулировала так: «У Латвии на конференции две задачи. Во-первых, получить необходимый нам кредит за границей... Во-вторых, мы должны убедить Западную Европу, что Латвия является естественным посредником между Западом и Востоком...»⁴⁰ Выдвинутые задачи, особенно вторая, были очень тесно связаны с курсом Ллойд-Джорджа на экономическое вторжение Запада, главным образом Англии, в Советское государство. Видно, что политики буржуазной Латвии строили свои планы только на основе и в соответствии с планами Англии. Никаких собственных планов участия в хозяйственном оздоровлении Европы и своего государства правящие буржуазные партии не имели. Такой тактикой буржуазно-меньшевистская коалиция низводила Латвию до роли слепого орудия в руках государств Антанты, особенно Англии.

В работе политической комиссии — в центре работы Генуэзской конференции — буржуазная Латвия не участвовала. В пленарных заседаниях комиссий могли принимать участие все государства, но эти заседания комиссий носили формально-декларативный характер. На них принимались резолюции, выработанные в рабочих подкомиссиях. Государства, не принимавшие участия в работах подкомиссий, могли на заседания подкомиссий (таких заседаний было обычно два — одно в начале, другое в конце работы) вносить свои оговорки и добавления, реальная ценность которых была весьма невелика⁴¹.

Представители буржуазной Латвии на Генуэзской конференции участвовали в работе следующих подкомиссий: во второй (кредитной) подкомиссии второй (финансовой) комиссии, в первой (экономической) подкомиссии третьей (экономической) комиссии, в третьей (водной) подкомиссии четвертой (транспортной) комиссии⁴². В некоторых случаях латвийские дипломаты попадали в эти подкомиссии только благодаря своему «покровителю» — Англии. Так, в работу кредитной подкомиссии представитель Латвии был включен по предложению

⁴⁰ «Brīvā Zeme», 1922. g. 3. aprīlī.

⁴¹ Б. Е. Штейн. Генуэзская конференция. М., 1922, стр. 31.

⁴² Там же, стр. 32—33.

председателя подкомиссии, представителя Великобритании Хорна⁴³.

Малочисленные и короткие выступления делегатов буржуазной Латвии в подкомиссиях Генуэзской конференции носили сугубо формальный характер. Они были направлены на достижение ранее установленных целей и насыщены комплиментами в адрес «великих союзников». В речи З. Мейеровица на заседании экономической подкомиссии 21 апреля всячески расхваливались предложения Лондонского совещания экспертов и особенно проект делегации Великобритании по экономическим вопросам. По высказыванию премьера и министра иностранных дел Латвии, этот проект «в наиполнейшей мере объединяет те разные мнения, которые ранее высказаны представителями разных направлений»⁴⁴. Из этой речи представителя буржуазной Латвии безошибочно можно определить, что его симпатии на Генуэзской конференции главным образом принадлежат Англии. Пропаганде Латвии как транзитной страны между Западом и Востоком было посвящено выступление посла Латвии в Италии М. Вальтера в подкомиссии транспортной комиссии и меморандум Латвии, внесенный на рассмотрение членов той же комиссии⁴⁵.

Решения Рижской конференции балтийских стран и РСФСР представители Латвии на Генуэзской конференции обходили молчанием. Только в самом конце конференции (19 мая) латвийские делегаты совместно с представителями Эстонии и Финляндии заявили, что их мирные договоры с Советской Россией «не могут быть подвергнуты изменению»⁴⁶. В беседе с корреспондентом итальянской газеты «Корриэре дипломатика э консоларе» З. Мейеровиц, учитывая довольно реальную политику итальянского правительства в «русском вопросе», заявил: «Поскольку можно предвидеть, что положение в России в ближайшем будущем не изменится и учитывая экономическое положение России, надо стараться достигнуть соглашения, которое советское правительство могло бы выполнить. Такое соглашение установило бы мир в Восточной Европе и улучшило бы экономическое положение всей Европы»⁴⁷. Как видно, и это заявление не выходило из рамок политики, предложенной Ллойд-Джорджем. Последний, выступая 25 мая в английском

⁴³ Б. Е. Штейн. Указ. раб., стр. 32.

⁴⁴ «Brīvā Zeme», 1922. g. 28. aprīlī.

⁴⁵ Там же, 2 и 23 мая 1922 года.

⁴⁶ См.: Материалы Генуэзской конференции, стр. 301, 438.

⁴⁷ «Brīvā Zeme», 1922. g. 29. maijā.

парламенте по поводу Генуэзской конференции, заявил, что «какого-то соглашения с Россией надо достигнуть во имя мира в мире, независимо от того, что то или иное правительство думает о режиме большевиков»⁴⁸.

В прессе упоминалось о некоторых попытках создать на Генуэзской конференции блок балтийских государств, но никакие конкретные решения не были приняты — слишком велика была зависимость этих стран от западного империализма и слишком явны противоречия между самими балтийскими странами⁴⁹.

Советско-германский договор, подписанный во время Генуэзской конференции в Рапалло, для латвийской общественности частично был неожиданностью. По определению представительства РСФСР в Латвии, в этой связи «внешняя политика буржуазно-меньшевистской коалиции, опиравшаяся целиком на Антанту, обнаруживает трудно скрываемое смущение»⁵⁰. Все строившиеся только на «великих союзниках» дипломатические и хозяйственные расчеты руководителей внешней политики буржуазной Латвии начали рассыпаться, поскольку ожидаемого вовлечения России в орбиту «союзной» политики не произошло. Поэтому вначале латвийская печать отнеслась к договору отрицательно⁵¹. Поторопился отмежеваться от договора также находившийся в Генуе премьер Латвии З. Мейеровиц. Он опубликовал разъяснение, что «нет никакой аналогии между Рижским протоколом и договором в Рапалло» и что «необходимо устранить всяческую неясность, чтобы на поведение балтийских государств на конференции не пало ни малейшей тени подозрения»⁵². Это во многом свидетельствовало и о том, что отрицательную позицию к советско-германскому договору политические круги Латвии заняли по примеру отрицательного отношения к этому документу со стороны союзников. О том, что заявление Мейеровица было только шагом перестраховки, свидетельствует его письмо, направленное несколько позднее (6 мая) директору Государственной канцелярии Рудзиту. Там говорилось, что «полностью необоснованным является волнение части общественности по поводу германо-русского договора» и что «он [договор] не опасен и полностью естествен, так как по своему стилю немного напоминает мирные договоры балтий-

⁴⁸ «Brīvā Zeme», 1922. g. 27. maijā.

⁴⁹ См.: «Правда», 3 мая 1922 года; «Brīvā Zeme», 1922. g. 29. aprīlī.

⁵⁰ АВП СССР, ф. 56, оп. 19, порц. 9, папка 212, л. 61.

⁵¹ Там же, л. 61—62.

⁵² Там же, л. 62.

ских государств с Россией»⁵³. Кроме того, факт, что во время Генуэзской конференции латвийская делегация вела с германскими представителями переговоры об урегулировании экономических отношений между обеими странами, свидетельствует о некотором старании правительства Латвии вести в отношении Германии в какой-то степени самостоятельную внешнюю политику⁵⁴. Но это нисколько не противоречило ллойд-джорджевской линии английской внешней политики послегенуэзского периода. «Нью стейтсмен» 27 мая 1922 г. писала: «...мы должны совершенно открыто заявить Франции, что мы туда (в рамки Версальского договора. — А. В.) не вернемся, что мы хотим прочно урегулировать наши отношения с Германией и Россией. А если для этого придется покончить с Антантой, — пусть!»⁵⁵ Зависимое от западного империализма правительство буржуазной Латвии, разумеется, не осмелилось занять столь радикальную позицию, и его желанием было, чтобы острые тактические споры между Англией и Францией уладились бы в общих интересах капиталистического мира⁵⁶.

Генуэзская конференция не оправдала надежд, возлагавшихся на нее широкими народными массами Европы. «Созванная под лозунгом экономического восстановления и упрочения мира Европы, — указывается в ноте заместителя НКИД РСФСР Литвинова на имя министров ИД Эстонии, Финляндии, Латвии и Польши от 12 июня 1922 г., — Генуэзская конференция почти все свое внимание уделила отстаиванию материальных интересов сравнительно незначительной группы людей, потерпевших убытки в результате европейской войны, революции и интервенции в Россию, и уклонилась от такого разрешения стоящих перед ней задач, которое действительно могло бы в значительной мере устранить причины испытываемого во всей Европе и за ее пределами экономического кризиса и предотвратить опасность новых войн»⁵⁷. Генуэзская конференция ничего не дала не только латышскому народу, но и буржуазному государству Латвии. Она только показала, что это марионеточное государство прочно опутано дипломатическими тенетами западной, особенно английской, дипломатии.

Конференция по сокращению вооружений, созванная в

⁵³ Z. Meierovics, 469. lpp.

⁵⁴ См.: «Международная жизнь», 1922, № 6, стр. 38.

⁵⁵ «New Statesman», May 27, 1922.

⁵⁶ «Brīvā Zeme», 1922. g. 30. maijā.

⁵⁷ Внешняя политика СССР 1917—1944 гг. Сборник документов под редакцией С. А. Лозовского, т. II. М., 1946, стр. 422.

декабре 1922 г. в Москве, не была политическим событием первостепенной важности. На нем Советская Россия «встретилась не с левиафанами империалистического мира, а с небольшими, возникшими на окраинах бывшей царской России государствами — Польшей, Финляндией, Латвией и Эстонией, — играющими в системе капиталистических государств подчиненную роль»⁵⁸. Московская конференция была первым открытым дипломатическим столкновением двух линий решения жизненно важных и актуальных до наших дней вопросов о сокращении вооружений и разоружении. Эта конференция со всей отчетливостью показала зависимость буржуазной Латвии и других балтийских лимитрофов от западной дипломатии в подходе к этим вопросам, к тому времени уже легализованным в уставе Лиги наций.

В изменившейся после разгрома интервентов обстановке борьба за разоружение стала составной частью общей борьбы Советского государства за обеспечение всеобщего мира. Вместе с тем эта задача отвечала жизненным потребностям народов всех стран, кровно заинтересованных в сохранении мира.

Накануне Генуэзской конференции участники рижской встречи РСФСР и балтийских государств по предложению советской делегации торжественно подтвердили «свои искренние пожелания всеобщего мира, равно как и решения жить в добрых отношениях и производить разрешение спорных вопросов мирным путем...». В этих целях они обещали «в полной мере поддерживать принцип ограничения вооружений во всех государствах...». Делегаты Рижской конференции считали «необходимым установление вдоль границ зон, где вооруженные силы будут допускаемы в ограниченном и равном для обоих соседних государств количестве...», и выразили пожелание, чтобы стороны, представленные на данном совещании, выработали в Генуе точные проекты, имеющие целью осуществление вышеприведенных принципов⁵⁹.

Присоединение правительства буржуазной Латвии к этому заявлению было лицемерным шагом. Оно уже тогда жаждало только одностороннего разоружения Советского государства. Об этом свидетельствует заявление органа правительственной партии «Брива земе» от 20 февраля 1922 года, где сказано: «Латвия не может и не смеет думать о значительном сокращении армии, а наоборот, о более серьезном техническом воору-

⁵⁸ «Международная жизнь», 1922, № 17, стр. 1.

⁵⁹ См.: Генуэзская конференция. Материалы и документы. Вып. I, стр. 68.

жении и обучении офицерства и солдат»⁶⁰. Еще более открыто высказался эстонский посланник в Берлине Менинген. 19 марта 1922 года он заявил, что обязательства по сокращению вооруженных сил в основном касаются Красной Армии⁶¹.

Выступая 10 апреля 1922 года с программной речью на Генуэзской конференции, Г. В. Чичерин заявил о готовности советской делегации «поддержать всякие предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной вооруженной борьбы и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения»⁶². Советское предложение вызвало противодействие Франции и Англии, ссылавшихся на перегруженность программы и якобы формальное свойство этого предложения, и на конференции не обсуждалось⁶³. Делегаты балтийских государств, в том числе и представители буржуазной Латвии, несмотря на подписанное в Риге заявление, обошли советское предложение молчанием и, таким образом, фактически поддержали точку зрения Запада.

Во исполнение Рижского протокола от 12 июня 1922 года народный комиссар по иностранным делам обратился с нотой к правительствам Эстонии, Финляндии, Латвии и Польши. В этой ноте советское правительство, обрисовав бесплодность результатов Генуэзской конференции, верное своей миролюбивой политике, предложило созыв особой конференции для обсуждения «пропорционального сокращения вооруженных сил представляемых стран»⁶⁴. Правительство буржуазной Латвии ответило принципиальным согласием на предложения РСФСР, отложив свое окончательное решение впредь до выяснения результатов специально созываемой по этому поводу конференции балтийских государств. При этом отмечалось, что еще не установлено ни место, ни время созыва этой конференции⁶⁵.

В дальнейшем как в период подготовки, так и во время проведения конференции правительственные круги буржуазной Латвии руководствовались теми методами, которые для обсуждения вопроса о разоружении были разработаны в комис-

⁶⁰ «Brīvā Zeme», 1922. g. 20. februārī.

⁶¹ См.: «Международная жизнь», 1922, № 3.

⁶² Материалы Генуэзской конференции, стр. 80.

⁶³ См.: Внешняя политика СССР. 1917—1944 г., т. II, стр. 423.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «Известия», 30 июля 1922 года.

сиях Лиги наций. В их разработке принимали большое участие дипломаты Англии. Несмотря на то что эта методика, отвечавшая интересам самых реакционных кругов, явно была вредна жизненным интересам латвийского народа, буржуазные правители Латвии должны были «взять ее на вооружение». Этого требовало место буржуазной Латвии в империалистической системе.

Из анализа главных моментов работы Лиги наций по вопросу разоружения и сокращения вооружений явствует, что самыми излюбленными приемами западного империализма при решении этого вопроса были: 1) по возможности оттягивать конкретное обсуждение вопроса о разоружении, 2) задерживать принятие конкретных решений по этому вопросу с помощью бесконечной дискуссии в многочисленных комиссиях и других органах Лиги наций, 3) составлять туманные, расплывчатые, противоречивые и взаимоисключающие резолюции, лишённые практического значения и задерживающие любое практическое мероприятие по ликвидации гонки вооружения и перевооруженности⁶⁶.

С первых дней подготовки конференции по сокращению вооружений правительство буржуазной Латвии старалось использовать советы и консультации английских представителей в этой стране. Об этом свидетельствует факт, что уже 1 июля 1922 года копия советских предложений о созыве конференции была передана министерством иностранных дел английскому послу в Риге Уилтону⁶⁷.

Чтобы по возможности оттянуть решение вопроса о разоружении, помимо проволочек и неконкретности в официальной переписке с Народным комиссариатом по иностранным делам РСФСР, буржуазные политики Латвии использовали и свою печать, чтобы очернить искренние намерения Советского государства и представить предложенную конференцию в глазах народных масс нецелесообразной. Так, «Брива земе» 3 июля 1922 года писала, что Советская Россия хочет разоружаться только из-за тяжелого экономического положения, из-за того

⁶⁶ Для анализа работы Лиги наций по разоружению в период 1920—1923 гг. использован материал, помещенный в сборнике документов «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. III, вып. 2; в издании: Коровин Е. А. и Егоров В. В. Разоружение. Проблема разоружения в международном праве. Лига наций в фактах и документах (1920—1929). М.—Л., 1930; в статье Ю. Ключникова «Лига наций и разоружение», «Международная летопись», 1925, № 1; в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 2.

⁶⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-д, оп. 3, д. 53, л. 6.

обстоятельства, что Красная Армия, «состоящая из крестьян», непригодна для поддержки диктатуры пролетариата, что Советское государство намерено эту армию заменить воспитанниками военных училищ⁶⁸.

В то же время буржуазная пресса Латвии начала пропагандировать и расхваливать разработанные Лигой наций «планы по разоружению»⁶⁹. О том, что пресса «успешно» сыграла свою роль в торможении подготовки конференции по разоружению, свидетельствует признание премьера буржуазной Латвии корреспондентам, что «отношения Латвии с Советской Россией стали заметно холоднее, что отчасти вызвано резкими нападками латвийской печати...»⁷⁰

«Для ускорения работы конференции и для облегчения ее успеха», а фактически для оттягивания начала конференции министерство иностранных дел буржуазной Латвии 7 июля 1922 года затребовало от советского правительства «конкретную программу порядка дня конференции»⁷¹. 19 августа советское правительство снова направило ноту министерству иностранных дел Латвии, в которой подтвердило полученное от Финляндии, Эстонии и Польши согласие участвовать в конференции по разоружению и сообщало, что «порядок дня ее, по мнению Российского правительства, следует ограничить лишь одним вопросом — о сокращении вооружения на базисе, приемлемом для всех участников конференции...»⁷². Нота осталась без ответа. Народный комиссариат РСФСР по иностранным делам в заявлении от 24 августа раскрыл истинный характер маскированно-неопределенной позиции балтийских буржуазных стран по поводу созыва конференции. В нем говорилось: «...оттяжки в ответе, — ответы получены спустя месяц, — их неясность и нерешительность, своеобразная одиозная кампания в прессе, появившаяся во всех странах одновременно, — дают основание предполагать, что правительства, к которым мы обратились с нашим предложением, не особенно охотно его принимают»⁷³.

Проходившая в конце августа 1922 г. в Таллине (в Ревеле) конференция балтийских стран (без Литвы) и Польши выкалывалась в принципе за созыв предлагаемой советским прави-

⁶⁸ «Brīvā Zeme», 1922. g. 3. jūlijā.

⁶⁹ Там же, 10 июля 1922 года.

⁷⁰ «Известия», 18 августа 1922 года.

⁷¹ Внешняя политика СССР. 1917—1944 г., т. II, стр. 425.

⁷² Там же, стр. 426.

⁷³ Там же, стр. 432—433.

тельством конференции по разоружению, но обнаружила и существующие в отношении к этой встрече различия мнений между участниками. По сообщению латвийской буржуазной прессы, на Ревельской конференции был принят принцип постепенного сокращения вооружений путем сокращения военных бюджетов и установления размеров вооруженных сил для каждого из государств в пропорции к общему количеству населения в данной стране⁷⁴. Надо отметить, что в этих «принципах» заметно влияние проекта о разоружении, разработанного английским лордом Ишером⁷⁵. В то же время конференция выяснила и другие факторы, направлявшие поведение правительств балтийских стран в период подготовки конференции по разоружению. А именно, было принято решение участвовать в предложенной РСФСР конференции только после окончания сессии Лиги наций⁷⁶. Этот факт было вынуждено признать министерство иностранных дел буржуазной Латвии в ноте полпреду РСФСР в Латвии от 2 сентября 1922 г.⁷⁷. Но З. Мейеровиц старался по возможности убрать в тень этот один из определяющих факторов, задерживавших участие Латвии в обсуждении вместе с Советским государством вопроса о разоружении, и выпятил на передний план другие обстоятельства, якобы мешающие скорейшему созыву конференции (короткий срок подготовки, выборы в парламент)⁷⁸.

В сентябре и октябре 1922 г. проходила целая серия связанных с вопросом разоружения встреч политических и военных деятелей балтийских государств. В Варшаве состоялось военное совещание представителей генеральных штабов Латвии, Эстонии, Финляндии, Польши и Румынии⁷⁹. 8 октября в Таллине собрались министры иностранных дел Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии⁸⁰. Обе встречи были задуманы как подготовительные совещания накануне Московской конференции. Ничего принципиально нового в их решениях не было, так как проводились они просто для затягивания подготовительного периода. Следует только отметить, что в протоколе варшавской встречи уже непрямо предсказывался неуспех

⁷⁴ «Известия», 31 августа 1922 года.

⁷⁵ Текст проекта Ишера напечатан в издании: Е. А. Коровин и И. В. Егоров. Разоружение, стр. 175—176.

⁷⁶ «Известия», 2 сентября 1922 года.

⁷⁷ См.: Внешняя политика СССР. 1917—1944 г., т. II, стр. 432—433.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ «Правда», 26 сентября 1922 года.

⁸⁰ «Известия», 10 октября 1922 года.

предстоящей конференции. В частности, в протоколе было высказано предположение, что «переговоры военно-технического характера с Советской Россией натолкнутся, без сомнения, на непреодолимые преграды и не дадут представленным на конференции государствам желаемых результатов». Военные представители пяти государств в этом документе без стеснения заявили о неприемлемости для них предложения о сокращении армий⁸¹. Накануне Таллинского совещания польский министр иностранных дел мог только заявить, что «проект созыва конференции должен быть согласован с постановлениями конгресса Лиги наций»⁸². Мысль такого же содержания высказал и премьер Латвии З. Мейеровиц⁸³. Это лишний раз доказывает, что ожидание авторитетных указаний с Запада было главной причиной оттягивания со стороны балтийских государств созыва конференции по разоружению.

Наставная на жизненно важных для народов переговорах по вопросу о разоружении, советское правительство 31 октября вновь выступило с инициативой созыва конференции, предложив днем встречи 30 ноября 1922 года⁸⁴. Чтобы не компрометировать себя в глазах народных масс, правительства Прибалтийских стран, в том числе и Латвии, должны были в конце концов принять предложение советского правительства. Закончена также была сессия Лиги наций. Принятые там резолюции, особенно XV, «признавали» не только полезность всеобщего договора о разоружении, но также и допустимость порайонных соглашений по этому вопросу⁸⁵. Буржуазные правители Прибалтики считали, что это решение снимает с них ответственность перед западными хозяевами за слишком большую смелость и самостоятельность, выразившуюся в согласии на обсуждение вопроса о разоружении с Советским государством вне рамок Лиги наций.

Незадолго до Московской конференции по разоружению министр иностранных дел Польши Нарutowич заявил, что на конференции польская делегация будет руководствоваться постановлениями по вопросу разоружения, вынесенными Лигой наций, и будет стремиться к тому, чтобы решения, которые будут вынесены в Москве, соответствовали постановлениям Лиги

⁸¹ См.: ЦГИА ЛатвССР, ф. 38-д, оп. 3, д. 53, л. 136—137.

⁸² «Известия», 11 октября 1922 года.

⁸³ «Правда», 14 октября 1922 года.

⁸⁴ Внешняя политика СССР. 1917—1944 г. Т. II, стр. 433.

⁸⁵ См.: «Мировое хозяйство и мировая политика», 1922, № 2, стр. 129—130.

наций⁸⁶. Это, разумеется, до некоторой степени уже определяло исход Московской конференции, так как постановления Лиги во многом были предназначены не для реализации разоружения, а для его задержки и оттягивания. Отрицательное отношение к разоружению открыто высказал один из руководящих военных деятелей буржуазной Латвии, начальник главного штаба генерал Пеникис. Он заявил, что один из принципов разоружения для Латвии неприемлем. Возможное предложение России о сокращении вооруженных сил пропорционально численности народонаселения неприемлемо потому, что Латвия уже свела армию до размеров мирного состояния, а кроме того, это было бы возможно лишь после предварительного разоружения России. Далее Пеникис указывал, что пограничные нейтральные зоны должны быть установлены глубиной не менее однодневного похода, причем зона с русской стороны должна быть глубже, чем с латвийской⁸⁷. Это заявление показывает, что реакционные круги латвийской военщины были готовы открыто сорвать обсуждение вопроса о разоружении.

Однако правительства балтийских буржуазных стран не могли идти по пути открытого срыва предложенной советским правительством конференции. Они ехали в Москву потому, что не могли не ехать, хотя и не намеревались заняться проблемой разоружения всерьез. Отказаться от мирного предложения РСФСР значило слишком сильно скомпрометировать себя в глазах народных масс собственных стран, изнемогающих под игом милитаризма. Метод бесконечного затягивания обсуждения вопроса о разоружении потерпел крах.

2 декабря 1922 года конференция по разоружению в Москве была открыта⁸⁸. Советское правительство, несмотря на сложную и малообещающую обстановку, шло на эту конференцию с намерением вывести вопрос о разоружении из заколдованного круга, в который его втиснули противоречивые резолюции, разработанные в комиссии Лиги наций. В отчете НКИД о международном положении РСФСР за 1922 год говорилось: «Первый же практический успех на пути разоружения, как бы незначителен он ни был, несомненно, мог дать сильный толчок к движению в пользу всеобщего разоружения»⁸⁹.

На конференции сразу обозначились две противоположные

⁸⁶ «Известия», 28 ноября 1922 года.

⁸⁷ «Известия», 6 декабря 1922 года.

⁸⁸ См.: Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, стр. 22—23.

⁸⁹ Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет НКИД. М., 1923, стр. 49.

линии. На одной стороне стояла Советская Россия, на другой — коалиция Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии под дирижерством Польши. Литва, враждовавшая с Польшей из-за Виленской области, занимала среднюю позицию: она не шла с польско-балтийской коалицией, но не всегда поддерживала также и Советскую Россию.

Тактика «единого фронта» балтийских государств и Польши с начала Московской конференции была направлена на замаскированный срыв встречи. Предполагалось выступить против «красного империализма» с требованием максимального сокращения вооруженных сил России и одновременно потребовать от России «моральных гарантий» мира. Тактика эта была рассчитана на то, что Советское государство ни в коем случае не пойдет на серьезное сокращение своих вооруженных сил и еще менее согласится на «моральное разоружение», т. е. на принцип третьей стороны разбирательства в международных конфликтах. В результате должно было оказаться, что именно Советская Россия со своим «империализмом» и своим нежеланием признать для себя обязательной третейскую юрисдикцию при столкновениях с буржуазным миром является источником вишащей над Восточной Европой опасности военных столкновений, носителем агрессивных стремлений, угрожающих существованию ее соседей.

РСФСР на первом же заседании конференции резко и решительно поставила вопрос о разоружении. Она предложила: 1) в течение 1,5—2 лет сократить армии всех участвующих в конференции государств на 75%, доведя тем самым Красную Армию до 200 000 человек; 2) распустить все иррегулярные военные формирования; 3) произвести ограничение военных расходов заинтересованных государств в такой форме, чтобы каждое из них не имело права тратить больше определенной суммы в год при расчете в среднем на одного солдата; 4) наконец, установить по границам нейтральные зоны, где не должны находиться вооруженные силы⁹⁰.

Предложения Советского государства по вопросу о разоружении были столь радикальными, их формулировка была столь отчетлива, их мотивировка в смысле взаимной выгоды столь неотразима, что заготовленные польско-балтийской коалицией требования к «красному империализму» вовсе не могли быть предъявлены. Однако коалиция, усвоив общую точку зрения

⁹⁰ См.: Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, стр. 24—26.

Лиги наций на связь между разоружением и безопасностью⁹¹, начала длительные прения по вопросу о гарантиях безопасности и арбитраже и этим отвергла конкретные предложения по разоружению, сделанные советским правительством. Это было проделано с таким напором, что конференции в первые два дня ее работы грозил срыв даже из-за формальности: обсуждать ли вопрос о моральном разоружении в первую очередь, как этого требовали делегации Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии, или же обсуждать его параллельно с вопросами о материальном разоружении, на чем настаивала делегация РСФСР. Эстонская рабочая газета «Теелине» в связи с этим задавала вопрос: «Разве мирный договор настолько ненадежен, что нужно подтверждать его новой бумажкой?» И отвечала, что этим маневром «окраинные государства искали только благовидного предлога сорвать конференцию»⁹².

Когда советская делегация уступила этой формальности и, сохраняя свою основную точку зрения, приступила к совместному с другими делегациями рассмотрению вопроса о моральном разоружении в виде конкретного, представленного польской делегацией, проекта договора о ненападении и арбитраже, то скоро обнаружилось, что этот проект, составленный главным образом в целях демонстрации, оказался весьма слабым как формально политический документ⁹³. В процессе обсуждения не раз менялись роли, и делегации РСФСР приходилось вносить поправки, шедшие по заложенному в них реальному политическому смыслу, значительно дальше целей, указанных в первоначальном проекте⁹⁴.

После нескольких дней работы удалось добиться общей редакции договора о ненападении и арбитраже. Делегациям польско-балтийской коалиции пришлось волей-неволей перейти к следующему пункту повестки дня — к вопросу о материальном разоружении. Но с первых же шагов в этом направлении обнаружилось, что ни одна из стран коалиции, за исключением Литвы, не желает пожертвовать ни одним штыком, ни одной саблей. Неловкие попытки прикрыть этот факт математическими несообразностями были вскоре раскрыты⁹⁵. Тогда соеди-

⁹¹ См.: 14-я резолюция третьего собрания Лиги наций в 1922 г. по вопросу об ограничении вооружений. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 2, стр. 129.

⁹² «Правда», 17 декабря 1922 года.

⁹³ См.: Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 48—53.

⁹⁴ Там же, стр. 42—46.

⁹⁵ Там же, стр. 62—64.

ненные делегации Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии не нашли иного выхода из затруднительного положения, как неумело построенный и еще более неумело мотивированный срыв конференции⁹⁶.

Чтобы прикрыть свои неблагоприятные действия в глазах собственных народов, а также замаскировать в глазах мировой общественности свою роль агента западного империализма в торможении любого практического шага в вопросе о разоружении, делегации польско-балтийского блока во все время конференции «страдали» поразительной светобоязнью. Несмотря на протесты делегации РСФСР, они настаивали на том, чтобы после первого открытого пленума в дальнейшем переговоры велись под покровом тайны. Они отклонили также предложение советской делегации устроить открытый заключительный пленум, на котором были бы подведены итоги работы конференции, под тем предлогом, что такой пленум мог послужить лишь целям советской «пропаганды»⁹⁷. Буржуазные дипломаты прекрасно сознавали, что истина против них, и потому они старались скрыть истину. Характерно в этом смысле поведение буржуазной прессы Латвии. Например, орган Крестьянского союза «Брива земе» во время конференции молчал о происходившем там обмене мнениями. Он только констатировал факт прекращения конференции и неуклюже старался оправдать поведение своей делегации⁹⁸.

Нет сомнения, что в своей тактике срыва соглашения о возможном сокращении вооружения польско-балтийский блок «вдохновлялся» антисоветской политикой Англии, в частности выступлениями Керзона на проходившей в это время Лозаннской конференции, направленными против Советской России. Поведение представителей блока на конференции в Москве должно было демонстрировать полное их послушание дирижерской палочке Керзона — руководителя антисоветского оркестра в Лозанне. По поводу срыва конференции по разоружению газета «Финский рабочий» писала: «Провал Московской конференции объясняется давлением Англии на балтийские государства и Франции — на Польшу»⁹⁹. Слияние англо-французского давления в один общий нажим в этом случае вполне естественно, несмотря на существующее в то время соперничество этих государств в районе Прибалтики. Противоре-

⁹⁶ Документы внешней политики СССР, т. VI, стр. 65—66.

⁹⁷ Международная политика РСФСР в 1922 г., стр. 52.

⁹⁸ См.: «Brīvā Zeme», 1922. g. 12. dec.

⁹⁹ Цит. по: «Известия», 20 декабря 1922 года.

чия Англии и Франции по вопросу о разоружении постепенно теряли свою остроту. В конце 1922 г. на Женевской сессии Лиги наций при обсуждении вопроса о разоружении наблюдалось постепенное снижение французских претензий, с одной стороны, и готовность английского правительства к заключению военно-политических союзов, которые были бы следствием проведения в жизнь английского проекта договора «о гарантиях», — с другой.

Антинародное поведение делегаций балтийских государств, в том числе латвийской, на Московской конференции вызвало осуждение не только в широких кругах рабочего класса этих стран, но и в значительной части более прогрессивной буржуазии. Так, бывший министр иностранных дел Эстонии Пийп «отказался понять причины, по которым балтийские государства не сочли возможным обсуждать предложения советской делегации о сокращении армии», и подчеркнул неясность мотивировки отказа делегаций этих стран от предложенного Литвиновым последнего пленарного заседания¹⁰⁰.

Для всех времен и народов вопрос о разоружении являлся животрепещущим вопросом современности. «В нынешних условиях становится еще более очевидной необходимость борьбы народов за избавление от гонки вооружения», — указано в отчете ЦК КПСС XXII съезду партии¹⁰¹. Вокруг вопроса о разоружении велась и ведется политическая игра империалистических правительств. Вокруг него складываются дипломатические комбинации милитаристов, военные союзы и группировки и в то же время делались и делаются попытки посредством договоров о разоружении легализовать вооружение и оправдать его в глазах общественного мнения, за ширмой переговоров скрыть от трудящихся масс военные приготовления.

Для реализации своей лживой политики по разоружению империалистические державы использовали и используют зависимые от них малые государства, нередко превращая их в послушный рупор своей антинародной и антигуманной политики. В таком положении с первых лет своей «самостоятельности» была и буржуазная Латвия, государственные деятели которой безуспешно пытались укрыть завесой демагогии и националистических лозунгов холопью, предательскую, антинародную сущность своей политики, направлявшейся западным империализмом.

¹⁰⁰ «Правда», 17 декабря 1922 года.

¹⁰¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, стр. 31.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период 1920—1923 гг. политико-дипломатическое влияние английского империализма в буржуазной Латвии на основе закрепленных в 1919 году позиций и дальнейшей пробританской политики латвийского буржуазного правительства укрепились.

Цели британской политики в буржуазной Латвии были: в общеимпериалистических интересах добиться существования в районе Прибалтики зависимых от английского империализма «самостоятельных» государств для ограждения Европы от «влияния Советов»; создать в буржуазной Латвии удобный плацдарм для экономического вторжения английского капитала в Советскую Россию в целях возрождения английского капиталистического строя и подчинения России английскому экономическому владычеству, ликвидировать французское соперничество за влияние в районе Прибалтики.

Политико-дипломатическое влияние в буржуазной Латвии 1920—1923 гг. было необходимо Англии, главным образом, для дальнейшей реализации ее стратегических планов в борьбе за восстановление нарушенного мирового господства империализма и укрепления роли Англии в мировой империалистической системе. Поэтому экономическая эксплуатация буржуазной Латвии в эти годы для Великобритании была второстепенной задачей. В таких условиях английский империализм реализовал свое влияние в буржуазной Латвии не открытыми колонизаторскими методами, а более усовершенствованными приемами, используя латвийскую буржуазию и ее идеологию — местный буржуазный национализм.

Латвийская буржуазия в результате создавшегося политического и экономического положения нашла в лице английского империализма защитника своей политической власти в борьбе против классового врага — латвийского пролетариата. Поэтому она, объединив свою социальную ненависть к Советской России с антисоветскими планами империалистов, была безраздельно предана своему «защитнику» и выполняла любые указания английского империализма. Чтобы сохранить

свою политическую власть и «самостоятельность», буржуазия Латвии была готова подчинить свой народ эксплуатации английского капитала. Это открывало политико-дипломатическому влиянию Англии в Латвии 1920—1923 гг. возможности нарастания.

Создание единого империалистического антисоветского фронта в Прибалтике под руководством Англии в 1920—1923 гг. потерпело неудачу, несмотря на полную политико-дипломатическую преданность правительственных кругов буржуазной Латвии британским советчикам. Только в самом конце периода наметились первые организационные, юридически оформленные ростки такого блока в виде латвийско-эстонского военного союза. Противоречия, существовавшие между малыми странами Прибалтики, между этими странами и великими державами Запада, а также между самими великими державами, обуславливали непрочность этого фронта и в будущем. Большую роль в провале планов английского империализма в Прибалтике, в том числе и в буржуазной Латвии, сыграла мирная ленинская внешняя политика Советской России.

Начиная с 1924 года, особенно после прихода к власти в Англии консерваторов, ллойд-джорджевская политика экономического вторжения в Советское государство была сменена политикой подготовки новой военной интервенции в СССР. Новая фаза политики английского империализма на европейском континенте имела своеобразный оттенок в том смысле, что Англия не только стремилась поддержать в Европе «равновесие сил» и не допустить создания враждебной себе комбинации, но и прямо стремилась подчинить весь европейский континент своему влиянию и руководству. Локарнское соглашение и возникшие по его образцу под английской эгидой другие политические союзы, англо-итальянский альянс и создаваемый британский дипломатический блок от Балтийского до Северного моря («Северное Локарно»), — все это представляло собой проявление определенного стремления Лондона к утверждению своего господства во всей континентальной Европе.

Конец ллойд-джорджевской линии во внешней политике английского империализма и переход руководящей роли в этой области в руки английских «твердолобых» означал и смену тактики антисоветского фронта в Прибалтике, руководимого английским империализмом. Этот антисоветский союз должен был стать не только барьером, ограждающим Европу от влияния Советов, и удобным для Англии трамплином для экономического вторжения в Советское государство, но и плацдар-

мом для вооруженного вторжения в СССР. «Чемберленская Англия, — писала «Правда» в 1927 г., — ныне рассматривает лимитрофов... как трамплин для нападения на СССР»¹.

В таких условиях главным звеном в цепи антисоветских замыслов английских империалистов в прибалтийском районе стала Польша. Английское влияние в этой стране росло за счет падения руководящей роли Франции. Кроме того, интерес английских консерваторов к Польше обуславливался рядом факторов. Прежде всего Польша являлась выгодным стратегическим плацдармом для нападения на СССР, так как она была самым крупным государством на западной границе Советского Союза, имела самую большую общую границу со Страной Советов и вторую по величине армию в Европе.

В силу этих обстоятельств начиная с 1924 года политика английского империализма в малых балтийских странах изменилась в отношении к Польше и была направлена на сближение этих стран, в том числе и буржуазной Латвии, с Польшей.

1920—1923 годы в политике английского империализма в буржуазной Латвии характерны вовлечением этой страны не только в политико-дипломатическую, но и в хозяйственную орбиту Англии. В этот период экономическая деятельность английского капитала в Латвии приобрела официальную поддержку своего государства и в 1923 году получила юридическое оформление этой поддержки в виде англо-латвийского торгового договора. В связи с этим кончился спекулятивный период в англо-латвийских экономических отношениях и началась нормальная, поддержанная государственной властью Англии, эксплуатация Латвии английским капиталом. Экономическая власть, которую приобрел английский капитал в Латвии до 1924 года, была так значительна, что, несмотря на острую конкуренцию Германии, в течение последующих десяти лет он сумел в общем сохранить свои прежние ключевые позиции в латвийской экономике, особенно в экспорте².

В 1940 году трудовой народ Латвии, взяв политическую власть в свои руки, покончил с политико-дипломатическим влиянием и экономической властью западного, в том числе и английского, империализма в своей стране и восстановил Советскую власть, подавленную в 1919 году силами иностранной интервенции и местной реакции.

¹ «Правда», 26 января 1927 года.

² См.: А. Дризул. Латвия под властью фашизма. Р., 1960, стр. 65.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В в е д е н и е	3
Г л а в а I. Укрепление английского политического влияния в буржуазной Латвии накануне советско-латвийских мирных переговоров	5
Г л а в а II. Англия и советско-латвийские мирные переговоры	34
Г л а в а III. Определяющая роль Англии в решении пограничных споров между Латвией и соседними государствами	81
Г л а в а IV. Отношение Англии к признанию буржуазной Латвии де-юре и принятию в Лигу наций	93
Г л а в а V. Англия и попытки создания антисоветского «Балтийского союза»	118
Г л а в а VI. Англия и позиция буржуазной Латвии на международных конференциях	153
З а к л ю ч е н и е	179

А. Варславан

ПОЛИТИКА АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА
В ОТНОШЕНИИ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ
(1920—1923)

Редактор *В. Авдонина*. Худ. редактор *Р. Опмане*.
Техн. редактор *Г. Ванага*. Корректор *И. Самборская*.
Сдано в набор 6 августа 1966 г. Подписано к печати 15 февраля 1967 г. Формат бумаги 60×84/16.
11,5 физ. печ. л. 11,5 усл. печ. л. 11,19 уч. изд. л.

Тираж 520 экз. ЯТ 22030. Цена 80 коп.

Издательство «Звайгзне», г. Рига, бульвар Падомью, 24, изд. зак. № 185/30. Отпечатано во 2-й типографии Управления полиграфической промышленности Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР.

г. Рига, ул. Дзирнаву, 57. Заказ 2450.

80 коп.